

Степан Лисицян

АРМЯНЕ НАГОРНОГО КАРАБАХА

Ереван

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՍՏԵՓԱՆ ԼԻՍԻՑՅԱՆ

ԼԵՌՆԱՅԻՆ ՂԱՐԱԲԱՂԻ
ՀԱՅԵՐԸ

Ազգագրական ակնարկ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1992

9(17.925)

1-63

W108

2/101

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЕНИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

СТЕПАН ЛИСИЦЯН

АРМЯНЕ
НАГОРНОГО КАРАБАХА

Этнографический очерк

14553

Խորհուրդի և Խորհրդակցության Գործընկեր-
ներով Գրքի Բաժանմունքի և Երկրագրության
Խճիս Ընթացակարգի

38.10.1993

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЕНИИ
ЕРЕВАН 1992

Ե. Խորհրդակցության Գործընկեր

Спонсор издания — Внешнеэкономическая ассоциация
«Барегорцуюн»

Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии АН Армении

Ответственные редакторы:
канд. ист. наук Л. М. Варданян, Д. С. Вардумян

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
докт. ист. наук Э. Т. Карапетян,
канд. филол. наук А. С. Газиян

Лисицян С. Д.

Л 632 Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк/Отв. ред.: Л. М. Варданян и Д. С. Вардумян.—Ер., Изд-во АН Армении, 1992, с. 239.

Работа представляет историко-этнографическое исследование армян Арцаха (Нагорного Карабаха), в основу которого легли полевые материалы, собранные автором в этом регионе исторической Армении в 1920-ые гг. Подробно и всесторонне освещены основные аспекты материальной и духовной культуры, основные занятия жителей, семья и семейно-бытовая и обрядовая сферы, народные верования, праздники календарного цикла. Многие традиционные установления и обычаи в настоящее время уже изжиты из жизни и быта народа, и потому представленные в данной работе материалы уникальны. Большая часть их на русском языке вводится в научный оборот впервые.

Рассчитана на этнографов, историков, а также широкий круг читателей.

Л $\frac{0505000330}{703(02)-92}$ 34—91

ББК 63.5

ISBN 5—8080—243 5

© Издательство АН Армении, 1992

ОТ РЕДАКТОРА

Заслуженный деятель науки Армении, профессор Степан Данилович Лисицян (1865—1947 гг.) принадлежит к тому поколению видных армянских ученых, чья разносторонняя деятельность приобрела широкую известность еще в конце прошлого века. Получив образование в Европе (в 1889 г. окончил историко-филологический факультет Варшавского университета с ученой степенью кандидата), он всю свою напряженную творческую жизнь—почти 60 лет—посвятил служению науке и просвещению армянского народа¹.

Преподаватель духовной академии Геворгян в Эчмиадзине², основатель и на протяжении более 20 лет бессменный директор одной из первых на Кавказе (в Тифлисе) армянской гимназии с совместным обуче-

¹ Сам ученый, согласно принятой в то время традиции, по-русски подписывал свою фамилию через—иан, т. е. в форме «Лисициан».

Подробно о его жизни и деятельности см. «Степан Данилович Лисицян — Материалы к биобиблиографии ученых АрмССР». Вступит. статья С. Т. Еремяна, Д. С. Вардумяна. Библиография составлена Л. М. Варданян. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1987; Варданян Л. М. «Степан Данилович Лисицян (1865—1947 гг.)». — Сов. этнография, 1986, № 6, с. 59—69.

² В тот период, наряду с Лазаревским институтом восточных языков в Москве, Семинарией Нерсисян в Тифлисе и др. учебными заведениями, Духовная академия Эчмиадзина сыграла значительную роль в развитии армянской культуры и просвещения, особенно—арменоведения.

нием детей обоего пола, редактор и издатель первого в Восточной Армении массового детского журнала «Аскер»³, преподаватель семинарии Нерсисян, составитель (совместно с Ов. Туманяном и Л. Шантом) и издатель широко известного учебника армянского языка «Лусабер» для I—V классов⁴, автор многочисленных детских рассказов, активный сотрудник еженедельника «Тараз» и детского иллюстрированного журнала «Ахбюр», один из организаторов издательского дела в Закавказье, литературовед и публицист, автор многочисленных переводов научной, педагогической и художественной литературы⁵ с русского и ряда европейских языков, арменовед широкого профиля—таковы лишь основные аспекты его разносторонней деятельности в период жизни в Тифлисе.

В 1924 г. по приглашению правительства Армении С. Д. Лисицян переезжает в Ереван, где начинается новый плодотворный этап его творчества. Он целиком

³ Вокруг этого журнала С. Д. Лисицян удалось не только собрать видных представителей армянской литературы и искусства (Ов. Туманян, Ав. Исаакян, Ал. Ширванзаде, Г. Башинджагян, В. Суренянц и многие другие), но и подготовить целое поколение педагогических кадров.

⁴ В Закавказье в 1902—1922 гг., когда изменились школьные программы, «Лусабер» оставался почти единственным учебником армянского языка. С. Д. Лисицян предпринял и осуществил также издание его в Константинополе на западно-армянском литературном языке, где он начал выходить с 1911 г., в дальнейшем выдержав многократные переиздания вплоть до середины 1950-х гг.

⁵ В том числе романа Г. Сенкевича «Камо грядеши?», переведенного с польского оригинала на армянский язык и изданного С. Д. Лисицян еще при жизни автора в 1898 г., а затем переизданного в 1912 г. и дважды (в 1961 и 1983 гг.) в советский период. См.: Սենկևիչ Հ., Յոն Կրթան, Վեպ ներոնի ծածանակից, Բարդժ. Ստ. Իսիցյանի, թրֆիս, 1898:

посвящает себя научной деятельности, сочетая ее с преподаванием в высших учебных заведениях⁶.

В многогранном наследии С. Д. Лисицян особое место принадлежит научным изысканиям и плодотворной деятельности по организации этнографической науки в Армении. С наибольшей полнотой его исследовательский потенциал раскрылся после установления советской власти в Закавказье. Однако склонность к научной работе выявилась еще в студенческие годы, когда он проявил особый интерес к истории Армении. Свои научные исследования С. Д. Лисицян начал в Духовной академии Геворгян в Эчмиадзине, затем продолжал в Тифлисе, где они тесно переплетались с преподавательской деятельностью. В своих зарубежных поездках, наряду с изучением передового европейского опыта методов преподавания и обучения, он много работал в библиотеках Конгрегации венских мхитаристов, музеях Берлина, Константинополя и др. над первоисточниками по истории Армении. В эти же годы он часто выступал с публичными лекциями из общего курса «История Армении», которые были застенографированы и нашли отражение в местной периодической печати Тифлиса, Александраполя, Константинополя⁷. На протяжении многих лет С. Д. Лисицян был собран и изучен огромный материал по различ-

⁶ Здесь в Ереванском государственном университете с 1924 г. до конца своей жизни он читал курсы физической, а также исторической географии Закавказья, а затем—этнографии, руководил аспирантами, подготовив не одно поколение научных кадров.

⁷ Интересным и своеобразным синтезом деятельности С. Д. Лисицян как педагога и историка явился публиковавшийся им в «Аскер»-е цикл рассказов «Из родных легенд и преданий», в котором в доступной для детей форме он изложил ряд исторических сюжетов—об Айке и Бэле, Тигране Великом, Арташесе Завоевателе и др. В 1940 г. этот цикл издан отдельной книгой в Ереване. См.: Ստ. Իսիցյան, Հայրենի առասպելներից և վեպերից, Երևան, 1940:

ным периодам армянской истории. Тогда же он опубликовал ряд статей археологического, исторического и историко-географического характера⁸, а результаты этих исследований обобщил позже, в 1930—1940 гг.

В 1920-ые гг. С. Д. Лисицян, являясь членом Междоуниверситетского бюро при Наркомпросе Армении, а затем ученым секретарем Центрального краеведческого бюро Армении, возглавил краеведческую работу в республике, а позже, в 1935 г., стал одним из инициаторов создания Географического общества Армении, и, будучи членом правления, до конца жизни принимал самое активное участие в его работе. Географические изыскания составляют значительную часть его научной и организационной деятельности и неотъемлемы от исторических и географических исследований. Плодом многолетней работы ученого в этом направлении явился обобщающий труд по физической географии Армении⁹—одна из первых разработок по данному вопросу, где в сжатой, лаконичной форме представлены топография, климат, гидрография, почвы, флора и фауна, население и административное деление Советской Армении.

Особенно велик вклад С. Д. Лисицына в организацию и развитие этнографической науки. Он по праву считается одним из основоположников советской армянской этнографии, успешно и плодотворно развивавшим лучшие достижения ученых дореволюционного поколения (Е. Лалаяна, Г. Срэвандзьянца, Г. Хала-

⁸ С. Д. Лисицян. Кошун-Дашское мегалитическое поселение в Сисиане (Зангезуре).—Сборник памяти Н. Я. Марра. М.—Л., 1938. Он же. Тигран Великий по монетам.—Научный сборник, посвященный 20-летию Советской власти в Армении. Ереван, 1941. Он же. Փայկի տաճարի հուշարձանը և իր արժանատիքները. «Սովետ. Հայաստան», 1945, 23 սեպտ.:

⁹ Ստ. Լիսիցյան, Հեղձ ֆիզիկական աշխարհագրությունը, Գեոգրաֆիկական, Երևան, 1940:

тына). Этнографией С. Д. Лисицян начал заниматься еще в 1920-ые гг., будучи (до середины 1930-х гг.) научным сотрудником Кавказского историко-археологического института в Тифлисе (КИАИ). По заданию этого института он предпринял ряд научных экспедиций для сбора этнографического материала на территории армянских областей, вошедших в состав Закавказья. Результатом их явились неоднократные сообщения на заседаниях ученого совета института, а также серия статей, опубликованных в «Известиях» и «Бюллетенях» КИАИ и посвященных, в частности, истории народного традиционного жилища армян отдельных районов. В этих небольших по объему, но крайне важных работах, С. Д. Лисицян на конкретных примерах показал специфику народного жилища в различных историко-этнографических районах, а также впервые установил определенную генетическую связь конструкции крестьянского жилища—«глхатун» с армянскими культовыми сооружениями средневековья. Данная серия статей¹⁰ явилась лишь небольшой частью задуманного им всестороннего монографического исследования о народном жилище Армении, завершить которое ученый не успел¹¹. Не менее ценным в этой

¹⁰ С. Д. Лисицян. К изучению армянских крестьянских жилищ. Карабахский карадам.—Изв. КИАИ, т. 3, Тифлис, 1925, с. 97—108; Он же. Крестьянское жилище Высокой Армении.—Там же, т. 4, 1926, с. 55—70; О поездке в Мегринский район /21.VII—21. VIII. 1926 г./—Там же, с. 136—138; Он же. Из материалов по изучению жилищ Армении. I. Крестьянское жилище Мегринского района.—Там же, т. 6, 1927, с. 119—140; Он же. Из материалов по изучению жилищ Армении. 2. Нор Баязетский Կазарашенк и заметки о крестьянских жилищах соседских районов Памбакского и Даралагязского.—Там же, с. 133—140.

¹¹ Значительная часть собранного полевого материала хранится в его архиве. См. Научный кабинет-архив имени Степана и Србуи Лисицян при Ин-те археологии и этнографии АН Армении, фонд С. Д. Лисицына (далее: Научный кабинет-архив).

же серии являются его «Историко-этнографические очерки Шатаха», где также впервые в армянской этнографии обращено внимание на существование в среде шатахских ремесленников особой социальной организации—половозрастных сообществ сверстников¹².

С 1928 г. и до конца жизни С. Д. Лисицян возглавлял этнографический отдел Гос. исторического музея Армении (ныне Гос. музей истории Армении). Именно к этому периоду относится его активная деятельность по организации и развитию этнографической науки в республике. Она проходила в двух основных направлениях: научно-исследовательском и собирательно-организационном. Для сбора музейных экспонатов и пополнения коллекций С. Д. Лисицян в 1930-ые гг. систематически и планомерно организовывает этнографические экспедиции в различных районах Советской Армении, а также армянские поселения за ее пределами, в результате чего этнографический отдел музея за довольно короткий срок пополнился огромным количеством вещевого, информационного и фотоиллюстративного материала, был значительно расширен и обогащен этнографический фонд и проделана большая работа по научному описанию всех предметов и составлению на каждый из них соответствующих паспортов.

Огромное значение придавал С. Д. Лисицян также сбору и фиксации полевого этнографического материала. Прекрасно сознавая специфику текущего момента (трансформацию различных областей традиционной культуры в период 1920—1930-х гг., а также массовые переселения зарубежных армян из ряда областей на территорию Советской Армении), он считал фиксацию и запись этнографического материала пер-

воочередной и безотлагательной задачей. Во время многочисленных экспедиций С. Д. Лисицян был собран огромный полевой материал, послуживший источником для его историко-этнографических исследований. Часть этого материала была использована им в его трудах и потому вошла в научный оборот, однако, очень многое осталось неопубликованным¹³. Собранный С. Д. Лисицян в 1920—1930-ые гг. богатый и обширный полевой материал сохраняет свое значение и по сей день, он представляет собой особую ценность именно потому, что отражает не только различные стороны традиционной дореволюционной жизни и быта армян, но и важный и сложный период первых лет советизации в Закавказье. С целью записи этнографических материалов С. Д. Лисицян налаживал на местах и широкую корреспондентскую сеть. В это же время им был составлен «Этнографический вопросник», явившийся неоценимым вкладом в развитие армянской этнографии и сохранивший огромное теоретическое и практическое значение и в настоящее время. Вышедший в свет за две недели до кончины автора, он стал «как бы завещанием этнографам Армении»¹⁴ и уже на протяжении более чем четырех десятилетий служит им методическим руководством.

Большое внимание уделял С. Д. Лисицян созданию научной экспозиции, а также пропаганде этнографической науки и музееведения в Армении. В 1930-ые гг. он выступил с рядом статей в республикан-

¹³ Например, этнографические материалы по ряду историко-этнографических регионов—Моксу, Шатаху, Алашкерт и др. (Западная Армения), Аштараку, Горису, Сисиану, Мегри и др., материалы по народному жилищу, полевые записи и дневники и пр. Этот материал хранится в его архиве.

¹⁴ И. Кусикьян. С. Д. Лисицян (некролог).—Сов. этнография, 1947, № 2, с. 231. Ս. Դ. Լիսիցյան, Ազգայնորակի հարցարան, Երևան, 1946:

¹² С. Д. Лисицян. Историко-этнографические очерки Шатаха.—Изв. КИАИ, т. 5, 1927.

ской и зарубежной печати, разъясняя цели и задачи собирательской работы, подводя первые итоги деятельности этнографического отдела музея и призывая всемерно содействовать обогащению его фондов¹⁵. Большой энтузиаст своего дела, сам С. Д. Лисицян не ограничивал свою деятельность рамками лишь этнографического отдела. Благодаря его стараниям и энергии, ценные экспонаты дополнили отделы археологии, литературы, искусства и др.

Одновременно с деятельностью в музее и преподаванием в Ереванском государственном университете, С. Д. Лисицян занимался научными исследованиями. В частности, им был подытожен опыт развития этнографической науки в республике за первые полтора десятилетия советского периода¹⁶. В это же время была опубликована небольшая по объему, но не утратившая своей научной значимости работа «Святыни у перевалов», содержащая не только богатый фактический и иллюстративный материал с подробным и обстоятельным описанием этих специфических памятников в различных уголках Армении и приуроченного к ним празднества Вардавар, то что более важно — вскрыта эволюция их развития от первобытного поклонения грозным горным духам и умиловления их жертвоприношениями в указанных местах до храмовых христианских святынь и появления у этих свя-

щенных мест могил «покровителей» в период родового строя и особенно в период феодализма¹⁷.

В 1930—1940-е гг. С. Д. Лисицян были завершены основополагающие труды по армянской этнографии. Подготовленные к печати самим автором, они вышли в свет в разное время уже посмертно. Плоды многолетних трудов по сбору этнографического материала и монографическому изучению отдельных историко-этнографических регионов Армении изложены в двух значительных его работах: «Армяне Зангезура»¹⁸ и предлагаемой вниманию читателя книге «Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк». Подобное специальное разностороннее этнографическое исследование в армянской советской этнографии было осуществлено впервые. Неустойчивый и кропотливый исследователь С. Д. Лисицян осветил хозяйственную, общественную и духовную жизнь армян указанных регионов, вскрыл их местную специфику и одновременно показал историко-культурную общность с армянским этносом в целом.

Одной из лучших работ С. Д. Лисицяна по праву считаются также «Очерки этнографии дореволюционной Армении», написанные им по заказу Ин-та этнографии АН СССР¹⁹. В них были подытожены достижения армянской советской этнографии и в обобщенном виде представлены основные аспекты традиционной материальной и духовной культуры армян. «Эти

¹⁵ В этой связи примечательна его статья в армянской газете «Пайкар», издаваемой в Бостоне, в которой он обратился к американским армянам-художникам, любителям археологии и искусства с призывом передать в музей имеющиеся у них пергаменты, рукописи и картины для обогащения его фондов. Ս. Դ. Լիսիցյան, Հայաստանի Բանասիրական Համալսարանի Հանձնաժողովի Գործադիր, Բոստոն, 1932, 4 թիվը.

¹⁶ С. Д. Лисицян. Армянская этнография за 15 лет.—Сов. этнография, 1936, № 4—5.

¹⁷ С. Д. Лисицян. Святыни у перевалов.—Сов. этнография, 1936, № 4—5.

¹⁸ Ս. Դ. Լիսիցյան, Հանրապետական հանձնաժողովի Գործադիր, Երևան, 1969. Материал для этой работы ученый собирал в начале 1930-х гг. во время организованных им экспедиций этнографического отдела музея в районы Гориса, Сисиана, Мегри, Кафана.

¹⁹ Это исследование, по определению М. О. Косвена, может считаться образцом этнографической монографии подобного рода.—Сов. этнография, 1947, № 1, с. 215—216.

материалы,—указывается в статье «От редакции»,— дают широкое, детальное, с глубоким знанием написанное изображение разнообразных сторон этнографии прошлого армянского народа и представляют собой ценный источник для истории армянской культуры и быта XIX—начала XX вв.»²⁰. Указанные работы в значительной степени были использованы в дальнейшем его учениками и коллегами при написании глав раздела «Народы Армянской Советской Социалистической республики» второго тома книги «Народы Кавказа» (в серии «Народы мира»)²¹.

Необходимо отметить, что в работах С. Д. Лисицына представляет интерес и подробный и обширный иллюстративный материал (карты, чертежи, многочисленные фотографии), который может рассматриваться как самостоятельный весьма ценный историко-этнографический источник.

Предлагаемая вниманию читателя работа занимает особое место в научном наследии ученого. В многогранном творчестве С. Д. Лисицына это была первая монографическая работа этнографического характера. По существу, она положила начало его дальнейшим этнографическим изысканиям. Если в предшествующий период своей разносторонней, в том числе и научной деятельности С. Д. Лисицын был более известен как арменовед широкого профиля, то исследованием армян Нагорного Арцаха (Нагорного Карабаха) он сразу заявил о себе именно как этнограф.

Монография «Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк» написана С. Д. Лисицыном в се-

²⁰ С. Д. Лисицын. Очерки этнографии дореволюционной Армении.—Кавказский этнографический сборник, I, М., 1955, с. 182 (статья «От редакции»).

²¹ Народы Кавказа, II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1962, с. 463—601.

редине 1920-х гг. В 1924 г. Научная ассоциация при ЦИК Закавказья организовала в районы Зангезура, Нагорного Карабаха и Нагорного Курдистана (современные Лачинский и Кельбаджарский районы Азербайджана) научную экспедицию для комплексного экономического, этнографического и археологического изучения этого края, одним из активных участников которой был и С. Д. Лисицын²². В основу монографии и был положен обширный и разнообразный полевой этнографический материал, собранный им в различных частях Нагорного Карабаха и отражающий этнический состав населения, основные аспекты хозяйства и материальной культуры (занятия жителей, поселения, жилище, его интерьер, утварь, пищу, одежду), семьи и семейно-обрядовой сферы (свадебная, родильная, похоронная обрядность), различные стороны духовной культуры (в частности, верования и связанные с ними разнообразные и многочисленные формы культов, праздники годового календарного цикла). Проанализировав и обобщив собранные материалы, С. Д. Лисицын изложил их на русском языке, подготовив рукопись историко-этнографического исследования об армянах Арцаха, снабженного в вводной части и географическим очерком.

Известно, однако, что по истечении ряда лет после написания работы он считал необходимым отразить в ней характерные для своего времени перемены, учитывая прежде всего характер стремительных преобразований в жизни и быту народа в середине 1920—30-х гг. С этой целью в середине 1930-х гг. он вновь посетил Нагорный Карабах для сбора дополнительных данных и необходимых сведений на месте. В дополненном тогда «Послесловии» к работе он акцентировал

²² О составе участников и маршруте экспедиции подробнее см. в разделе «Предисловие автора».

внимание на тех изменениях, которые произошли в быту и психологии арцахских армян за период после предпринятого им сбора материала в 1924 г.

Однако эту рукопись ждала трудная судьба. В архиве ученого сохранилось множество документов, свидетельствующих с сложных перипетиях, связанных с ее опубликованием (см. Приложение).

Как явствует из этих документов, в марте 1936 г. Институт этнографии АН СССР (находившийся тогда в Ленинграде) заключил с С. Д. Лисицином официальный договор на издание его труда «Армяне Нагорного Карабаха», рукопись которого в готовом к печати виде вместе с послесловием и всем иллюстративным материалом автор передал Институту ранее, еще в 1935 г. Однако, ввиду ограниченности издательских средств АН СССР, работа эта вплоть до 1940 г. так и не была напечатана, хотя на протяжении этих лет Институтом предпринимались попытки к ее изданию. За этот период С. Д. Лисицян, обеспокоенный столь длительной задержкой публикации своего труда, неоднократно обращался к Институту с просьбой ее ускорения. Не изыскав соответствующих возможностей и по истечении пятилетнего срока, предусмотренного положением об охране авторских прав, в 1940 г. Институт этнографии АН СССР произвел с ним полный расчет и тогда же обратился с предложением об издании этой рукописи к Институту истории, археологии и этнографии Азербайджанского филиала АН СССР (АЗФАН), который незамедлительно подтвердил свою готовность напечатать ее. Автор, обнадеженный перспективой скорейшего издания работы, на полном доверии дал свое согласие.

Так, рукопись С. Д. Лисициана летом 1940 г. вместе со всем иллюстративным материалом оказалась в Баку. Однако, ни в тот, ни в последующие долгие

годы и даже десятилетия она не была издана. С этого времени начинается длительная и многолетняя переписка сначала самого автора, а после его смерти—в 1947 г.—и его наследников—дочерей: заслуженного деятеля науки Армении Србуи Степановны Лисициан и доктора экономических наук Назели Степановны Лисициан с Институтом истории АН Азербайджана по поводу окончательных сроков издания работы. Институт истории АН Азербайджана в лице дирекции официально уведомлял автора, а позже—его наследников о том, что предполагается при первой возможности включить ее в издательский план следующего года. По истечении 10-летнего срока в 1950 г., затем в 1951 г. и последующие годы дочери С. Д. Лисициана неоднократно требовали вернуть им рукопись обратно, отказываясь от ее публикации. Эта законная просьба не была удовлетворена и, тем самым, Институт истории АН Азербайджана пошел на грубые нарушения не только издательского договора, но и соответствующей статьи Закона об авторском праве. Институт истории АН АЗССР упорно отказывался вернуть ее, сначала ссылаясь на свое намерение напечатать, а затем мотивируя тем, что рукопись «приобретена» им у автора. Дальнейшие неоднократные обращения наследников как в Институт истории АН Азербайджана, так и в Армянское, а также Азербайджанское отделения Всесоюзного управления по охране авторских прав (в т. ч. в 1966 г.) также были безрезультатны. Со временем не оставалось никакой надежды не только на издание этой работы, но и на возвращение считавшихся уже тогда уникальными готовых к изданию экземпляров рукописи ее законным наследникам. Лишь в конце 1970-х гг. в архиве ученого в Ереване совершенно случайно был обнаружен черновой вариант основ-

14553

ного текста 1924 г., причем многие страницы за давностью времени прочитывались с большим трудом.

Несмотря на то, что со времени написания работы С. Д. Лисицына прошло полвека, она не утратила своей актуальности и значимости, а представленный в ней полевой материал в настоящее время поистине уникален, поскольку многие стороны бытовой культуры армян Арцаха для современных исследователей и читателей стали уже достоянием истории. Исходя из этого, Институт археологии и этнографии АН Армении счел целесообразным издание данной рукописи, подвергнув этому значительную редакторскую работу.

Написанная более полувека тому назад, она потребовала не только тщательной текстологической проверки найденного черновика рукописи, но и составления соответствующих необходимых комментариев и научно-справочного аппарата, устранения явных анахронизмов в тексте, уточнения и проверки источников и ссылок на все цитируемые работы. С большим трудом удалось частично восполнить иллюстративный материал из оставшихся в архиве С. Д. Лисицына фотоматериалов, а также из фондов Института археологии и этнографии АН Армении (полевого экспедиционного и фонда Д. И. Ермакова) и Государственного музея истории Армении. Работа была издана Институтом в переводе на армянский язык в издательстве АН Армении в 1981 г. небольшим тиражом (серия «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», вып. 12)²³, сразу же став библиографической редкостью.

Принимая во внимание неослабевающий интерес к ней, в особенности в связи с развернувшимися в

последнее время событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него, а также недоступность ее для широких читательских масс в связи с ограниченностью тиража предыдущего издания, Институт считает необходимым и актуальным издание имеющегося в нашем распоряжении ее русского оригинала 1924 г., но с некоторыми сокращениями. В частности, они касаются устаревших в наши дни, но господствовавших в то время в науке ряда положений и теорий, связанных с историей Кавказской Албании, а также яфетической теорией Н. Я. Марра, которые, отдавая дань своему времени, в определенной степени разделял и С. Д. Лисицын. Как показали дальнейшие исследования, эти теории, не получив научного обоснования и подтверждения, оказались несостоятельными²⁴. Не включена в данное издание и незначительная по объему (последняя) глава «Язык и искусство»: материалы ее по карабахскому диалекту и народному музыкальному творчеству ввиду фрагментарности²⁵ не представляют особой научной ценности и не вносят ничего существенного в основной, обстоятельно изложенный контекст рукописи, а по научной значимости мало что прибавляют к обширному

²⁴ Подчеркнем, что еще акад. И. А. Орбели убедительно доказал, что в конце XII в. Албания потеряла свою самостоятельность и «если это ее древнее название в той или иной форме еще упоминается в эту эпоху, то лишь пережиточно, в составе потерявших реальное значение титулов». См. И. Орбели, Избранные труды, Ер., 1963, с. 347.

²⁵ В значительной степени это объясняется слабой изученностью указанных вопросов в тот период. Их исследование началось лишь с середины 1960-х гг. См. У. В. Պաղտյան, Հազարամյակի Բարբառը, Երևան, 1965; Կ. Ս. Դավթյան, Լեռնային Ղարաբաղի բարբառային քարտեզը, Երևան, 1968; Լեռնային Ղարաբաղի բանահյուսությունը, կազմ. Մ. Գրիգորյան, Երևան, 1971; Լեռնային Ղարաբաղի հեքիաթներ (Հայ ժողովրդական հեքիաթներ, հ. 6, Երևան, 1973); Արցախ (կազմ., ծանոթ., և ներած. Ա. Ղազյանի) (Հայ ազգագրության և բանահյուսության, պր. 13, Երևան, 1983):

²³ Ս. Դ. Լիսիցյան, Լեռնային Ղարաբաղի հայերը. Ազգագրական ակնարկ. — Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն, նյութեր և ուսումնասիրություններ, պր. 12, Երևան, 1981:

наследию ученого. Главное же внимание уделено собственно этнографическому аспекту как основе этой монографии.

При подготовке оригинала к изданию, естественно, была учтена предыдущая подготовительная работа по изданию армянского варианта, призванная в немалой степени облегчить данную публикацию. Но этого оказалось явно недостаточно, поскольку публикация русскоязычного оригинала рукописи выявила свои специфические и при том немалые сложности.

Это касается прежде всего русского правописания названий армянских селений, географических наименований, имен собственных и т. п. Дело в том, что согласно принятой в русскоязычной дореволюционной историографии традиции все они писались и вошли в широкий оборот либо в тюркском (азербайджанском) произношении, либо в сильно искаженном, порой трудно узнаваемом тюркизированном или же русифицированном виде. Наглядным примером тому служат материалы по армянской этнографии, содержащиеся в широко известной кавказоведческой литературе того периода: «Сборники для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), «Кавказский календарь», газета «Кавказ» и многие др. Между тем практически каждое село, ущелье, гора, река и др. испокон веков имели в Арцахе свое исконное армянское название.

Именно поэтому армянское и русскоязычное произношения и правописание одних и тех же собственных названий в большинстве случаев имеют различия (как, например, р. Тартар (Тертер), с. Тох (Туги), с. Цоватех (Звадих) и многие др.). В духе этой же традиции даны многие собственные названия и в труде С. Д. Лисицына, что ни коим образом не умаляет достоинства его работы в целом: написанная с передовых позиций науки той эпохи на самом высо-

ком уровне, она в наши дни сквозь призму полувековой давности, естественно, несет определенный отпечаток своего времени.

При издании работы на армянском языке сложностей в указанном плане не возникало, поскольку все имеющиеся в тексте имена собственные даны в своем же армянском правописании и транскрипции. В предлагаемом же издании русскоязычного оригинала все имеющиеся армянские искаженные собственные названия в тюркском правописании тщательным образом сверены и соотнесены с соответствующими исконно армянскими наименованиями. Поэтому при встречающемся первом прочтении сначала дается армянское наименование, а рядом с ним в скобках соответствующее тюркское или русскоязычное, как, например: с. Аветаранок (Чанахчи), с. Каринтак (Даш-Алты), с. Шош (Шушикенд), гора Мрав (Муров) и др.

Значительную сложность представляют также многочисленные армянские термины и обороты, легко и естественно воспринимаемые армянской аудиторией, но нередко трудно понятные русскоязычному читателю. Работа С. Д. Лисицына, изложенная на русском языке и посвященная самым разнообразным сюжетам армянской жизни и быта, изобилует наименованиями предметов одежды, утвари, пищи, свадебной, родильной, похоронной терминологией, как и терминами, отражающими различные религиозные верования и праздники годового календарного цикла, нередко к тому же сопровождавшихся примерами арцахского (карабахского) диалекта и т. п. Русскоязычное правописание их осложняется отсутствием ряда букв армянского алфавита в русском языке (таких, как թ, չ, ձ, ղ, փ). Поэтому для облегчения и ясности прочтения эти термины даются в русской транскрипции, прибли-

женной к армянскому звучанию (например, *մայր* — мати).

С той же целью облегчения восприятия текста и большей его систематизации в приложении даны глоссарий и указатель географических названий, составленные от редактора данного издания. В Глоссарии все этнографические термины приведены в своем армянском правописании; в Указатель наряду с собственно географическими названиями вынесены и все встречающиеся в тексте исторические памятники и святыни.

В процессе подготовки рукописи к изданию редакторы стремились донести до современного читателя не только манеру изложения видного армянского ученого, но и по мере возможности — стилистику и дух того времени. С этой целью оставлены без изменения: его разбивка текста на главы, подглавы и параграфы; сохранено принятое в то время употребление автором этнонима «тюрки» и «татары» в значении азербайджанцы; сохранен ряд старых оборотов и выражений (провинция, волость, объезд и пр.) вместо ныне употребляемых современных синонимов (регион, район, поездка, экспедиция), а также свойственное С. Д. Лисициану выделение в запятых многих оборотов в качестве причастных и пояснительных.

Все населенные пункты и районы приведены в книге в соответствии с территориально-административным делением в период сбора материалов автором, т. е. середины 1920-х гг. Названия городов Шуши, Шамахи, Нухи даются в принятой армянской транскрипции и по падежам не склоняются (русс. Шуша, Шемаха, Нуха).

Был подготовлен и иллюстративный материал, значительно расширенный и обогащенный по сравнению с армянским вариантом работы: восстановлены и

ретушированы оставшиеся в архиве С. Д. Лисициана старые фотографии, а также подобраны иллюстрации из архива Д. И. Ермакова и полевых экспедиционных материалов Института археологии и этнографии АН Армении. Многие из запечатленных на них памятников материальной и духовной культуры армян Арцаха в настоящее время или бесследно уничтожены, или находятся в разрушенном состоянии. В этом смысле данные фотографии представляют бесценный документально датированный историко-культурный источник. Однако, к большому сожалению, от публикации пришлось отказаться, поскольку в сегодняшних условиях печатание их связано с непомерными финансовыми трудностями. Читателя, заинтересовавшегося иллюстративным материалом, отсылаем к армянскому изданию²⁶, где на русском языке имеется пояснение к опубликованным в нем иллюстрациям.

Осуществление издания данной работы стало возможным усилиями и на средства спонсора-Внешнеэкономической ассоциации «Барегорцютюн». Институт археологии и этнографии АН Армении и ответственные редакторы выражают глубокую благодарность спонсору за неоценимую поддержку и помощь, благодаря чему эта книга наконец увидела свет.

Л. М. ВАРДАНЯН

---

²⁶ См. С. Д. Лисициан. Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк./Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования, вып. 12, Ереван, 1981, с. 84 (на арм. яз.).

ОТ АВТОРА

Настоящий очерк составлен на основании материалов, собранных мною во время научной экспедиции, организованной летом 1924 г. Закавказской научной ассоциацией (ЗНА) при Зак.ЦИК-е для экономического, этнографического и археологического обследования Нагорного Карабаха (древнего Арцаха), Нагорного Курдистана¹ и Зангезура. Помимо меня, в экспедицию входили этнографы Г. Ф. Чурсин, Лазо (оба ныне покойные), археологи Е. Г. Пчелина, С. В. Тер-Аветисян и экономисты Г. А. Кочарян и Т. Н. Атарбеков. Экспедиция была разбита на две группы, из которых одна (Г. А. Кочарян, С. В. Тер-Аветисян и я) должна была заняться изучением Нагорного Карабаха, другая же (остальные товарищи, а также С. В. Тер-Аветисян) — изучением Нагорного Курдистана и Зангезура.

В Степанакерте² мы имели продолжительное совещание с руководителями области, на котором были выработаны подробные маршруты, между прочим, и специальный маршрут для этнографического обследования, имевшего целью охватить все те пункты, в которых рельефнее всего сказываются бытовые особенности края.

¹ Совр. Лачинский и Кельбаджарский р-ны Азербайджана (прим. ред.).

² Бывшем (до 1923 г.) — с. Ханкенды. До этого — с. Вараракн (прим. ред.).

Следуя этому плану, я направился из областного центра Степанакерта через с. Аветаранец (Чанахчи), Тахавард, Тахлар (Ццахач) и Тох (Туги) в с. Гадрут, откуда перебрался в самую южную, Аракюльскую волость, в с. Дзамдзор. На обратном пути я посетил вторично с. Гадрут, а затем с. Чракус (Чирагуз), Сос, Чартар (Чартаз), Гиши, Нинги (Джамиат) и Дашушен (Дашкенд, Караглух, Шикакар). Этот путь я совершил один. В дальнейшем, после возвращения в Степанакерт, маршруты мой и Г. А. Кочаряна совпали, и поездку мы продолжали вдвоем через с. Ванк (под Гандзасарским монастырем), с. Вагуас (Козлу), Атерк (Гасанрис), Магавус, Ериц-Манкунк, Мецшен (Улу Карабек), Кусатат в Мардакерт (Агдара), от туда вышли в Агдам. Таким образом мне удалось пересечь весь Нагорный Карабах сначала в южном, а затем в северном направлении и посетить как центральные, так и самые южные и северные его части, собрав обширный и разносторонний материал.

Из четырех исторических районов края до того был этнографически изучен покойным Ервандом Лалаяном лишь Варандинский район³, труд его появился в печати в 1898 г. во II выпуске «Этнографического журнала» и вышел затем отдельным изданием под заглавием «Варанда»⁴.

Отдельные пункты Нагорного Карабаха были описаны учителями; их работы разновременно печатались в издаваемом Кавказским учебным округом

³ Совр. Мартунинский и часть Аскеранского районов НКАО (прим. ред.).

⁴ Б. Վարանդ, Վարանդա, Աղագրական հանդես, հ. 2, Թիֆլիս, 1898, (далее: Վարանդա). За три года до того вышла книга епископа Макара Бархударяна (Արքեպիս, Բարսեղ, 1895) археологического и отчасти географического характера: большая часть книги посвящена Нагорному Карабаху.

«Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК); так, о Гадруте—в VI выпуске, о Кусапате—в XIII выпуске, о Каринтаке (Даш-алты, Цнот)—в XXV выпуске и специально о промысловых занятиях Шуши (Шуша), Тоха и Мухренеса—в XI выпуске⁵. Во время моего объезда эти материалы были проверены, территориально расширены и значительно дополнены с обращением особого внимания на изменения, происшедшие в народном быту за последнее время, в особенности вследствие экономического и социального перелома послереволюционного (до 1924 г.) периода.

После нашего обследования эти перемены еще более углубились и еще шире коснулись всех сторон местной жизни, в особенности после массового перехода к коллективным формам хозяйства и, конечно, было бы в высшей степени ценно, и в научном и практическом отношении, отметить и характерные черты вновь возникающих бытовых форм. Рассмотрению одной стороны их посвящена работа И. Петрушевского «О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха»⁶, построенная на материалах, собранных экспедицией 1928 г., т. е. тогда, когда еще не успело во всей широте развернуться колхозное движение. Но уже к этому времени, спустя четыре года после нашей поездки, стали более сбивчивыми, а во многих слу-

чаях—и совсем сгладились воспоминания о старых обычаях, которые еще несколько десятков лет тому назад живо сохранялись и соблюдались в народной массе. В настоящее время исследователю приходится наталкиваться на чистое место там, где в 1924 г. и в 1928 г. мы все же встречали хотя бы уцелевшие в памяти стариков обрывки обычаев, столь важных как источник для понимания давно пройденных стадий общественного развития.

⁵ Давидбеков И. Село Гадрут, Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда.—СМОМПК, 1888, вып. 6, с. 153—192; Израелов Г. Село Касапет.—Там же, вып. 13, с. 42—58; Осипов Г. Селение Даш-Алты, Шушинского уезда, Елисаветпольской губернии.—Там же, 1898, вып. 25, с. 101—136; Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Закавказья.—Там же, 1891, вып. 11, с. 1—79, 87—89 (прим. ред.).

⁶ Петрушевский И. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха, Баку, 1930.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Границы. Автономная область Нагорного Карабаха, входящая ныне в состав Азербайджана, охватывает нагорные и в незначительной части низменные р-ны Джеванширского, Шушинского и Карягинского уездов бывшей Елизаветпольской губернии. Когда-то весь этот край входил в пределы более обширной армянской провинции Арцах. Незадолго до установления русской власти (сначала в 1805 г., окончательно же, по Гюлистанскому договору, в 1813 г.) он распался на четыре феодальных владения, а именно: Джрабердское, Хаченское, Варандинское и Дизакское, носившие названия меликств, которые вместе с сопредельными Гюлистанским меликством и Зангезурскими областями в середине XVIII в. были объединены с частью прикуринской низменности в одно—Карабахское ханство. Таким образом, современный Нагорный Карабах составляет лишь часть бывшего Карабахского ханства, пределы которого простирались дальше и в северном и в южном, отчасти и в восточном направлениях.

Нагорный Карабах занимает весь северо-восточный склон Карабахского обломка и часть Тартарской (Тертерской)¹ депрессии, образовавшихся в третичную геологическую эпоху между трещинами земной коры, проходившими, с одной стороны, по линии нынешнего

¹ По названию р. Тартар (Тертер) или Трту (прим. ред.).

Карабахского хребта до прорыва р. Аракс, а с другой—от обоих концов этой линии, почти перпендикулярно к ней, по направлению к р. Куре². Сам Карабахский хребет, составляющий западную границу Нагорного Карабаха, представляет приподнятый высоко до 1800—2100 м над у. м. край взброса, на котором сохранились складки более раннего происхождения: северо-восточный край этого обломка опускается в направлении к р. Куре. Острый гребень этого хребта, на котором выстроились в ряд высокие пики Алакая (2597 м), Кусаберд (Ахчкаберд, Каракенд, Кызкала—2845 м), Сары-баба (2311 м), Мец Кирс (2742 м) и, наконец, Дизапайт (Зиарат—2497 м), отделяет Нагорный Карабах от Лачинских и Кубатлинских районов.

Нагорный Карабах охватывает и значительную часть Тартарской депрессии—понижения земной коры между Гандзакским (Гянджинским) и Карабахским приподнятыми обломками: здесь западная граница Нагорного Карабаха пересекает депрессию до вершины Мрава (Муров—3724 м) на Мравском вулканическом хребте, выросшем на южной границе Гандзакского обломка. Граница далее сворачивает на северо-восток по самому Мравскому хребту. От Карабахской низменности автономная область Нагорный Карабах отрезает крайне незначительную полосу, так как восточная граница его близко держится подошвы предгорий, от которых она отходит от 3 до 10 км, оставляя в стороне Тартар, Агдаш, Карягино, Джебраил и другие населенные пункты на самой низменности или на ее периферии. Южная граница проходит по одной из

² См. геологическую карту Ф. Освальда в его книге: «К описанию тектонического развития Армянского нагорья», Тифлис, 1916.

безлесных, сухих террас, которыми Карабахский хребт от Дизапайта спадает к р. Аракс.

Рельеф. Различные пункты Нагорного Карабаха расположены на высоте между 0 и 2000 м над уровнем моря, причем характер рельефа определяется не столько низменностями, сколько предгорьями и нагорными частями, которых упорно держалось местное армянское население, в особенности после занятия прикаспийских низменностей по нижним течениям рек Куры и Аракса новыми среднеазиатскими выходцами.

Направление главных хребтов и определяет деление края на районы как в древности, так и теперь. В этом отношении страну можно разбить на две половины: в северной половине, почти целиком лежащей на Тартарской депрессии, эти цепи имеют правильное северо-восточное направление, в южной же преобладает направление юго-восточное. В северной половине долину р. Тартар окаймляет с юга довольно высокий отрог, отходящий от вершины Чильгяс и известный у армян под названием Арцатаханк. Он тянется почти параллельно Мравской цепи и вершины его понижаются с северо-запада на восток с изумительной закономерностью: Ходжа-Юрт имеет 2302 м, Хакеган—1759 м, Сенгер—1475 м, Кусанат—1374 м; линия заканчивается недалеко от р. Тартар вершинами в 300 м.

Несколько ниже цепи Арцатаханк идет вторая гряда того же северо-восточного направления, являющаяся также отрогом Карабахского хребта; она отходит от вершины Кусаберд, на ней поднимаются вершины Качахакаберд (Гача-кая)—до 1889 м, Саксаган—1721 м, Теша-Кара-Сара—1303 м, Чола (Чалы)-Даг—905 м и заканчивается у границы Нагорного Карабаха горою Бешеглю (706 м) над мощным Шахбулагским родником.

Значительно сложнее система третьего отрога того же направления. Он также отходит от Карабахского хребта, от Мец Кирса, под названием Чахмахского отрога и, оставляя влево расщелину р. Гаргар (Каркар), доходит через вершины Покр Кирс (2239 м), Чахмах (1567 м), массив Богурхан (1624 м), вершины Хачинхут (1533 м) до с. Варазбун (Аранзамин), заканчиваясь над Агдамом вершиною Гурджухут (472 м). От этого отрога и идут в южной половине разветвления в юго-восточном направлении. Из них три (самое южное называется Хазазским) расходятся веерообразно от массивного узла Богурхан, причем среднее расщепляется, в свою очередь, на две ветви. От самой южной оконечности Карабахского хребта, от вершины Дизапайта спускаются к р. Аракс три ветви. Разветвления как Чахмахской, так и Дизапайтской системы расползаются по обширному уступу Карабахского обломка, образуя более или менее широкие долины, по которым пробегают речки, ниспадая быстрыми потоками к степям, находящимся вне пределов Нагорного Карабаха.

Реки. Между Варазбунским продолжением Чахмахского отрога и северным разветвлением грехленной Богурханской системы стекают к окрестностям г. Агдама около четырех речек, берущих начало из родников, которыми богат этот район. Между северным и средним Богурханскими разветвлениями протекает р. Хонашен. Из расщепления средней гряды к Муханской (Мильской) степи стекает р. Кизил-чай. К этой же степи выходит из долины между средней и южной грядами Богурханской системы р. Кочус, которая сливается с р. Кендалан, собирающей воды из долины между южной Богурханской ветвью и отрогом Покр Кирса. Южнее, между отрогом Покр Кирса и Дизапайтом, все воды собираются в р. Цамакгет (Ку-

ру-Су) (Тохская долина) и выходят к Карягину³. Между северной и средней ветвями Дизапайтской системы, в Гадрутской долине, образуется р. Вагуас, и, наконец, между средней и южной, в Аракюльской долине, р. Дзамдзор, опускающаяся к Джербранлу.

Все эти речки, стекающие с районов южнее Чахмахского отрога, по своим размерам, длине и количеству вод значительно уступают рекам северной половины—Гаргару, Хачену и Тартару, долины которых служат самыми важными артериями для сообщения Прикаспийских степей с областями Армении. Объясняется это не только обилием атмосферных осадков, выпадающих в этой половине (между прочим, вследствие задерживания продвижения испарений Каспийского моря Мравским хребтом), но и большими протяжением площадей, для которых эти реки служат стоками. Из этих рек самая большая—Тартар, единственная докатывающая свои воды до Куры. Остальные—Хачен и Гаргар—разбираются по каналам жителями низменностей и, подобно рекам южной половины области, не достигают Куры. Только Хачен в редкие годы очень больших паводков докатывается по своему широкому руслу до р. Куры. В общем, чем ближе к Араксу, тем атмосферных осадков выпадает меньше, и все острее чувствуется недостаток атмосферной влаги и проточной воды; склоны гор в этом направлении все более обнажаются от лесного покрова⁴.

Леса. Леса в южной части за последнее столетие сильно разрежены, особенно же за время межнацио-

³ Совр. г. Физули (прим. ред.).

⁴ Вопрос об увеличении запасов воды в Нагорном Карабахе, как и в других местностях Закавказья, выступает все острее: при мне происходили совещания в Гадруте об устройстве каг-ризов—искусственного вывода вод из глубоких подпочвенных слоев.

нальных распрей и гражданской войны. Местами от вековых лесов осталось одно воспоминание в виде отдельно торчащих высоких и толстых деревьев или группы кустарников, по преимуществу ежевики и можжевельника.

Лесной покров поднялся теперь от подошвы нагорья выше, ближе к гребню Карабахского хребта. Он все еще сохраняет свой девственно-величественный, первобытный характер в самой северной части, по склонам горных долин и ущелий верхнего течения рек Хачена и особенно Тартара, откуда оживленная хозяйственная, общественная и политическая жизнь перекинулась в XVIII в. в долину р. Гаргар, а именно, после основания Карабахского ханства со столицей в г. Шуши (на пути к Зангезуру). Шуши и позже, после установления русского владычества, осталась административно-культурным центром края. По долине р. Гаргар протекает шоссе к Шуши и далее по Зангезуру к г. Горису. Теперь горные склоны вдоль обоих берегов р. Гаргар почти совершенно обезлесены. Когда-то густые леса, покрывавшие склоны гор, служили вместе с закрытыми ущельями лучшим убежищем для местного населения во время военной опасности. В то же время леса восполняли недостаток пастбищ и сенокосов: население широко пользовалось ими для выпаса своего скота летом и зимою. Даже и теперь, несмотря на запретительные мероприятия, население нелегко отказывается от старой хозяйственной привычки пускать летом скот в лес и кормить его лесной травой, молодыми листьями и свежими стеблями, нанося тем самым громадный ущерб молодым деревцам и только что пробивающимся из-под земли побегам. Близость леса как бы смягчала в прошлом необходимость посылать скот на высокие горные пастбища, которые заняли курдские племена, перебросившиеся из Турции на

плоскогогорье за Карабахским хребтом. Зимой, вследствие ограниченности запасов сена, жители норовили выгонять скот в лес, где подпасок срубал с деревьев молодые ветви и кидал их голодной скотине, а часть доставлял на осликах и на своей спине в деревню. Высокими альпийскими пастбищами Карабахского плоскогорья (за Карабахским хребтом) население Нагорного Карабаха пользовалось в значительно меньшей степени, чем жители Прикаспийских степей или Зангезурских низин.

Лесной характер страны вместе с ее горной природой не только помогал ей в борьбе со степью, но и наложил яркую печать на всю хозяйственную деятельность и бытовые особенности населения, на формы его поселений и жилищ, образ жизни, верования и искусство. Но лесное хозяйство быстро приходило в упадок. Занятие выделкой предметов из дерева — корыт, ложек, кувшинов, лопат и т. п. — в течение XIX и начале XX вв., еще до революции перестало быть делом общенародным, отходило и замыкалось по отдельным деревням (Туми, Мухранес). Скотоводство в возвышенной, хлебопашество и садоводство в низменной зоне, игравшие до того далеко не второстепенную роль в хозяйстве страны, стали преобладающими формами. Садоводство, видимо, рано стало характерным для этой области и выделило ее из среды средних соседних областей, послужив причиной самого названия ее: «Карабах», что значит «Черный сад». Название это первоначально в армянской форме — *սևափայտ* встречается у писателя XVI в. Исаннисика Цареци, а тюркская форма Кара-бах записана впервые в 1388 г.⁵ Впро-

⁵ «Սևափայտի բնակիչի Անեցոյ Հատարմանը ք զրոց պատմագրաց, ծախարաղ արարեալ», Վաղարշապատ, 1893, էջ 193; Թովմա Մեծոփեցի, Պատմութիւն Լանկ-Քանդակի և յաջորդաւ իրոյ, Փարիզ, 1860, էջ 20: Акад. Гр. Капанцян происхождение данного ойконима связывал

чем, для садов удобны сравнительно низкие районы области: в более высоких не поспевает ни виноград, ни тутовое дерево. Тутовые насаждения, в виду роста спроса на шелк-сырец на русском и зарубежных рынках, стали все более вытеснять садовые, и несмотря на порубки в период гражданской войны, площадь их (1500 га) в 1924 г. немного уступала садовой (1800 га). В Дизаке, Варанде и Хачене тутовые насаждения разбиты под многими, низко лежащими селениями, тут же у околицы и недалеко, у речки или оросительной канавы, в строго шахматном порядке. Местного вина и винной водки едва хватает на местное потребление. Эти продукты в ничтожном количестве поступают на рынок, но шуминский тутовый спирт и шелк являются основными предметами вывоза. На них зиждилось до революции благосостояние очень большого количества деревень. Вплоть до конца августа в селениях предгорного Карабаха в воздухе стоял острый запах выкуриваемого тутового спирта. Водка в быту занимала выдающееся место: ею начинал крестьянин свой трудовой день, и ею прежде всего потчевал он вступившего в его дом гостя.

Однако, в более высоких районах не сады и не тутовые насаждения, а преимущественно хлебные нивы стремятся отвоевать землю у леса.

с названием кочевого племени Bala—Karan (Гр. Капанцян. Этногенез армян и их начальная история, Ереван, 1949, с. 129—130, 250). Новейшие же исследования свидетельствуют, что «наименование Карабах в исторических первоисточниках впервые фиксируется с XIV в. в сочинении «Грузинского хронографа» и у персидского историка Хамдаллаха Казвини. Образовалось оно на почве персидской географической номенклатуры: в отличие от равнинной части, именуемой Баг-и сафид (Белый сад), горная часть края стала называться Баг-и сиях, что в тюркоязычном осмыслении превратилось в Карабах (Черный сад). См.: Нагорный Карабах. Историческая справка, Ереван, 1988, с. 8 (прим. ред.).

Этот процесс в особенности был ускорен в период гражданской войны, оторвавшей Нагорный Карабах от земледельческих районов России, прекратившей сбыт шелка и спирта и лишившей население возможности пополнить свой бюджет отходом в города. Нужда в своем местном хлебе тем более повысилась, что в область хлынули из Баку, Грозного, Ленкорана и др. городов люди, давно ушедшие было из родных сел: они стали искать здесь убежища во время гражданской войны.

До установления советской власти не защищаемые никакой властью леса подвергались жестокому истреблению, и за их счет усиленно увеличивалась пахотная площадь. Однако оголенная земля за несколько лет была быстро снесена дождевыми потоками и водами от таяния снега, в результате чего целые волости, например, Аракюльская и Гадрутская, лишились мягкого земляного покрова. Населению приходится из-за этого перестраивать свою жизнь, видоизменять свои привычки и усваивать новые навыки, которые свойственны другим провинциям Армянского нагорья.

Деление на округа. Нагорный Карабах всегда составлял обособленный край с узкими и глубокими ущельями, чередующимися с более или менее широкими и открытыми горными котловинами и долинами самых причудливых форм. Для деления на области здесь имеют значение не столько речные расщелины, сколько горные цепи, через которые обычно нет колесных путей: терпеливый, выносливый осел или мул, а также твердо ступающий конь знаменитой карабахской породы поднимают человека или тяжелую ношу по крутым дорогам, проложенным иногда по отвесным склонам гор или спускающимся с их гребня ко дну шумящего глубоко в ущелье потока.

Отдельные бассейны и долины рек жили своей почти изолированной жизнью, давая возможность округляться отдельным феодальным владениям—меликствам, непосредственно подчинявшимся центральному шахскому правительству. Исторический Дизак охватывал долины: Аракюльскую, Гадрутскую и р. Куру-чай. Горная ветвь, отходящая от Покр Кирса, отделяла его от соседней Варанды. В нем правил меликский дом Аванянов или Еганянов (в конце XVIII в. принявший ислам), сидевший в Тохском замке. Варанда, владение меликов Шахназарянов, имевших резиденцию в с. Аветараноц, охватывала остальные южные речные долины рек Кендалан, Кизил-чай и Хонашен и мелкие долины до Варазбунского отрога. Временами границы ее перекидывались на северную сторону Чахмахского отрога, спускаясь к р. Гаргар, откуда на север до горного хребта Арцатаханк простиралась область Хачен по бассейнам левых притоков рек Гаргар и Хачен. Хачен принадлежал одному из старейших меликских родов, дому Гасан—Джалалянов, развалины замка которых показывают невдалеке от с. Ванк под монастырем Гандзасар, в местечке Дрбысни. Еще севернее за отрогом Арцатаханк в долине р. Тартар до Мравского хребта старались закруглить свои владения Джрабердские мелики Израеляны, которые имели местопребывание в замке Майракахак под сенью неприступной Джрабердской крепости или в замке около обители Инны-мас.

В середине XVIII в. выходец из Джеваншира Панах хан, объединивший под своим управлением тюрко-татарские племена, обосновавшийся до этого в Низменном Карабахе, воспользовавшись родовыми междоусобицами меликов⁶, с помощью варадинского ме-

⁶ Мелик Шахназар, враждовавший с арцахскими меликами Адамом и Овсепом, вступил в сговор с Панах ханом и предо-

лика сумел проникнуть на возвышенное плато у верховьев р. Гаргар, в тыл меликам и засесть там в укрепленной Шуши. Он со временем принудил карабахских владетелей-меликов признать над собой его власть и отказаться от непосредственного подчинения центральному персидскому правительству. Границы своего ханства Панах хан продвинул и за Карабахский хребет, до самого Аракса, подчинив нынешние зангезурские районы. Держался он по отношению к шахскому правительству довольно самостоятельно и независимо. Однако сын его—Ибрагим хан после присоединения Грузии к России принужден был в 1805 г. явиться в стан к правителю Грузии князю Цицианову, стоявшему с войсками у самой границы ханства, на речке Курак (Куриак), и просить принять его и Карабахское ханство под покровительство России. По заключенному здесь договору Ибрагим хан, отказавшись быть вассалом Персии, обязался платить России дань восемь тысяч червонцев⁷. В Шуши был введен русский гарнизон, при хане были назначены русские наблюдатели и советники; за ханом было сохранено лишь управление внутренними делами. После убийства Ибрагим хана, пытавшегося через год после признания над собой верховной власти России разорвать эту связь и вернуться под власть шаха, именем российского императора преемником его был объявлен старший сын—Мехтикули хан, при котором учрежденный из сторонников России провинциальный суд укреплял большинство ханских распоряжений, в особенности по земельным вопросам. Персия только в 1813 г. по Гюлистанскому договору официально уступила Ка-

ставил ему право построить в своих владениях прочную крепость Шуши (прим. ред.).

⁷ Образование российских владений за Кавказом, т. III, СПб., (далее: ОРВК), 1836, с. 304 (составлено в 1832 г.).

рабахское ханство России, выделив, однако, из его состава область между р. Охчи (или Чавндур, или Капан) до р. Аракс, т. е. весь нынешний Мегринский район Армении.

После бегства Мехтикули хана с приближенными в Персию в 1822 г. Карабахское ханство было преобразовано в Карабахскую провинцию, управляемую непосредственно русской администрацией. По заключении Туркменчайского договора (1828 г.), по которому русско-персидской границей была признана р. Аракс, в состав этой провинции из присоединенных областей⁸ опять вошли земли, находящиеся между р. Охчи и Аракс. В Провинции еще долгое время сохранялось старое деление на *магалы*. В дальнейшем она была присоединена к Елизаветпольской губернии и разбита на уезды, границы которых не раз перекраивались.

Автономная область—Нагорный Карабах—образовалась из частей Шушинского, Джеванширского, Кяргинского уездов и нескольких селений Кубатлинского уезда.

С начала своего образования Нагорно-Карабахская автономная область в общем в согласии с историческим делением была разделена на районы Дизакский, Варандинский, Хаченский и Джрабердский, однако границы их уже не вполне совпадали с историческими, которые впрочем, и при меликах менялись в зависимости от усиления того или иного княжеского дома, а иногда по совершенно случайным причинам. Позже границы эти подвергались некоторому изменению с сохранением старых наименований районов.

В настоящее время в Нагорном Карабахе проведено новое районирование с учетом всех новых условий, имеющих целью полнее ввести область в широ-

⁸ Были присоединены и Ереванское, и Нахичеванское ханства.

кое русло советского хозяйственного и культурного строительства. Районов уже пять, и они носят название по своим центрам: Степанакертский⁹, Шушинский, Мартунинский (б. Варандинский), Гадрутский (б. Дижакский) и Мардакертский (б. Джрабердский)¹⁰.

⁹ В 1978 г. переименован в Аскеранский; Степанакерт же как областной центр получил статус города республиканского подчинения (прим ред.).

¹⁰ Территория НКАО по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. составляет 4388 кв. км (прим. ред.).

ГЛАВА I

НАСЕЛЕНИЕ

Этнический состав. Нагорный Карабах принадлежит к тем редким армянским провинциям, население которых раз сложившись в раннюю историческую эпоху, в дальнейшем в своей массе сохранило свой этнический состав на протяжении долгих веков, хотя оно здесь и не носит уже того целостного характера, который ему был свойственен до XVII—XVIII вв. В то время как преобладающее большинство других провинций или совершенно лишились своего коренного армянского населения (в Западной Армении) или восприняло (например, на Араратской и Ширакской равнинах) в себя столько разнообразных этнографических групп из других провинций, что в значительной степени утратило свой первоначальный и диалектный и бытовой облик, Нагорный Карабах удержал сравнительно большую культурно-бытовую преемственность.

До середины XVIII в. армянское население держалось в Нагорном Карабахе достаточно сплоченно и, хотя рядом с армянскими селениями и встречались отдельными мелкими базисами тюркские поселения, все же в области еще долго не утверждалось прочно мусульманское дворянство, и поселения эти подчинялись управлению местных князей—меликов. Однако условия скотоводства на прикаспийских степях, не обеспечивающих скот достаточным кормом в летние засухи—

вые месяцы, все повелительнее толкали скотоводческое тюркоязычное население низменности на укрепление своих позиций на путях, ведущих к тучным альпийским пастбищам Карабахского вулканического плоскогорья, простирающегося за Карабахским хребтом до террас, спускающихся к Горису. Только этим следует объяснить повторные попытки одного из представителей этого скотоводческого полукочевого населения Панах хана Джеванширского овладеть подступами к этим путям как у шахбулагских родников, так и у входа в Гаргарскую долину Аскерана. Ему, наконец, удалось проникнуть и выше, в сердце самого нагорья и укрепиться не только у начала, но и главного пункта Гаргарского пути, почти у самого перевала через Карабахский хребет к высокогорным пастбищам. Здесь он в 1752 г. утвердился в укрепленной им Шуши. С этого господствующего далеко кругом выступа, обрывающегося с трех сторон отвесными пропастями к р. Гаргар и ее правому притоку, Панах хан, а затем и его преемник Ибрагим хан не только наблюдали за главным путем из степей в горы на альпийские пастбища, по которому продвигались караваны с товарами между Тавризом и Шамахи (Шемахой), связанной через Кавказский хребет с российским рынком, но и держали в повиновении местных князьков, обращенных как бы в вассалов. С образованием этого «Карабахского ханства» тюркские этнические элементы стали оседать не только у Аскерана (Ходжалинская долина), но и в Шуши и выше ее, а также в других частях, меж тем как некоторые меликские роды с частью своих крестьян стали уходить в Шамахи, Шамшадин, Нухи (Нуху), Казах и Лори (Борчалу), ближе к тем областям, которые подпадали под косвенное или прямое влияние России через Грузию. По мере их ухода освобожденные места по боль-

шей части занимались тюркскими элементами, пришедшими с низменности. После установления русской власти некоторые из армянских выселенцев вернулись обратно и частью добились возвращения старых земель, частью же основали новые деревни. Вернувшихся, однако, оказалось мало, и прежняя густота армянского населения уже не восстанавливалась, особенно в нижней полосе. Поэтому, когда в 1828 г. по Туркменчайскому договору персидские армяне получили право свободного перехода на занятые русскими земли, часть армян из персидской провинции Карадаг, перейдя р. Аракс, могла разместиться как в Зангезуре, так и в Нагорном Карабахе. Так, рядом с исконным местным армянским населением, появились в отдельных селениях (например, в с. Мэликджанлу и Цакури Гадрутского района) армяне пришельцы. Это, однако, не вызвало заметных изменений в диалектических и этнографических особенностях местных армян, отчасти потому, что, по моему подсчету, эти новые элементы составляют едва 10% всего населения, отчасти же потому, что издавна существовали экономические и культурные связи между Карабахом и Карадагом, сближавшие их в бытовом отношении.

Что же касается тюркской (азербайджанской) народности¹¹, то она в настоящее время не превышает 10% (при населении около 149 тыс.), причем в одной только Шуши число тюрко-азербайджанцев доходит до 4 тыс.¹²

Панах хан и его преемник Ибрагим хан всячески стремились насаждать в Нагорном Карабахе тюрко-

¹¹ До революции она официально именовалась «татарской».

¹² По данным Всесоюзной переписи 1979 г., население НКАО составляло 162 тыс. человек, из них армяне—123 тыс. чел., азербайджанцы—37 тыс. чел., т. е. соответственно 76% и 23% (прим. ред.).

татарское землевладение. Особенно щедро закреплял *талаг-ами* земли в собственность за своими приближенными, возводимыми иногда из конюхов и прислужников в бекское достоинство, последний владелец Мехтикули хан. Ко времени его бегства и учреждения Карабахской провинции тюрко-татарские землевладельцы были в ней количественно довольно сильно представлены, но их земли были расположены преимущественно в низменном Карабахе, с основным татарским населением, а в Нагорном Карабахе в их поместьях армяне значительно преобладали над тюрками—татарами.

Продолжительное соседство с тюрками-татарами низменностей (Карабахской и Муханской) и плоскогорий (Нагорного Курдистана), многовековое политическое подчинение верховной власти персидских шахов, постоянные сношения с тюркскими племенными старшинами (причем нередко бывали случаи заключения брачных союзов между ними и меликскими домами)—все это вызывало широкое проникновение тюрко-иранского влияния не только в среду местных феодалов, но и в другие слои карабахского армянского населения в виде повсеместного знания, особенно мужской частью, тюркского языка, дачи детям мусульманских имен¹³, усвоения тюркско-иранской музыки, усиления замкнутого и приниженного положения женщины, в редком случае—многоженства (в семье меликов Шахназарянов), содержания второй, внебрачной жены при бездетности первой и т. п. К сожалению, важный вопрос о взаимодействии тюркско-азербайджанской и армянской культур научно мало выяснен и изучен.

¹³ Это в особенности касалось тех случаев, когда новорожденные дети подряд умирали (прим. ред.).

Социальные группировки. За время русского владычества коренным образом видоизменились сословные отношения в Нагорном Карабахе. В новых условиях экономической и политической жизни сословные группировки персидско-армянской общественности оказались совершенно непригодными и стали быстро разлагаться, уступая место новым формам.

Прежде всего этот процесс коснулся привилегированного сословия местного землевладельческого дворянства, прямых потомков меликов, которых император Павел называл «державными владельцами» Карабаха¹⁴. С введением русских учреждений мелики, как и ханы, лишились своих публично-правовых преимуществ, перешедших к представителям нового чиновничества и военной власти. Мелики, как и ханы, были низведены на положение простых помещиков, причем за ними были укреплены в качестве частной собственности обширные земельные пространства, а крестьянское население было поставлено в большую, чем до того, экономическую от них зависимость. Но царская власть ловко использовала унаследованную дворянским сословием тягу к военно-административной деятельности и, поддерживая его тщеславие, втягивала одно поколение за другим в ряды своих войск, но значительно в меньшей степени привлекало на административную работу. Двери дворянских военных училищ и кадетского корпуса были широко открыты перед детьми меликских семейств. Они попадали туда часто с самых юных лет, затем дослуживались до высших чинов в армии, оставаясь по преимуществу во внекавказских войсках, куда их предпочтительно направляла царская политика. Старшее поколение, обеспечив себя пенсиями и другими доходами, возвраща-

¹⁴ Акты Кавказской Археологической комиссии, т. I.

лось еще в свои поместья и проводило там остаток своих дней. Обыкновенно они пристраивали свои генеральские покои к старым *амарат-ам*, представлявшим широкие комнаты—*галхатун* (*карадам*), с освещением через отверстие в потолке. Эти покои сохранились до сих пор в с. Аветараноц (мелики Шагназаряны) и представляют смесь старых местных форм и завезенных европейских: традиционный земляной пол, покрытый коврами, окна, пробитые высоко в стене под самым потолком, камин—*бухарик* в персидском стиле.

Вся система родственных связей, построенная на прочных нормах обычного права и достаточно гарантировавшая в дорусские времена внутреннюю родовую спайку, быстро расшатывалась. Авторитет мелика падал в глазах младших членов рода (*бек-ов*), тем более, что первенство определялось в новых условиях не происхождением, а фактически лично приобретенным служебным положением. Бывали случаи, когда очень далекие родственники (например, генерал Мадатов в с. Аветараноц), которым степень кровного родства должна была отвести скромное место в роде, захватывали, благодаря приобретенным чину и служебному влиянию, лучшие участки из родового имения, вызывая лишь глухой протест среди сородичей.

Дробление дворянских земель—результат российского закона о наследовании собственности, еще в большей мере приводило к нарушению внутриродовых юридических норм. Многие мелкоземельные дворяне как из меликских домов, так и из их бывших подручников, уже не могли оставаться в деревне и покидали ее, так как с установлением гражданского мира размножение меликских родов не умерялось систематическими потерями эпохи феодальных кровавых междоусобий. Участки до того мельчали, что часть дворян должна была искать иного вида заработка и видела

свое спасение в лучшем усвоении русского языка и русского образования, так как тогда открывался доступ к службе в администрации, суде, в войске. Этот процесс оставления деревни и отхода в города был ускорен освобождением крестьян, значительно сократившим дворянские доходы, и переходом сельского хозяйства от производства на собственное потребление к производству на рынок: к использованию выгод этого товарного производства нараждающаяся буржуазия оказалась более приспособленной, чем застывшее в вековых хозяйственных традициях дворянство. Когда уже с 70-х гг. XIX в. началась политика ограждения местной администрации, суда и войсковых частей от проникновения в них местных, особенно же армянских, элементов, дворянский поток устремился к свободным профессиям адвокатов, врачей, инженеров, агрономов и только к концу XIX в. был вовлечен и в торгово-промышленную жизнь края, оживление которой тесно связано с повышением значения Баку и Тифлиса.

Таким образом, карабахское армянское дворянство перекочевывало в города, заполняя ряды офицерства, чиновничества, лиц свободных профессий и промышленников и передавая свои земельные участки в аренду на условиях обычного права крестьянам. Оставшиеся на месте потомки меликских и других армянских родов при крайнем дроблении земли нередко сливались уже с зажиточным крестьянским слоем и по своему образованию и по своим общественным тенденциям ничем от них не отличались.

Революция, если не считать 3—4 исключений, не застала в Нагорном Карабахе экономически сильных, крупных помещиков, сидящих в родных деревнях и ведущих свое оборудованное хозяйство. Общественная роль дворянства как класса здесь была значительно

слабее, чем в Тифлисской и Кутаисской губерниях, где оно имело свои сословные организации со школами, банками и другими учреждениями. Национализация частно-владельческих помещичьих земель поэтому не сопровождалась в Нагорном Карабахе такими ожесточенными вспышками гнева трудовых слоев деревни против дворянства, как это было, например, в Грузии¹⁵.

Параллельный процесс сословного разложения и перехода из деревни в город происходил и в другом, очень сильном ко времени установления русского владычества сословии, а именно—в духовенстве. Духовенство в Нагорном Карабахе имело несколько иные традиции, чем в других провинциях Армении: здесь имелся собственный «просветитель», внук просветителя Армении Григория—Григорис, о котором предание говорило, что он был замучен на Ватнийском поле.

На протяжении многовекового существования церковного самоуправления, позволявшего всецело сосредоточиться на чисто местных интересах, духовенство в Нагорном Карабахе неоднократно вмешивалось в местные социальные и политические вопросы. Оно, наряду с меликами, организовывало сопротивление полукочевым мусульманским элементам степей. Так, в середине XVIII в. не раз оставлял свою келью в монастыре пророка Егише монах Авак, чтобы, вскочив на своего пегого коня, кинуться в самую гущу военной схватки со степняками; за свою безумную храбрость он был прозван «сумасшедший монах»¹⁶. Когда воз-

никла мысль о признании русской власти в Закавказье, духовенство первым подхватило эту мысль: гандзасарский католикос Есан, бывший душой переговоров с Россией, первый присоединился к меликским войскам, ожидавшим у Гандзака (Гянджа) в 1722 г. вместе с войсками грузинского царя появления Петра Великого за Кавказским хребтом¹⁷.

Монастыри сосредоточили в своих руках обширные населенные угодия, в которых они, судя по некоторым данным, руководствовались в своих отношениях к крестьянам теми же нормами обычного права, которые оформились на мелнских землях. Эта экономическая общность привела к полному сближению influentialного черного духовенства, а за ним и белого с землевладельческим дворянским сословием на почве единства классовых интересов. Русская власть застала в Нагорном Карабахе довольно многочисленные монастырские братства и прикрепила к монастырям их земельную собственность. Однако при определении границ как помещики, так и общества государственных крестьян прилагали всяческие старания к расширению своей земли за счет монастырской, и уже по этой одной причине духовное землевладение значительно сократилось, а вместе с тем уменьшились и доходы духовенства. Неумение вести хозяйство при новых условиях, прекращение многих поступлений после упразднения крепостнических отношений, уменьшение благочестивых приношений и другие причины сделали невозможным содержание многочисленных братий, в результате чего число желающих «уединить-

¹⁵ Если кое-где имело место разрушение помещичьих имений (например, имения врача Мовсеса Атабекяна у с. Ханкенды или Авана Юзбаши у с. Марачи), то это произошло не вследствие революционных вспышек, а исключительно вследствие межнациональных эксцессов, которые в Нагорном Карабахе причинили ужасающие разрушения.

¹⁶ Գաֆֆի, խմբագիր մեկերգությունները, Թիֆլիս, 1882, с. 893.

¹⁷ Автор «Истории... Албании» (Պատմություն Աղվանից, Շուշի, 1839) Есан Асан Джалалян относит это событие к 1723 г.; будучи сторонником Исразла Ори, он организовал против нашествия лезгин десяти тысячное армянское войско и защитил свою страну (прим. ред.).

ся от мира» с неимоверной быстротой падало, тем более, что новые культурные запросы вели пытливые умы уже не в монастырские школы, а в светские учебные заведения. К концу XIX в. во многих монастырях, кроме настоятеля, уже не было ни одного инока, например, в таком когда-то далеко прославленном монастыре, как Гтич на склоне горы Дизапайт. Накануне гражданской войны в большинстве обителей монахов заменяли настоятели из священников, даже светские лица или сторожить опустелые стены оставались старики—прислужники.

Революция только завершила этот процесс. Во время нашего объезда резиденция католиков—Гандзасарский монастырь—охранялась какою-то вдовой с ее семьей, а обитель «Ериц манкунк» в Джрабердском районе—одиноким старухой.

Несколько медленнее шло разложение среди белого духовенства. С наступлением русского владычества священники быстро эмансипировались от своей зависимости от дворян.

Уже в 40-ых гг. XIX в. в выступлениях крестьян против произвола помещиков, как тюрков-татар, так и армян, движение зачастую возглавляли сельские священники, которые за это участие в «бунте» и в «беспорядках» подвергались дисциплинарному взысканию со стороны епархиального начальства по настоянию русской администрации, поддерживавшей землевладельцев и пересаждавшей в Закавказье российские крепостнические порядки¹⁸.

Благодаря тому, что принадлежность к духовному сословию освобождала от крепостных отношений, дети священников стали тем подвижным элементом, кото-

¹⁸ Հեռ, Պատմութիւն Ղարաբաղի հայոց բնակիչի հոգևոր դպրոցի, Թիֆլիս, 1915, с. 77—84.

рый был склонен освободиться от своей экономической зависимости от деревни. Они потянулись к более прибыльным и почетным занятиям, чем исполнение церковных обрядов, считая для себя необязательным установившийся обычай, в силу которого сын наследовал священническое звание отца. Поступая отчасти в те же правительственные учебные заведения ближайших городов—Шуши и Елизаветполя, в которые поступали и сыновья дворян, чаще же всего заполняя места в Шушинской армянской духовной семинарии, основанной в 1838 г., куда дворянство шло крайне неохотно, дети священников редко возвращались в свое сословие и предпочитали службу в правительственных учреждениях, значительно реже—в армии, а самые способные или более обеспеченные добивались высшего образования и затем посвящали свои силы свободным профессиям. Это вовсе не новое явление в Нагорном Карабахе, что в семье священника, дававшей до того в целом ряде поколений своих представителей церкви, все дети—и мальчики и девушки—получив кое-какое, даже не завершенное среднее, а тем более высшее образование, порывали всякие связи с духовным сословием. С отходом более способных сил в городскую интеллигенцию и отчасти с пополнением ими зарождающейся торгово-промышленной буржуазии, в поредевшие ряды белого духовенства стали проникать случайные люди, чаще всего лица, потерпевшие неудачу на других поприщах, всякие полуграмотные приказчики, объездчики, маркитанты или же промотавшиеся торговцы. В лучшем случае это были сельские учителя, желавшие пополнить свое скудное содержание побочными доходами от совершения церковных треб. Впрочем, и последние не в силах были остановить падение авторитета духовенства, тем более, что редко кто из них действительно был проник-

нут истинным и глубоким религиозным чувством, между тем ушедшие на заработки в города молодые люди по возвращении в деревню подходили к церковным традициям с язвительной критикой, на которую священники не находили ответа. Авторитет белого духовенства был подорван задолго до революции, а потому не удивительно, что в первые же годы после установления советской власти многие из священников поспешили снять рясу (в с. Чартар) или отказались от совершения треб (в Гиши, Чракусе, Ванке, Оратахе-Гюлатахе), подав в отставку. Следует отметить тот факт, что из среды детей карабахских священников вышло очень много видных деятелей коммунистической партии. В строительстве нового правопорядка им оказывало большую помощь хорошее знание армянской действительности. Благодаря своему происхождению, они сохраняли с ней самую тесную связь в свои школьные и студенческие годы.

Еще ранее белого духовенства стали уходить из деревни кустари-ремесленники из крестьян—плотники, кузнецы, шапочники, шорники и др.

В описании Карабахской провинции, произведенной в 1823 г. тотчас после упразднения ханской власти, среди жителей Шуши значится немало разных ремесленников, большинство которых все еще числилось «людьми» того или иного мелика, мелкого хана, бека¹⁹. Однако ремесло давало им достаточную независимость от последних. Впоследствии число ремесленников в Шуши все более возрастало: довольно обширный список их приведен в описи, составленной Зубаревым, лет десять спустя²⁰. Многих из них тянуло

и в Гандзак, Нухи, Шамахи и в другие города, позднее, все чаще в Баку, а с присоединением среднеазиатских владений—в Закаспийскую область. После освобождения крестьян за ремесленниками последовали и неквалифицированные деревенские жители.

Параллельно с разложением старых социальных группировок стал складываться новый общественный слой—слой мелких и крупных торговцев, скупщиков, предпринимателей. Эта прослойка была еще слаба в Нагорном Карабахе ко времени бегства последнего хана. В «Описании карабахской провинции» (1823), дающем сведения о занятиях жителей по отдельным поселениям, в деревнях не упоминаются лица, занимающиеся торговлей: лишь в Шуши регистрируется наряду с *сарыф*-ами—менялами наличие нескольких *ходжа*—купцов. Источник их доходов и социальное положение группировавшихся вокруг них лиц носили отпечаток совершенно иной экономической обстановки, чем та, которая создавалась в Нагорном Карабахе, как и во всем Закавказье, после установления русской власти и обращения края в колонию российского государства²¹. Характерные подробности об этом сообщает младший член Эчмиадзинской братии Месроп Тагнадян, посетивший Шуши вместе с католикосом Епремом в 1821 г. В своем воспоминании «Путешествие

3, шорников—15, шапочников—24, портных—30, сапожников—44, перчаточников—4, плотников—4, седельников—10, делающих войлока—2, попоны—1, шнурки—2, ружейные замки—6, ружейные ложи—6, сабли и кинжалы—10, цирюльников—3, хлебников—6, приготовляющих обувь в роде сандалий—2». См. ОРВК, т. III, с. 309.

²¹ «Не без основания Закавказские провинции могут быть названы нашею колонией, которая должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов».—Записка графа Канкрин в апреле 1827 г. См. ОРВК, т. I, с. 12.

¹⁹ «Описание Карабахской провинции», произведенное д.с.с. Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым, Тифлис, 1823.

²⁰ «Перебивающих шерсть—6, кожевенников—9, ткачей бязи—28, серебрянников—12, кузнецов—25, медников—6, лудильщиков—

по Армении»²² он отмечает две крупные торговые фирмы: одна из них—дом Ахумянов, была связана своими операциями с Персией, Россией, Сибирью и европейскими рынками и держала большие денежные средства в российских банках, другая—дом Тарумянов, пользовалась монопольным правом рыбной ловли и взимания корабельных пошлин на Каспийском море и другими откупными статьями. Обе фирмы, сидя в Шуши, поддерживали связь с Россией (через Шамахи) и с прикаспийскими областями—с одной, и с Тавризом и северо-западным Ираном—с другой стороны, а также предоставляли ссуду под проценты правителям, учреждениям и отдельным лицам (так, Тарумянам Эчмиадзинский монастырь должен был по векселям 4 тыс. червонцев). Для своей торговли и вообще операций они организовали обширную агентуру из приказчиков, конкурируя друг с другом как их числом, так и тем обеспечением и внешним блеском, которые они предоставляли этим соучастникам в их делах. Многие из этих приказчиков или *чраг*-ов—«светильников» (как до последнего времени в Нагорном Карабахе не перестали называть приказчиков) были одновременно и распорядителями завозных товаров фирмы по деревням и собирателями местной продукции, которая могла быть легко перекинута при тогдашних путях и средствах сообщения в отдельные страны (шелк, карабахские лошади). *Чраг*-и держались тесной «семьей» вокруг торгового дома, поддерживали его честь, даже тогда, когда уже выделялись в самостоятельную ведущие свои дела единицы.

Вскоре после заключения Туркменчайского договора (1828 г.) была закрыта персидская граница для транзитной торговли через российские владения, зна-

чение пути Шамахи—Шуши—Тавриз пало, а еще до того была отменена откупная система. Те из шушинских фирм, которые не успели перебросить свои капиталы на другие предприятия на местном, либо российском рынках, стали хиреть, их *чраг*-и от них отходили и с наступившей безопасностью путей сами вступили в сделки с российскими фабриками и заводами, а роль собирателей местного сырья и распределителей мануфактуры по деревням начала переходить к выделявшимся из крестьянской среды крупным хозяйствам. В этой роли в крайне редких случаях выступали отдельные члены дворянских семейств, а почти исключительно—сельчане, обеспечившие себя землею, рабочим и продуктивным скотом и обладавшие свободными денежными средствами. Сельское хозяйство рано стало специализироваться на производстве шелка, спирта, шерсти и ковровых изделий и переходить от потребительского производства к товарному, требовавшему все большего применения денежных средств.

Экономическому возвышению и обособлению слоя сельских богачей способствовало обеднение значительного большинства жителей деревни, вызванное мало-земельем, все более обострявшимся с каждым десятилетием в результате быстрого роста населения, при сохранении старых форм агротехники, а также истощении почвы вследствие посева на одном и том же участке в продолжении ряда лет, раздроблении живого и мертвого инвентаря по мере разделения крупных патриархальных многопарных семейств на мелкие, по преимуществу однопарные, при замене потребления кустарных предметов потреблением фабричных изделий, при тяжелых условиях кредита и ряде других причин. Обедневшие крестьяне вынуждены были или искать источников пополнения своего бюджета сторонними заработками в больших городах, или ста-

²² ՄԵՐԱՆՈՒ ԹԱՂԻԿՆԵՐՆԵՐ, ՃԻՆԱԿԱՐԳՆԵՐՆԵՐԻՆ Ի ՀԱՅՈՒ, ԿԱԴԻՄՈՍ, 1848, с. 289—290.

вить свое хозяйство в зависимость от экономически более сильных хозяйств, каковыми оказывались не только сколотившие на месте, у себя в деревне, кое-какой капитал, но и родственники односельчан, приобретших в промышленных центрах свободные денежные средства и перебрасывавших их в родное село на приобретение новых земель, на расширение площади тутовых насаждений и, в особенности, на предоставление их ростовщику. Ростовщик расчищал путь торговцу.

К концу XIX в. в карабахской деревне вполне отчетливо оформилось это новое расслоение на ростовщиков, скупщиков и торговцев, все более отходивших от чисто сельскохозяйственного труда и пользовавшихся в ведении своего сельского хозяйства трудом батраков или задолжавших им лиц—с одной стороны, и на земледельческие трудовые массы, находившиеся в зависимости от них—с другой.

Во время нашего обследования в 1924 г. трудно было судить о различных степенях и формах этой зависимости в дореволюционной деревне, так как межнациональные столкновения и последовавшая гражданская война расстроили не только бедняцкие, но и зажиточные хозяйства, а земельная уравнительная реформа после установления советской власти успела еще более сгладить имущественное неравенство обоих слоев, тем более, чем при новом строе и распределение на месте товаров, и сбор излишков крестьянского производства для реализации на промышленном и потребительском рынке перешли от частных лиц к государственным организациям.

Однако есть основание утверждать, что лучшие пахотные участки, значительные площади тутовых насаждений, водяные мельницы (число их доходило до 300), торговые заведения, производившие операции как

у себя в деревне, так и разъездом по небольшим поселениям, а в определенные дни—на районных базах, винокурение, собирание спирта, коконов, шерсти, ковровых изделий и т. д. успели уже сосредоточиться в зажиточных, реже—в середняцких руках.

Винокурение и шелководство не требуют участия большого капитала. Потребность в таком капитале остро сказывалась в шелкомотальном и шелкокрутильном деле, которые поэтому и перешли к крупным капиталистам, работавшим на российские фабрики. Эти собственники небольших шелкомотальных и шелкокрутильных фабрик не составляли особой, заметной группы среди городской буржуазии и тесно примыкали своими интересами к другим посредническим и торговым кругам Шуши, которые из мелких партий сырья, собранных по деревням через местных торговцев и агентов, составляли крупные партии для переброски дальше в российские, а иногда и в заграничные промышленные центры, либо вели оптовую торговлю, снабжавшую сельских лавочников мануфактурой, нефтью, сахаром, чаем, посудой, металлическими и другими фабричными изделиями.

В продвижении товарного потока с местного карабахского рынка в большие потребительские центры на фабрики и заводы, в одном направлении, и с последних—на карабахский рынок, городская промышленная и торговая буржуазия работала рука об руку с сельской.

Когда сельский богач, доведший собственное состояние до определенного размера, находил пределы села тесными для применения приобретенного денежного накопления, он перекочевывал в город, прежде всего, в свой центр—Шуши или по соседству—в Елизаветполь.

Но и городской капиталист—предприниматель на известной ступени своего денежного накопления уже не оставался у себя в провинциальном городке и уходил в Баку и другие нефтяные центры, в Москву, в Закаспий, совершенно отрывая свой капитал от работы на родине и всецело сливаясь с местной буржуазией.

К началу первой мировой войны объединенная городская и сельская буржуазия, оттеснив окончательно местное дворянство и духовенство, являлась силой, решительно вмешивавшейся в направление и разрешение местных экономических и культурных вопросов. К этому времени наряду с этой посреднической торговой буржуазией на местных предприятиях не успели сложиться рабочие кадры. Разработка местных минеральных и металлических богатств (по преимуществу меди) и камней (для жерновов) все еще сохраняла кустарный характер. Единственными промышленными заведениями являлись мелкие шелкомотальные и шелкокрутильные фабрики (их было около 5—6 десятков).

Рабочие этих фабрик, вкрапленных отдельными мелкими точками в общий сельскохозяйственный фонд края, не успели обособиться и спаяться ввиду крайней разбросанности этих предприятий по местностям, плохо соединенным друг с другом путями сообщения, а с другой стороны, ввиду чисто сезонного характера самой работы, продолжавшейся в году около двух месяцев и не отрывавшей от основных, чисто крестьянских занятий, при которых она являлась источником подсобного заработка. Да и численно (число их в лучшие годы едва перекатывало за тысячу человек) они были не сильны, тем более, что между ними более 90% составляли женщины, которые в условиях старого карабахского быта очень туго поддавались влиянию новой жизненной обстановки. В общественной

жизни в годы гражданской войны и установления советской власти сыграли роль не столько рабочие этих местных фабрик, сколько те сельчане, которых поиски заработка кинули в Баку, Грозный и другие фабричные центры, откуда они возвращались с определенными прогрессивными настроениями.

Крайне ограниченным было число учебных заведений всех типов. В Нагорном Карабахе накануне гражданской войны оно не доходило до 50²³, причем средних было всего два: армянская семинария (с 1838 г.) и правительственное реальное училище (с 1881 г.). Это не удовлетворяло всей потребности молодежи в школах, и она направлялась не только в средние, но и низшие школы за пределы Карабаха—в Елизаветполь и в Баку, где большая часть устраивалась у родных, успевших там обосноваться на постоянной работе. Если некоторые из детей ремесленников и крестьян, окончивших низшую школу, возвращались к занятиям своих родителей, то этого нельзя сказать об окончивших среднюю школу или выходивших из ее старших классов: почти все они старались разместиться по разным правительственным учреждениям, в частных городских предприятиях, либо избирали свободные профессии. Как из дворян и духовенства, так и из среды городской и сельской буржуазии и ремесленников выходило немало лиц, получивших высшее образование. Едва ли какая иная армянская провинция представляла такой большой контингент учащихся российским и заграничным университетам и высшим специальным учебным заведениям, как Карабах, и едва ли где в другой армянской провинции перепроизводство интеллигентных сил выявилось столь рано, как

²³ В 1833 г. в Карабахской провинции было 7 школ, кроме мелких школьных групп при приходских священниках. См. ОРВК, т. III, с. 280.

именно здесь. Не находя работы на родине, большинство этих врачей, юристов, архитекторов, инженеров, учителей расселивалось по городам Закавказья, Закаспия и других частей России и получило в литературе прозвище «новых ворон», не возвратившихся назад на ковш. Там они вовлекались в местную промышленную и культурную жизнь, поддерживая все же тесную связь друг с другом и со своими земляками—капиталистами-карабахцами, и нередко составляли (например, в Тифлисе) на новом месте жительства свою собственную «партию». Они уже почти никакого участия не принимали в направлении экономики и культуры родного края.

Оставшаяся на родине часть интеллигенции различного социального происхождения играла на протяжении всего последнего века самую активную роль в жизни края. Ей принадлежит почетное место в культурном развитии Закавказья вообще и закавказских армян—в частности. Она отличалась редкой спаянностью, внутренней сосредоточенностью, своего рода «самостийностью» в борьбе с нарождающейся буржуазией. Благодаря близости Баку с его развитым рабочим движением, в шушинской интеллигентной молодежи очень рано находили отклики революционные идеи, и потому Октябрьская революция застала в Нагорном Карабахе большое количество интеллигентных сил—обстоятельство, облегчившее выполнение задач советского строительства.

Таким образом, со времени установления русской власти за одно столетие в Нагорном Карабахе произошли коренные изменения как во всей экономической структуре, так и во всех социальных взаимоотношениях. Вполне понятно, что вместе с этим и в быту местного населения быстро утрачивались и те характерные особенности, которые до того традиционно и

свято сохранялись из века в век, из поколения в поколение как яркие остатки давно пережитых предыдущих ступеней общественного развития. Видоизменялись формы поселений и жилищ, их внутренней обстановки, одежды, домашней мебели, видоизменялись отношения членов семьи и общества, все миропонимание.

Армяне и соседи. Перемещение общественных сил, происшедшее в армянском населении Нагорного Карабаха за сто лет русского владычества, отразилось и на взаимоотношениях армян и их соседей—татар (как официально называли тюрко-азербайджанцев до революции). Со времени оседания турко-монгольских племен на Закавказской территории в образовавшихся здесь государствах проводилась политика, мало способствовавшая сближению двух частей населения—старой, местной и новой, пришлой, отличных друг от друга как по хозяйственным навыкам и общественному развитию, так и по культурным запросам. Экономическая и общественно-бытовая рознь усугублялась принадлежностью той и другой этнической группы к различным, взаимно враждебным религиозным системам. Даже в новоперсидском, Сефевидском государстве, где шло некоторое возрождение староперсидских традиций, не были созданы условия, сглаживавшие обособленность мусульманской и христианской частей населения и их юридическое и общественное неравенство. Различие в положении той и другой достаточно остро выявлялось и в карабахском ханстве накануне его упразднения.

Влиянием на политические дела и внутреннее управление пользовались почти исключительно агалары, мелкие ханы, беки и всякие дворяне разных наименований из татар. Только некоторые из них являлись, как и мелики, правителями отдельных *магал-ов* и других территориальных подразделений. Многие же,

по существу, были племенными начальниками более или менее крупных полукочевых скотоводческих обществ, группировавшихся по действительному или предполагаемому племенному родству. Муллы и другие довольно многочисленные представители мусульманского духовенства поддерживали в массах слепое подчинение авторитету агаларов и беков. Суд являлся прерогативой духовенства и руководствовался духовным законодательством—шариатом. Явление, отмечаемое в 1833 г. авторами «Обозрения российских владений за Кавказом» в Казахской и Шамшадинской дистрикциях, а именно, что татары владеют лучшими и обширнейшими землями; армяне же живут по большей части в горах, которые пахотными местами не изобилуют²⁴, было характерно и для распределения земли в Нагорном Карабахе: весь низменный, равнинный, богатый оросительными средствами район был занят татарским населением; армяне сохраняли земли в гористой части, составившей нынешнюю автономную область—Нагорный Карабах.

Русское управление вносило принципиально юридическое равноправие между разными народностями Закавказья и в общем осуществляло его.

Агалары, беки, ханы, мелики довольно скоро лишились многих общественных прав и феодальных привилегий. Сокращалось вмешательство мусульманского духовенства в разрешение судебных тяжб. Проводился учет скота, уточнялись границы пахотных и обширных пастбищных участков. Принимались меры к предупреждению потрав при следовании скота с зимних пастбищ на низменностях на летние, в горах и обратно. Все эти мероприятия ущемляли привилегии дворянства и духовенства и ограничивали былую сво-

²⁴ ОРВК, т. II, с. 225, 258.

боду полукочевого скотоводства. Татарские дворяне, духовенство и скотоводы нелегко мирились с новыми порядками, в установлении которых они винили соседей—армян.

Еще при Петре I карабахские мелики и католикос готовили военные силы для открытого присоединения к русским войскам, которых они ждали на прикуринской низменности по занятии Петром западного побережья Каспийского моря. Эта попытка признать над собою власть русского императора была повторена спустя полстолетие, при Екатерине II, когда некоторые мелики в Гандзасарском монастыре подписали присягу на верность ей. Управлявший тогда ханством сын Панах хана—Ибрагим отравил Гандзасарского католикоса Ованеса (1787 г.) и предал разграблению владения изменивших меликов. Но видимо, учитывая эти настроения армянских правителей и высшего духовенства, Ибрагим хан сам поспешил заключить Куракчайский мир 1805 г. и признать себя данником России. При вторжении персидских войск через Карабах под начальством шахского наследника Абаса-Мирзы (1826 г.) шушинские армяне всячески помогали немногочисленному русскому гарнизону Шуши в оказании упорного сопротивления. Город устоял и не был взят²⁵.

Эта приверженность армян к русским не могла не возбуждать против них те слои татарского общества, которые при ханском управлении являлись господствующими и правящими.

При дальнейшем переустройстве хозяйственных отношений с переходом от потребительского производ-

²⁵ Огромную помощь русским войскам оказали сыновья Юзбаши (сотника) Арутюна Атабекяна Мелик-Вани и Акоп Юзбаши. См. В. Потто. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества. Тифлис, 1902, с. 58—68 (прим. ред.).

ва к торговому, выгоды нового положения широко использовали как в центральном (Тифлис), так и восточном Закавказье армянские скупщики, торговцы и промышленники. Сельские и городские богачи Нагорного Карабаха распространяли свои эксплуататорские операции не только среди армянского, но и среди татарского населения, не только на предгорьях, но и далеко на низменности, где вступали в конкуренцию с нарождавшейся местной, татарской буржуазией в деле закабаления земледельческих и скотоводческих хозяйств. Там и сям земельные участки татарских беков стали переходить в руки армянской денежной буржуазии. С каждым десятилетием нарастало враждебное настроение татарских землевладельцев, а с ними и сельских кулаков к армянам богачам, усиливаемое развернутой конкуренцией татарского и армянского капитала в бакинской нефтяной промышленности.

Закавказская высшая власть уже со второй половины XIX в. стала пользоваться этими настроениями для отвлечения трудящихся масс закавказских народностей от совместного выступления против царского самодержавия и от проводимой им политики руссификации края и покровительства российскому капиталу. С одобрения и при поддержке центрального правительства местной властью эти враждебные межнациональные настроения не только не сдерживались, но всячески разжигались. Армянофобская политика была доведена до крайних пределов разнузданности в начале XX в. и привела в 1905 г. к кровавым столкновениям, стоившим многих жизней и уничтожившим множество хозяйств.

Вооруженные столкновения распространились и по Карабаху: в г. Шуши были разгромлены и частично преданы огню торговые и ремесленные ряды, отделявшие татарскую часть от армянской.

Во время мировой войны внимание всех слоев Закавказских народностей было отвлечено событиями на фронте. Но когда после февральской революции российские войска стали покидать военную линию и уходить из Закавказья, беки и муллы воспользовались этим, чтобы вооружить их оружием крестьянские массы. Во многих пунктах железнодорожного пути из быстро вырытых траншей выскакивали вооруженные люди и останавливали воинские поезда, требуя сдачи оружия. На этой почве разыгрались кровавые столкновения у станции Шамхор, где эшелоны отказались исполнить требования задерживавших их проезд толп и прибегли к вооруженному сопротивлению. Из пушек и пулеметов было разнесено несколько сельских поселений вдоль пути. Ясно было, что власть в Закавказье расшатывается и что темные силы поднимают головы. При подобных условиях как во всем крае, так и в особенности в Нагорном Карабахе, где Шуши оказалась совершенно отрезанной от железнодорожной станции Евлах, стали опасаться возможности возобновления событий 1905 г. В г. Шуши власть перешла к национальным комитетам—армянскому и татарскому, и, сверх того, межнациональному. Подобные комитеты возникли и по сельским округам. Задачей их было принять все меры к предупреждению каких-либо национальных трений. Действительно, комитетам удалось поддержать порядок и межнациональный мир до конца 1918 г., когда турки, заняв Баку и укрепив там власть мусаватистов, предъявили к Шуши ультимативное требование впустить в город турецкие войска. После короткого колебания руководящая армянская группа вступила с турецким командованием в соглашение, и 30 сентября несколько турецких рот были впущены в Шуши.

Турки потребовали выдачи оружия, значительная часть армянской интеллигенции была арестована. Пробыв один месяц, турецкие части, в связи с заключением Версальского договора, должны были уйти из Карабаха и вообще из Азербайджана. В Баку вступили английские войска. Мусаватистское правительство по согласованию с англичанами направило в Шуши генерал-губернатором доктора Хосров-бека Султанова, но власть его признана была только татарской частью города; армянское же население отказалось подчиняться его распоряжению. Чтобы устроить армянское население, им 8—10 июня 1919 г. был организован с согласия и при попустительстве англичан погром в армянском селении Кайраликенте, под самой Шуши. Вскоре затем азербайджанскими ротами были заняты казармы в армянской части.

Между тем в деревнях действовали армянские вооруженные отряды. Получив поддержку людьми и боеприпасами из Еревана от Армянской Республики сельские комитеты готовили восстание в целях воссоединения Карабаха с Арменией. Вооруженный отряд проник в Шуши и глубокой ночью на 20-ое марта 1920 г. набросился на казармы, чтобы разоружить азербайджанскую роту. Здесь он встретил упорное сопротивление. Вздурораженные выстрелами жители татарской части города поторопились на помощь осаждаемым. Начались погромы и поджоги армянских кварталов. Кто мог, спасался с семьей, бросив весь домашний скраб; бежали к скалам, чтобы по крутым тропам спуститься в глубокие ущелья и оттуда пробираться в Варанду. Туман скрывал их бегство. В эту ужасную ночь от огня и оружия погибло несколько тысяч человек. Одновременно армянскими отрядами были окружены казармы и в Ханкенды, но азербайджанской роте удалось прорвать их кольцо; при от-

ступлении по Гаргарской долине ею было разгромлено несколько армянских деревень, подобные же столкновения вспыхнули и в долине р. Хачен.

Спустя месяц, 28 апреля 1920 г., бакинскими рабочими при содействии Красной Армии была провозглашена Советская власть в Баку, 20 мая Красная Армия вступила в Шуши, установив там тоже советскую власть.

ГЛАВА II

ГОРОД И СЕЛО

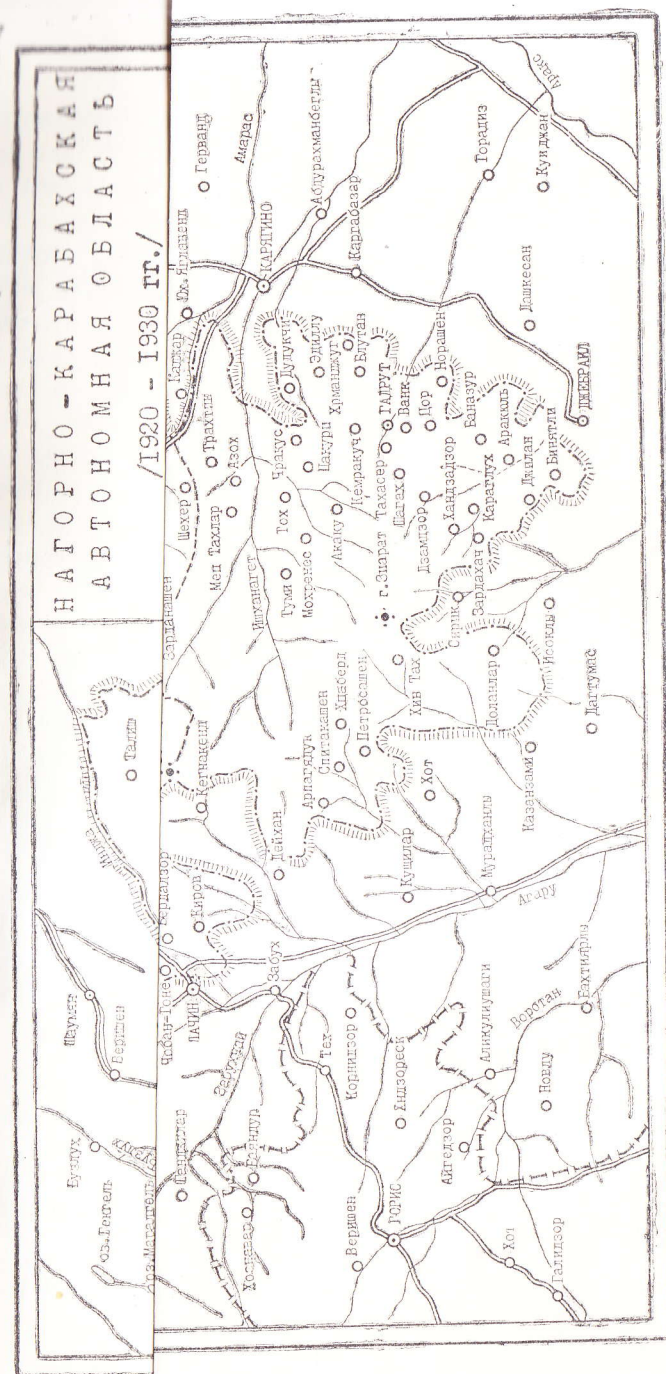
Г. ШУШИ

За время русского владычества лишь одно поселение в Нагорном Карабахе превратилось в город— крепость: это Шуши. Но это был город особого типа. Одновременно на южном конце стала развиваться штаб-квартира Гадрут (в селении Ванк¹), где успели образоваться довольно обширные торговые и ремесленные ряды, обслуживавшие нужды не только расквартированных здесь воинских частей, но и всего, довольно густо населенного Дизакского района². Однако накануне революции Гадрут представлял собою не городское поселение, а скорее большую деревню, где главным занятием жителей оставались садоводство и хлебопашество.

Шуши и до сих пор остается для жителей тем, чем она была при своем основании—крепостью—кала, и шушинцы иначе себя не называют, как *кылици*—жители крепости. И русская власть в своем утверждении в Нагорном Карабахе использовала это поселение прежде всего именно как стратегический пункт и превратила его в штаб-квартиру. Однако ж, развитие

¹ Не путать с одноименным с. Ванк Мардакертского р-на у подножия Гандзасарского монастыря (прим. ред.).

² См. Давидбеков И. Село Гадрут... с. 153—192.

НАГОРНО-КАРАБАГСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ

1920 - 1930 гг./

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ГРАНИЦЫ

Республика Армения

Батумского края

Районы

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

Центры районов

Мелкие Прочие населенные

пункты

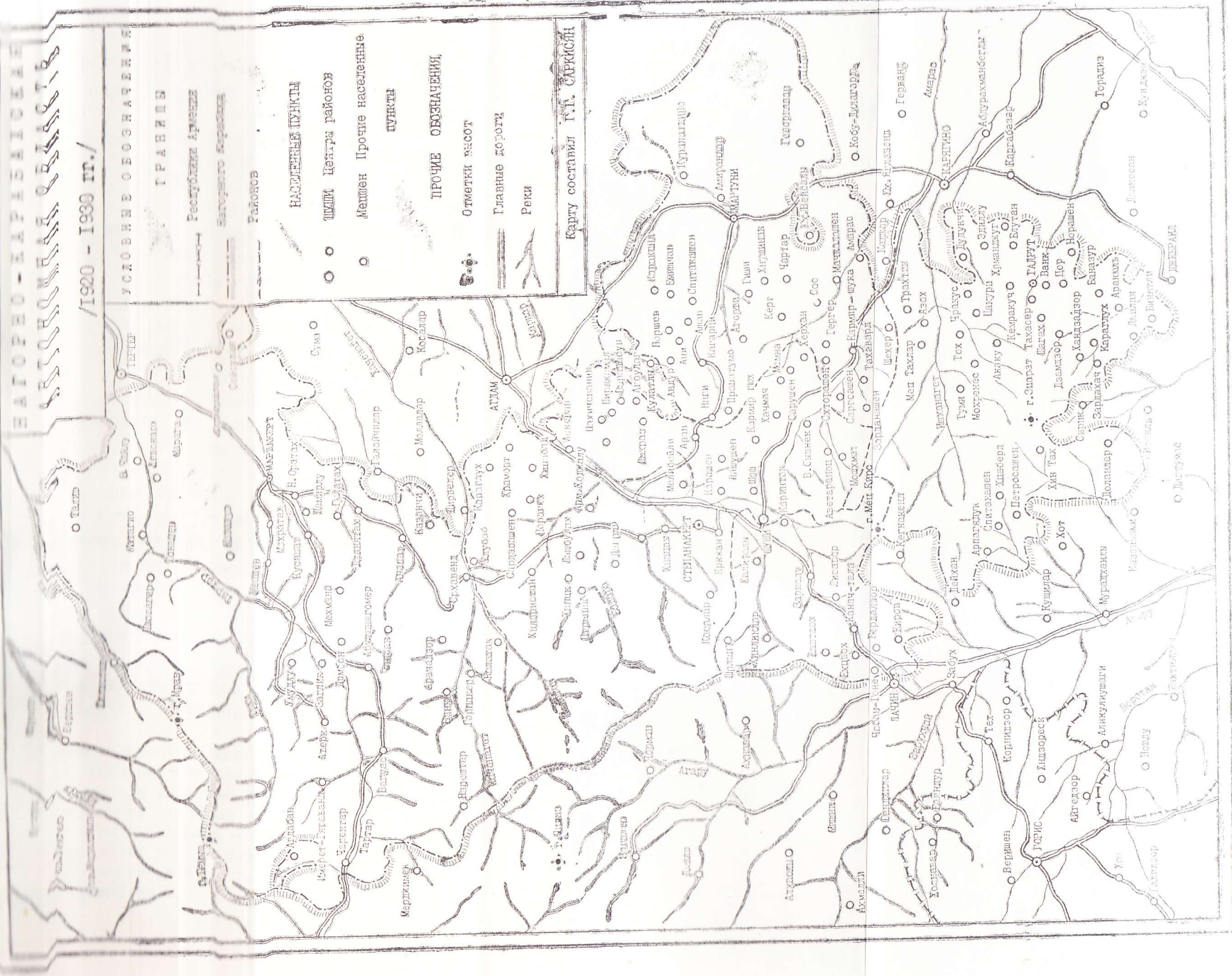
ПРОЧИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Отметки высот

Главные дороги

Реки

Карта составил Г.П. САРКИСЯН

Шуши обусловлено было другими обстоятельствами, так как штаб-квартира была перенесена в с. Ханкенды (под Шуши), где были более благоприятные климатические условия. Шуши превращается в центр обширного уезда с соответствующими административными, судебными и другими учреждениями. Сюда перешло и центральное управление армянской епархии.

Не без основания некоторые старики из карабахцев, ссылаясь на слова своих отцов, утверждают, что на плато, где были заложены джеванширцем Панах-ханом крепостные сооружения, уже до того существовал поселок с ремесленными мастерскими и торговыми лавками. Экономической базой этого поселка служило нахождение его на главном пути продвижения скотоводов с прикаспийских низменностей на карабахские альпийские пастбища, на том месте, где поднимавшиеся вверх скотоводы без особого труда, не затрачивая много времени на переезды, могли обменять продукты скотоводства: сыр, масло, шерсть, кожу на нужные им предметы ремесленного производства: люльки, сундуки, лопатки, чесалки, папахи, гребешки, местную шаль, подковы, гвозди и всякие металлические мелочи, подчас на привозной сахар и пряности, починить свои арбы, седла и т. д.³ Это экономическое значение сохраняется за Шуши и теперь, после сожжения города во время армяно-татарских столкновений, несмотря на перенесение административного центра в Степанакерт (с. Ханкенды). И теперь в здешних

³ До последнего времени таким пунктом для скотоводов, поднимавшихся на пастбища у верховьев рек Тартар и Хачен, служило по хаченскому пути селение Ванк у подножья Гандзасарской горы. Здесь летом по обеим сторонам дороги открывались торговые лавки и мастерские для обслуживания кочевников. Раньше пункт лежал ниже, у села Вачарк (Базаркент), отсюда получил свое название—торжища, где во времена Гасана-Джалаляна был торговый город.

лавках и мастерских происходит живой товарообмен мануфактуры и обработанных готовых предметов,—с одной стороны, на продукты хозяйственного производства кочевников,—с другой.

Через Шуши пролегает кратчайший путь из Шамахи, в Тавриз, перерезая Карабахский хребет. Образование в середине XVIII в. Карабахского ханства с центром—укрепленной резиденцией по середине этого пути, у самого удобного перевала Туджур и с границами, доходившими на севере до переправ на Куре, а на юге—до переправ на Араксе, означало обеспечение безопасного продвижения торговых караванов между Шамахи и Тавризом. Шамахи была исходным пунктом для товаров, шедших из России и через Россию, Тавриз же—основным складом для товаров персидских, европейских (поступающих через Трапизон (Трапезунд), Карин (Эрзерум), Ереван и Нахичеван) и, наконец, индийских, проникавших через гавани на Персидском заливе. В Шуши предпочла переселиться, почти тотчас по утверждении здесь Панах-хана, часть жителей Агулиса, связанного торговыми интересами с Тавризом, и основала в ней свой квартал, до последнего времени называвшийся—*Агулецоц* (Агулисским). В «Описании Карабахской провинции» 1823 г. упоминается особый квартал Казанчалу (*Казанчецоц*)⁴, т. е. переселенцев из с. Казанчи, лежащего у истоков р. Алиджа в пределах нынешней Нахичеванской АССР. Это были опытные мастера по выделке медной посуды (откуда и село получило свое название: *казан* означает котел), но вместе с тем и смелые отважные торговцы, перебрасывавшие товары между джугульфинской переправой⁵ на Араксе и нижекуринскими районами

(особенно нахичеванскую каменную соль, предпочитаемую скотоводами). Агулисы и казанчинцы⁶ принесли в Шуши и свой ремесленный опыт, и свои торговые навыки, приняв живое участие в местном товарообмене и в транзитной торговле.

В том же «Описании» третьим кварталом Шуши в 1823 г. значится *Тавризли*, т. е. Тавризцев (Тавризцепоц), заселенный исключительно мусульманами: название указывает как на самое происхождение жителей этого квартала, так и на их тесную связь с Тавризом⁷.

После бегства Мехти-кули хана и упразднения ханской власти, Шуши при русском управлении превратилась в центр обширного уезда с соответствующими административными, судебными и другими учреждениями. Вместе с этим в 20-х гг. все еще до того высоко стояло экономическое значение этого города в восточном Закавказье, что члены «Базельского евангелического общества», исходатайствовавшего в Петербурге разрешение на распространение христианства на Кавказе среди язычников, мусульман и евреев и Библии среди христианского населения, избрали центром своей деятельности именно Шуши, где в 1823 г. они приступили к постройке здания для типографии и

Аббасом I, а жители переселены в Испагань, где на другом берегу реки они основали обособленный г. Нор Джуга (Новую Джугульфу), продолжая поддерживать старые торговые связи с Индией, персидскими портами и европейскими рынками.

⁶ Каждое из этих обществ по принципу землячества жило вокруг своего храма, и, по всем основаниям, управлялось своей квартальной организацией до установления русского городского строя. Следует отметить, что к началу XIX в. они утратили свои родные диалекты и говорили на местном наречии.

⁷ Впоследствии возник и четвертый квартал—*Мегрецоц*—Мегринцев—со своим земляческим храмом: это были переселенцы из Мегри—торгового пункта на ответвлении того же транзитного пути у переправы на р. Аракс к долине ее правого притока—р. Дизак. Они переселились уже после 1822 г.

⁴ См. Описание Карабахской провинции, Тифлис, 1823 г.

⁵ У этой переправы находился до 1603 г. богатый армянский г. Джуга (Джугульфа), который в том году был разрушен Шахом

школы: в последнюю, по ее открытии в 1827 г., было принято до 130 учащихся, почти исключительно детей несостоятельных армянских семейств. В их типографии печатались книги не на древнеармянском литературном языке, а на новом, основанном на живых говорах, поэтому общепонятном: язык этот тогда только что формировался. Так как работа миссионеров не ограничивалась только общепросветительной областью, но и имела в виду насаждение протестантского учения, и то не среди мусульман, евреев и язычников, а в первую очередь—среди армян, то она вызвала враждебное отношение к себе среди армянского духовенства. По настойчивому ходатайству Эчмиадзинского католикоса, поддержанного высшей кавказской властью (стоявшей на той точке зрения, что насаждение христианства на Кавказе, как и обращение из одного христианского вероисповедания в другое должно быть привилегией православного духовенства), кабинет министров запретил базельским миссионерам как преподавательскую деятельность в Закавказье, так и печатание книг (1831 г.)⁸. Миссионеры должны были оставить Шуши⁹, но начатое ими школьное дело дало толчок к основанию здесь правительственного уездного училища, а в 1838 г. Армянской духовной семинарии—первого полного среднеучебного заведения. Семинария была единственным среднеучебным заведением Нагорного Карабаха до 1881 г., когда было открыто реальное училище. Во второй половине XIX в. возникли женские неполные средние школы: одна—ведомства

⁸ См. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, Тифлис, т. VII, с. 308; т. VIII, с. 316.

⁹ Однако их пропаганда не прошла бесследно: в Шуши и Шамахи возникли протестантские общины. В Шуши они жили в своем околотке Лемцидзор (Лемцидара), т. е. «Немецком ущелье» у своего молитвенного дома.

армянского духовенства—в 1864 г., другая—правительственная. Таким образом, Шуши становилась и значительным культурным центром закавказских армян¹⁰.

Вскоре после присоединения Ереванского и Нахичеванского ханств к России по Туркменчайскому договору 1828 г. персидская граница была закрыта для транзитной торговли. Это нанесло огромный удар шушинской торговле, но она сумела быстро оправиться, расширив свою роль посредника между российскими фабриками и местным сельскохозяйственным производством. Это благоприятствовало тому, что Шуши не дошла до того крайнего ограничения торговых оборотов, до которого быстро, в течение одного десятилетия, дошли Ереван и Нахичеван, где путешественники уже к концу 30-х гг. застали пустующими и приходящими в ветхость обширные каравансарай и склады, до русского владычества снабжавшие центральное и восточное Закавказье привозными товарами.

Нефедьев, посетивший по служебным делам в 1837 г. вновь присоединенные области, жалуется, что русские товары очень туго проникают сюда и российская промышленность не заинтересовывается новым рынком¹¹. Совсем иное было в Нагорном Карабахе. Составители «Описания» 1833 г. считают необходимым подчеркнуть, что в Шуши многие из жителей занимаются торговлей: одних только торгующих красным товаром было 94, лекарствами и красками—30. Между тем, как Ереван и Нахичеван превращались все более в большие села, строящие свое благосостояние на са-

¹⁰ Ան, Պատմութիւն Ղարաբաղի հայոց բնակիչի դպրոցի, с. 84—97.

¹¹ Нефедьев Н. Взгляд на армянскую область, СПб., 1839, с. 50 и сл. Лишь с 80-х гг. после повышения пошлин на иностранный хлопок, русская фабрика стала содействовать расширению площади хлопковых посевов на Араратской равнине. К этому же времени на месте возникли коньячные и консервные заводы.

доводстве и виноградарстве, с отмирающим ремесленным производством и незначительными торговыми операциями, в Шуши ремесла и торговля продолжали оставаться единственными источниками дохода; ее жители почти не имели ни садов и виноградников, ни пахотной земли. К 1914 г. население в ней возросло до 25 тысяч с 7 тысяч в 1823 г.¹² На территории Закавказской Армении она была единственным поселением чисто городского типа, оторвавшимся совершенно от сельскохозяйственных занятий.

Сосредоточение в Шуши правительственных учреждений и школ послужило новым стимулом к развитию в ней торговли и промышленности. Шушинские торговцы, пользовавшиеся большим кредитом у фабричных складов в Москве, Баку и в др. местах не без содействия родственных и других связей с банковскими и биржевыми деятелями, развернули в своем городе обширную оптовую и розничную торговлю, связавшись с сетью мелких частноторговых пунктов не только Шушинского и Джеванширского, но и Зангезурского, даже Елизаветпольского уездов. В Шуши же сконцентрировались главные агентства по скупке местного сырья и переправке его на российские заводы и фабрики.

Эта связь со столицей и промышленными центрами поддерживалась еще и специфическими условиями,

¹² По «Описанию Карабахской провинции» Могилевского и Ермолова 2-го—1592 семейства. По «Описанию» 1833 г. было 5079 душ мужского пола, т. е. около 10 тысяч жителей обоего пола (См. т. III, с. 308).

В Ереване до 1886 г. почти совершенно не отмечается рост населения (в 1828 г.—11 430, в 1886 г.—14 420 душ), несмотря на то, что он был превращен в административный центр обширной губернии. Лишь с этого года с развитием вывоза хлопка, коньяка и консервов население начало возрастать и к 1914 г. достигло 29766 душ; то же и в Нахичевани, где в 1828 г. было 5470 чел., а в 1914—10246.

а именно тем, что Шуши, благодаря своему здоровому, горному климату обратилась в излюбленное дачное место для всех карабахцев, обосновавшихся не так давно на постоянное жительство в отдаленных городах и успевших сколотить себе там хоть кое-какое состояние. В этих выселенцах, которых воспоминания детства и еще свежие семейные традиции тесно связывали с родным краем, поддерживался своего рода местный провинциальный патриотизм, который неудержимо влек их в родные нагорья. Редко кто из этих материально себя несколько обеспечивших карабахцев не считал своим долгом возвести в деревне, а чаще всего в Шуши, прочный, уютный, хорошо обставленный особняк, иногда с довольно обширным садом, чтобы или самому с семьей, или, по крайней мере, только семье отправляться летом на дачу. Этот наезд дачников, усилившийся с проведением бакинского участка закавказской железной дороги и с проложением шоссе от ст. Евлах на Шуши, оживлял в летние месяцы Шуши и даже весь Карабах. К этому «слегу» Шуши—Евлахский почтовый перегон усиленно готовился, увеличивая свои перевозочные средства; сюда перекидывались и частные фаэтоны и фургончики из Тартара, Елизаветполя и даже Баку. Жизнь в Шуши получала отпечаток массового веселья, которое широкой волной разливалось по бульвару, общественному саду, на скалах над обрывами в городе и перекидывалось далеко по окрестностям в форме пикников у Пехи—Ахпур (родники с. Каринтак), у источников Ттуджур, хождения на богомолье у Сарибекской святыни и кавалькад к ближайшим селениям. Вся эта масса отдыхающего, гуляющего и веселящегося люда вызывала на месте повышенное потребление продуктов и мануфактуры. Этот летний «слет» карабахцев оставлял в Шуши и ее окрестностях довольно большие денежные

средства, живительно действуя на местную экономику. Ими, между прочим, и поддерживался в эмигрантах некоторый интерес к вопросам местной жизни, который они сохраняли и по отлету назад, на места своей постоянной работы¹³.

Влияние приезжих дачников на культурный облик Нагорного Карабаха в смысле внесения новых бытовых форм было достаточно велико. Конечно, двух, а иногда и трехэтажные городские дома, костюмы дачников, свободные взаимоотношения мужчин и женщин в этой среде, распеваемые ими песни и наигрываемые мотивы, их художественные вкусы, забавы и т. д. не могли не внести переворота во внешнюю обстановку и быт коренных жителей не только «Крепости», но и ближайших окрестных селений и безусловно способствовали исчезновению здесь многих стародавних обычаев и традиционных верований. С другой стороны — большой слет учащейся молодежи, в особенности университетской, освежил местную интеллигенцию притоком новых идей. Дачники в летние месяцы придавали Шуши вид большого города, которого не имели более многолюдные города Южного Закавказья — Ереван и Александрополь.

Село и отхожие промыслы. Впрочем на быт деревни влияла городская жизнь помимо Шуши и других городов, лежащих вне пределов Нагорного Карабаха, в первую очередь Баку и Грозного. Проводни-

¹³ В настоящее время после революции этот наезд дачников сократился до минимальных размеров, потому что с разрушением большей части Шуши там нет уже соответствующих жилищных удобств. Новый административный центр Степанакерт имеет все благоприятные условия для превращения в дачное место и даже в зимний курорт, отличаясь замечательно ровным климатом во все времена года и будучи свободен от тех густых туманов, чадрой которых так часто окутывается Шуши.

ками этого влияния явились крестьяне, уходившие в большие города на заработки. Передвижения их имели иной характер, чем передвижения групп дачников. Там дом, семейный очаг перенесен за пределы Нагорного Карабаха, здесь он еще органически связан с местной хозяйственной и общественной жизнью. Там городские впечатления идут от буржуазной среды, тут они накапливаются от трудящихся слоев городского фабричного населения.

Ряд сложных причин заставлял карабахского крестьянина уходить на более или менее продолжительное время из деревни. Среди этих причин чуть ли не первое место следует отвести малоземелью, при истощении почвы вызывавшему необходимость применения большого капитала в целях увеличения удобрительных и оросительных средств. Эти неблагоприятные условия резче были выражены в южной половине Нагорного Карабаха, где население в редкие годы не бывало вынуждено прибегать к побочному заработку.

Один вид отхожих промыслов, по-видимому, очень древнего происхождения; это отход крестьянской рабочей силы на низменный Карабах и в Муханскую степь на время пахоты полей и особенно, уборки урожая¹⁴. Еще до установления русского владычества большинство земледельческих работ на этих низменностях выполнялось руками нагорных жителей, которым позднее наступление весны в возвышенных районах издавна давало возможность спускаться на низменности до начала полевых работ у себя. Русское владычество, ускорив процесс перехода степного населения от скотоводства к земледелию, способствовало расширению пахотной площади на низменностях и тем самым увеличило спрос на рабочие руки. При таких

¹⁴ Нормы натуральной оплаты за эти работы были твердо установлены обычаем и держались до последнего времени.

условиях уход нагорных карабахцев в степи к сезонным срочным полевым работам стал явлением постоянного характера. Такое положение будет сохраняться тем дольше, чем большая площадь, по мере расширения сети оросительных канав на низменностях будет отводиться под интенсивную культуру. Однако, вследствие еще крайней отсталости хозяйственных и общественных форм жизни тюркского населения, несмотря на быстрый темп общего развития всех сторон его культуры, армянская деревня и в первые годы установления советской власти продолжала получать с низменностей, через возвращающихся с работ крестьян, мало стимулов к изменению своих бытовых особенностей. В этом отношении гораздо более решительная революционизирующая роль принадлежит отходу второго вида—отходу на работы в большие города, приводившего к непосредственному соприкосновению с жизнью городского пролетариата и к более или менее продолжительному пребыванию среди заводских и фабричных рабочих.

Отход в города возобновился только по утверждению советской власти, в особенности же после образования Закавказской Федерации, объединившей край в одну хозяйственную и культурную единицу. Так, к концу лета 1924 г. в Сосе, Чартаре, Нинги и других деревнях имел место усиленный спрос на личные книжки для выезда в Баку и другие города. Ожидалось, что, например, в Нинги, где урожай в тот год был очень плох, все мужское население зимой будет отсутствовать. Отходили не одиночками, а целыми группами, так как обыкновенно деревня поставляла рабочих той же категории¹⁵ и на месте легче было найти работу артелью и жить в общих помещениях.

¹⁵ Гадрут и Тахлар поставляют каменщиков, Норашен—литейщиков, Туми и Мухренес—плотников и т. д.

Пребывание в городах не всегда продолжалось одну зиму, до нового сезона полевых работ. Те, которые устраивались там не на заводах, фабриках или строительных работах, а в учреждениях, конторах, магазинах и в частном услужении и обеспечивали себя хорошим местом, оставались подолгу и, постепенно свыкаясь с условиями новой жизни, нередко стремились совершенно обосноваться там и если возвращались на родину, то только потому, чтобы повидать родных или жениться. Часто женитьба являлась причиной, заставлявшей выделиться из семьи и оставаться в деревне для ведения своего самостоятельного хозяйства. Большая же часть, особенно уходившие в Баку и другие ближайшие города, с весной обычно торопились домой к началу полевых работ; во всяком случае из братьев, ведущих совместное хозяйство, один непременно возвращался. Бывали случаи, когда отходившие считали для себя более выгодным не бросать занятий в городе, а в деревне полевые работы выполнять наемными руками на половинных или иных арендных началах.

К сожалению, не имеется учета, кто, как часто и как долго удалялся в города на отхожие промыслы, где, кто и как устраивался и каковы были размеры заработка. Судя по данным опроса, в общей сложности это пребывание в городе бывало довольно продолжительным и захватывало молодой возраст мужского населения, особенно восприимчивый ко всяким внешним воздействиям.

Отходящие в города крестьяне вносили в карабахскую деревню городские привычки.

Прежде всего перемена сказывалась во внешней бытовой стороне. В тех районах, где особенно распространен был отход, в Дизаке и Варанде, отчасти в нижнем Хачене, деревни уже изменяли свой внешний

облик: в одежде, мебели, домашней утвари замечались русские новшества, в развлечениях ясно выступали городские вкусы. И в этой-то части области ярче наблюдалось разрушение старого миропонимания. Однако, в хозяйственной жизни это влияние почти совершенно не отражалось: ни хлебопашество, ни садоводство, ни скотоводство, ни молочное хозяйство не усваивали новых форм. И это вполне понятно: в городе отходящие устраивались исключительно в торгово-промышленных или чисто городских предприятиях и поэтому вовсе не обогащали своего сельскохозяйственного опыта.

Нарождение новых поселений городского типа. С пожаром Шуши значение местной городской жизни для создания нового быта доведено было до крайних ничтожных пределов. Новый административный центр—Степанакерт (в 1927 г.—около трех тыс. жителей) только что обстраивается и имеет вид довольно большого, опрятного поселка. Но у него пока нет своей экономической базы, хотя бы такой, которая все еще сохраняется за Шуши: эта база может создаваться тогда, когда главная артерия, соединяющая низменности с карабахскими пастбищами, будет перекинута с Шуши на Степанакерт и тяжелый подъем по шоссе вверх на Шуши будет заменен новым, более легким, через Степанакерт.

А пока, при существующих путях сообщения и новых условиях быстрого развития производительных сил низменных равнин, намечается возникновение новых торгово-промышленных центров вместо Шуши, население которой с 27 тыс. (в 1902 г.) пало до 5 тыс. и вызывает тенденцию к дальнейшему сокращению. Они нарождаются на периферии Карабахского нагорья, у выходов речных долин к низменности, некоторые из них лежат в пределах Нагорного Карабаха, другие

же, играющие более значительную роль вне этих пределов, иногда всего в нескольких километрах.

К первым относятся с. Мардакерт в Джрабердском районе, при выходе на Карабахскую низменность р. Овананист (Охан-Ятаги), объединяющей мягкими перевалами бассейны р. Тартар и Хачен, и с. Хонашен¹⁶ в Варанде, при выходе р. Хон на Муханскую степь. Оба эти пункта уже превратились в районные центры.

Ко вторым относятся с. Тартар, на речке того же имени, у ее выхода на степь, далее—Агдам, самый населенный и крупный пункт, находящийся на том месте, где спускаются на низменность р. Гаргар со своими притоками и мелкие речки с Варазбунского угла Варанды, орошая поля и сады густо населенного района, наконец, с. Карягино¹⁷ у конца р. Куры, на самом краю Муханской степи. Агдам перетягивает к себе всю торгово-промышленную жизнь Шуши, а Карягино, давно оттеснившее Джебраил, бывший центр уезда того же имени—всю торгово-промышленную жизнь Дизакского района, где Гадрут уже потерял значение главного рынка.

Из Агдама и Карягина в годы непа вывозилась мануфактура и др. товары в Нагорье—их торговцы господствовали не только на еженедельных ярмарках, устраиваемых в Нагорном Карабахе здесь и там в определенные дни (например, в с. Тох—по пятницам), но и на Шушинском рынке, где главные частные лавки принадлежали тюркскому капиталу, базирующемуся на Агдам. Этот крайне характерный процесс образования городов и поселений городского типа на

¹⁶ Современный райцентр Мартуни (прим. ред.).

¹⁷ Названо в честь героя Кавказской войны русского полковника Павла Михайловича Карягина. Впоследствии переименовано в с. Физули (прим. ред.).

периферии, там, где нагорье соприкасается со степью, естественно объясняется самим направлением гор и речных долин, где реки прорезали естественные пути сообщения. Долины эти облегчают движение снизу вверх и сверху вниз, а разделяющие их горные цепи мешают своими крутыми перевалами поперечному общению, переходу из одной долины непосредственно в другую. Существующие в Нагорном Карабахе удобные колесные пути из Степанакерта в Варанду, Дизак или Джраберд ведут из этого административного центра области сначала вниз, по направлению к Агдаму, а затем по самому краю степей, вдоль подошвы нагорья на юг—к Хонашену или (через Карягино) к Гадруту и Тахлару и на север—к Мардакерт. С экономическим оживлением степей и все большим переходом степного населения к преимущественно оседлой форме хозяйства эти новые торгово-промышленные центры будут оказывать громадное влияние не только на хозяйственную, но и на бытовую жизнь Нагорного Карабаха. Здесь всесторонне будет происходить скрещивание двух культур—армянской и тюркской, нагорной и степной.

ПОСЕЛЕНИЯ И ДОМА

Села. Село—*шен* является преобладающим типом поселения в Нагорном Карабахе¹⁸. Оно обыкновенно жмется к возвышенным склонам долин и ущелий, ближе к отвесным скалам, под самыми вершинами гор, которые когда-то служили естественными укрепленными местами во время опасности. Эти торчащие, обрывистые скалы носят здесь специальное название—

¹⁸ Села Нагорного Карабаха в большинстве случаев имеют два названия—армянское и тюркское. На картах Кавказского Военного штаба предпочтение дано тюркским названиям.

кэрц. Кроме удобств обороны, и другое обстоятельство влекло население селиться под самые скалы—близость родников, пробивающихся здесь из-под камней.

Дома разбросаны неправильными массами, без какой-либо планировки, но с ясными следами старой группировки по родам.

Когда-то каждый ревниво держался своего родового квартала, но разросшийся род не умещался уже в тесных квартальных рамках и члены его подыскивали свободные участки, в большинстве случаев, у окраины села, где селились, не считаясь уже с родственными связями, но все же не слишком отходили от самого поселения. Характерно, что зажиточный крестьянин редко уходил за сельскую черту и там обособлялся на просторе, а предпочитал обстраиваться в своем родовом квартале, расширяя свою домовую площадь и двор за счет соседей, всячески стараясь вынудить их к уступке ему своих участков. Этим облегчалось его непосредственное влияние на родственников, а, с другой стороны, и поддержка последних в его соперничестве с другими зажиточными семьями.

В деревне кривые улицы, поднимаясь вверх, часто превращаются в лестницы, грубо сложенные из едва обтесанных камней. Часто крыша одного дома служит двором и улицей для другого, построенного несколько выше. Весь сор, а часто и навоз прямо выкидывается на улицу, где уединенные уголки служат местом отправления естественных надобностей. Все эти отбросы когда-то уносились лишь ливневыми потоками, после которых воздух освобождался от зловония. Теперь по деревням установлен уже надзор за содержанием улиц и двора в чистоте.

Дома. Старой формой домов повсеместно является глхатун *карадам*, врезающийся задней стеной в землю. Это—каменное здание правильного квадратного

го плана с потолком из толстых дубовых бревен горизонтальной кладки, поддерживаемых четырьмя толстыми вертикальными свободно стоящими столбами на каменных базах. Бревна потолка перекидываются горизонтально в определенном, точно воспроизводимом везде традиционном порядке постепенно суживающимися квадратами¹⁹, доходя до квадратного же оконного отверстия в потолке, служащего одновременно и дымовой трубой. Единственная дверь выходит на крытый балкон, где семья проводит все летние месяцы. И дом, и балкон покрыты общей земляной крышей. Тип таких домов был общераспространенным и повторялся даже в меликских дворцах—*амарат*-ах. Эти помещения, почерневшие от сажи костров, разводимых посреди комнаты, под оконным отверстием потолка, служившем и дымовой трубой, в Хачене, Варанде и Дизаке уже забрасываются, либо же то здесь, то там служат жилищами для бедняков и осиротевших семей. Используют их также в качестве амбара, хлева или для других хозяйственных нужд, но чаще всего они сносятся, чтобы уступить место новым, надземным постройкам, с окнами в боковых стенах и двускатной крышей. *Карадам*-ы сохранились более в северных районах, в особенности в отдаленной Атерской волости; здесь в с. Вагуас все дома—*карадам*-ы, врывшиеся в землю. Новые, часто двухэтажные дома снабжены обширными балконами только с одной стороны. Нижний этаж обычно служит для хозяйственных надобностей, а верхний—для жилья. Впрочем, летом

¹⁹ См. мою статью «К изучению армянских крестьянских жилищ. Карабахский карадам».—Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, т. III, 1925, с. 97—108.

Дом этого типа—один из вариантов армянского народного жилища глхатун, который карабахцы называют также *кырчок* (Կրկոճ) —термином более древним, чем карадам (прим. ред.).

население предпочитает жить в нижнем этаже, где значительно прохладнее. Крыши покрываются листовым железом, окрашенным в любимый здесь красный цвет или плоской черепицей в тех местах, где развито черепичное производство. Саманник, хлев для скота и другие хозяйственные строения возводились несколько в стороне и покрывались соломой или камышом. Дворы оставались маленькими, не огораживались и часто служили для общего пользования соседей. Кое-где, особенно там, где хозяином являлся карабахец, приезжавший домой летом на дачу, при домах были разбиты садики. Однако повсюду чувствовалось стремление выбраться на простор, и некоторые жители строились за пределами деревни, на более обширных участках, окружая дома сравнительно большими садами.

Отселки. В связи с расширением площади посевов за счет лесов и удалением пахотных земель от поселений, появился новый тип поселений. Дело в том, что крестьянам приходилось большую часть рабочей поры проводить вдали от дома, ближе к пашням. Поэтому там устраивался ток—*кал* и возводились временные жилые помещения, которые превращались затем в постоянные, так как далеко было посылать сюда из дому продовольствие и утомительно было гнать скотину в село. Так возникли подле старых деревень Чартар, Сос, Тахавард отселки, многие из которых еще не имеют собственного названия и просто известны под именем *калэр*—тока. Обыкновенно они расположены значительно ниже первоначальных поселений, на более широких местах, часто у тутовых и садовых насаждений. Отселки образовались и в тех укрытых местах, защищенных от ветров, где издавна содержался зимой скот в прочных хлевах—*кюм*-ах. И здесь возникли самостоятельные отселки. Так, от Ва-

гуаса откололся Арутюнакюмэр, от Арчадзора (Давшанлу)—Погосакюмэр, Вырсыкюмэр. Этот процесс выделения из состава старых деревень новых поселков с прирезкой к ним соответствующих площадей из общинной земли особенно рельефно выражен в Оратахской волости, где из с. Кусатат выделились Дамирлу, Оратах и Мардакерт, оттесняющие уже свою «метрополию», или в Каладарасинской волости, где из Бердадзора (Каладараси) выделились Новые Каладараси, Хрхан, Қоразерк, Каначтала и Чобангоне...

Еще во время меликов практиковалось удалять из деревни слишком размножившуюся семью и поселять ее у кюмэр (хлебов). Так, из с. Аветараноц выделились Аламанцкюмэр, Мргаманцкюмэр, Плкананцкюмэр, Асананцкюмэр, из которых некоторые существуют и теперь²⁰. Отселки в большинстве случаев носят либо родовые имена, либо имена глав семейств.

Для выяснения происхождения местной топонимики материалом может служить частое повторение в названиях селений корня *тах*—околоток, квартал, а также—*свод*²¹.

Обстановка дома. Лет сорок тому назад учитель Гадрутского училища И. Давидбеков дал картинное описание внутренней обстановки карадама.

«При входе в карадам прежде всего бросается в глаза очаг, где пылает огонь; вокруг него обыкновенно располагаются на разостланных коврах или паласах, поджавши ноги, все члены семьи. Отец, как старший член семьи и глава дома, занимает почетное место около самого очага. В одном из углов жилища хорошего домовитого хозяина помещаются разной ве-

личины кувшины, с маринованными или посоленными овощами; здесь вы найдете капусту, похи (перекати поле), огурцы, помидоры, перец и проч. В другом углу лежит большое деревянное корыто с печеными круглыми и плоскими хлебами, называемыми по местному *проз*. В третьем стоят мешки, по местному—*чвал*, вытканые из овечьей шерсти, с мукою и другими хлебными зернами. В четвертом углу помещается курятник, над которым лежат земледельческие орудия, остатки шкур и кож убитых или павших от разных болезней домашних животных. Перед одною стеною, вдоль ее, сделана деревянная тахта, с аршин высоты и около 10 аршин длины, куда складывают постель и другие домашние вещи; а под тахтою прячут посуду. Около другой стены стоят карасы с водкою. На стенах развешены сушеные овощи, веревки, маленькие мешки с орехами и др. сушеными фруктами. Освещается жилище одною глиняною лампадою, в которой горит черная нефть; фитиль делается из остатков старых, совершенно изношенных, бумажных материй. Всякого рода горячие кушанья готовятся женщинами на очаге, а хлеб два раза в неделю пекут на тондире»²².

В настоящее время новые привычки и технические удобства совершенно видоизменили эту картину. В *карадам* проникли фарфоровые тарелки и эмалированные кружки, ножи и вилки, побитый венский стул, однако старая обстановка все еще является господствующей. Не то мы видим в новых домах: комнаты отапливаются каминами или железной печкой; во многих селах увидите, если и не всегда железные кровати, то во всяком случае широкие деревянные тахты, табуретки, скамейки и стулья, столы, комоды, шкафы, словом, всякую городскую мебель. На стенах висит целая коллекция фотографий близких и отдаленных родст-

²⁰ Показание К. И. Мелик-Шахназарова (с. Аветараноц).

²¹ Так, например, Тахасэр, Тахут, Тахлар, Чанкатах, Оратах, Гюлатах, Мохратах, Варынкатах и др.

²² Давидбеков И. Село Гадрут..., с. 181.

венников, разбросанных по городам Закавказья и России. Тут же висят портреты писателей и видных деятелей коммунистической партии, а также всевозможные иллюстрированные плакаты или же лубочные картины в загрязненных рамках. В одном из углов поднимается гора тюфяков, одеял, подушек, прикрытых ковром; все еще не легко прививается обычай иметь готовую постель, на ночь каждый раз она заново стелется и притом, охотнее на полу—старая привычка. Одна из стен и все тахты покрываются коврами, большей частью своей домашней работы; по всему заметно, что самую ценную часть обстановки опять составляют ковры и постель.

Посуда. Среди кухонной посуды преобладает толстая медь, конические котлы, глубокие сковородки с длинной ручкой, тяжелые друшлаки местных форм, очень распространенные повсеместно среди армянского населения Закавказья.

Пища. В пище также первое место занимают старые блюда из овощей (*лоби*, горох), полевых и садовых трав, *плов*, яичница, знаменитый *кололак* или *кюфта* из сильно битого мяса, голубцы (*долма*), завернутые в виноградные, бурачные, капустные листья. Капуста давно акклиматизировалась в Нагорном Карабахе. Сравнительно недавно появился картофель и очень поздно—помидоры; их употребление, однако, теперь стало почти повсеместным, в особенности, в южных районах. Истребляется в громадном количестве лук и репа. Баклажана мне не пришлось нигде встретить. Мясо по деревням трудно доставать: его в изобилии когда-то было в дни жертвоприношений (*баранина*). Оно употребляется в пищу в вареном или тушеном виде или в виде шашлыка. Принято его также жарить на масле. Кур множество, гусей и уток нет.

Из мучной пищи—русские пироги отсутствуют. Угощают выпеченной на молоке (со сладкой, мучной же начинкой) *гатой* и тонкими сладкими пышками.

Когда-то преобладала молочная пища, но во время нашего объезда, вследствие сильного сокращения скотоводства, уже повсюду жаловались на недостаток в сыре, масле, *мацуне*; вместо коровы, многие содержали лишь коз.

Хлеб выпекается в Нагорном Карабахе не так, как в безлесных провинциях Армении: тонкие длинные лепешки—*лаваш*, выпекаемые на несколько месяцев, здесь заменены более толстыми, круглыми хлебами—*проз-ами*, запас которых рассчитан на два—три дня, обилие дров позволяет пока это. Лаваш выпекаются обыкновенно при жертвоприношениях: в них легче заворачивать вареное мясо для рассылки бедным семействам и соседям.

ВНЕШНОСТЬ. ОДЕЖДА

Внешность. Говоря о внешности карабахского армянина, приходится опираться не на точные антропометрические данные, а на субъективные впечатления, проверенные наблюдениями и других лиц. Тип карабахских армян значительно отличается от типа армян внутренних сухих провинций, особенно приаракского, буланыхского или мушского районов.

Преобладает высокий рост, сравнительно более белый цвет кожи²³ и светлый оттенок волос, переходящий от темно-черного к шатену, довольно часто встречаются светлые глаза. Русые волосы и голубые глаза особенно часто встречаются в таком изолированном углу, как с. Нинги у истоков р. Хонашен, под склонами

²³ В тех деревнях, откуда мужчины спускаются на отхожие полевые работы на низменности, нередки желтые малярийные лица.

Богурханского массива, где могли также сохраниться физические особенности этнической волны, поднявшей-ся вверх с прикаспийских степей.

Карабахец, как мужчина, так и женщина, держится прямо, при вертикально вытянутой спине: сутуловатость, выпячивание вперед живота крайне редкие явления. Даже старики и старухи ходят прямо, а не сгорбившись. Девушка, под тяжестью наполненного водой большого кувшина, все же стройно подымается по горной тропе, вытянувшись в струнку. Эта привычка усвоена при необходимых восхождениях по склонам гор, перескакиванием с камня на камень и верховой езде: в Нагорном Карабахе до последнего времени приходится передвигаться чаще всего на лошади или муле.

Движения карабахца быстры и решительны, походка легкая и скорая, темп речи в сравнении с темпом речи высокоравнинных армян (приаракской, эрзерумской, алашкертской и др. равнин) ускоренный.

Прическа. В старину у мужчин было принято брить или стричь волосы на голове, только на макушке оставался чуб—*какюл*, детям же стригли волосы, оставляя впереди посередине над лбом пучок волос, который назывался *тэл*—ниткой. Обычай этот давно изжит. Женская прическа более консервативна. Девушки и до сих пор плетут волосы в четыре косы, из которых две перекидываются назад за спину, а две вперед, на грудь. Так поступают и замужние, меняя лишь головной платок на очень сложный убор, из-под которого видны лишь края передних кос.

Одежда. Нагорный Карабах следует отнести к той текстильной области, которую следует назвать *шерсгяной* в отличие от *льняной*, где с ранних веков человеческой культуры ткани выделялись из льняных волокон. В древности Карабах выделял свои ткани из

шерсти как для мужских, так и для женских костюмов: лен до сих пор культивируется для получения масла, а не ради волокна. До сих пор веревки—*чван* вяжутся из шерсти; из этого же материала изготавливают мешки для зерна—*чвал* и *харар*, *карпэт*-ы, ковры, *маф-раш*-и (дорожные мешки), *хурджин*-ы, носки, шали на одеяла, одежду и скатерти²⁴. Бумажные ткани появились поздно, а еще позже—шелк. Хлопок постепенно вытесняет шерсть, что же касается шелка, то несмотря на то, что на месте шелководства имеет промышленное значение, само крестьянство не очень-то охотно потребляет этот материал на ткани: ткацкая техника не дает тонких шелковых тканей. Из шелковых тканей ткнут по преимуществу *джеджим* для лицевой стороны одеял и тюфяков, *чепрак*и или *ал-адлс* (красную материю) на нижние рубашки, чаще же всего шелковые нитки оставляются для разного рода домашнего шитья.

Хлопок приобретает у жителей низменных равнин, а шерсть у скотоводов, поднимающихся на зйлаги. С падением собственного скотоводства карабахский армянин все острее чувствует недостаток шерсти. Особенно тяжело было его положение во время армяно-тюркской распри, вызвавшей изоляцию от фабричных центров, когда ни шелк, ни водка не находили сбыта—трудно было получить хлопок с низменностей и шерсть с зйлагов. Несмотря на все старания женского населения восстановить сократившееся ткацкое производство, в некоторых местностях и совсем было прекратившееся вследствие завоза фабричных изделий, оказалось невозможным покрыть своим производством всю местную потребность, главным образом, из-за недостатка сырого материала—хлопка и шерсти. При таких обстоятельствах обносившееся население оставалось

²⁴ О ткацком деле в с. Куспат и Гадрут см. СМОМПК, 1891, вып. II.

большей частью лишенным возможности обновить свою традиционную одежду и прежде всего стали быстро исчезать все менее необходимые и громоздкие принадлежности местной одежды.

Под медленным влиянием городской культуры население стало отрешаться от старых форм одежды, сковывавшей их так же, как консервативная неподвижность сковывала и народную архитектуру, замкнувшуюся в определенный план карадама. Прежде всего стал поддаваться мужской, а позже и женский костюм.

Мужчины в старину носили *архалух* и поверх *чоху*, шаровары, подвязываемые шнуром—*хонджан*, что давало возможность носить их и задом наперед. На ноги одевались короткие носки—*кюлба* со шнуром для подвязывания, и лапти—*трех* из сырой кожи, на голову—широкая конусообразная папаха из овечьей шкуры; зимой длинная овечья шуба—*кюлк*. Бурка—*япнджи* (*айценакач*) проникла не так давно, из Дагестана²⁵. Вместо лаптей старики предпочитали ходить в полутуфлях на каблуках—*кош*-ах с закрытым и загнутым вверх передком и открытым задком. Прежде всего уступили новому времени головной убор и обувь: папаху заменила низкая круглая шапка с маленьким козырьком, а *коши*—закрытые сапоги, иногда с очень высокими голенищами. *Трэхи* и до сих пор держатся, но и теперь как мужчины, так и женщины в деревнях предпочитают ходить босиком. Местная *чоха* сначала сменилась горско-грузинской *чухой*, а затем городским пиджаком, надеваемым прямо на *архалух*, при узких, застегивающихся на пуговицы брюках; наконец, там и сям вместо *архалуха* появился жилет. Эта трансформация шла быстрее у тех, кто служил в большом городе прислугой, дворником, сторожем в конторе или

приказчиком в магазине или на заводах, и значительно медленнее у лиц, занятых на стройках. Как явление самых последних лет нужно отметить, что молодые люди, особенно желающие щегольнуть своей молодцеватостью, стали носить низенькие, в 10—12 см прямые папахи из рыжеватой овечьей шкуры с плоским, более темного цвета верхом.

Эволюция женской одежды шла несколько другим путем. Старый костюм состоит из длинной нижней рубашки—*шапик*, доходящей почти до пяток, с длинными рукавами; она шьется из темно-красной шелковой или бумажной материи и надевается на голое тело, поверх красного же цвета кальсон—*похан*, на *хонджан*-е—шнуре (эти кальсоны можно было надевать также задом наперед). Поверх рубашки надевается *архалух* с открытой грудью из шелка или бумажного бархата, с длинными прорезями по бокам, от чего полы, доходящие значительно ниже колен, свешиваются тремя частями. *Архалух* опоясывается длинным (2,5—4 м) широким шелковым кушаком. В праздничные дни еще надевается шуба (*кюлк*) яркого (красного) цвета, обычно, бархатная. Она окаймлена узкой полоской меха (куницы, дикого кота) на воротнике (широко открывающимся на груди), на прорези донизу и по краям подола. Грудь и рукава украшаются шарообразными пуговками и висячими шариками. Головной убор давит своей тяжестью и сложностью. Он представляет собою низенький стоячий ободок, укрепленный на голове при помощи многочисленных платков, один из которых закрывает нижнюю часть лица почти до носа и дополняет четырехугольную рамку, из которой виднеются с боков части передних локонов, половина лба с глазами, нос и щеки. На лбу к ободку подвешены золотые или позолоченные монеты. Этот головной убор трудно возобновлять ежедневно, а по-

²⁵ Показания стариков в с. Дзамдзор.

тому он оставляется на голове и на ночь несколько дней подряд. При выходе из дому набрасывается на голову черная шаль. На ногах—узорчатые чулки и обувь—*чмошки*, или *коши* (женщины лаптей не носили).

Новая жизнь приучила женщин надевать под цветную рубашку белую нижнюю рубашку, а цветные кальсоны заменить белыми. Затем чмошки были заменены европейскими сапожками на каблуках, но головной убор и с ним весь костюм упорно держался, меняя только материал и цвет тканей, однако все же предпочтение давалось красному цвету. Все части женского костюма по стилю тесно связаны друг с другом, и прежде всего с головным убором, снять же повязки, освободить подбородок, показаться людям во всей красоте лица было трудно, так как это не соответствовало понятиям о скромности и стыдливости. Первым и самым смелым шагом в городах была замена и то прежде всего вне Нагорного Карабаха—местного головного убора убором тифлисских армян—*врацнак*²⁶ и затем уже переход к европейской шляпе. В деревнях же женщины и после замужества продолжали носить, как и в девицах, свободное платье, обтянутое слетка в талии узким кожаным поясом, а голову покрывать цветным платком, с той лишь разницей, что концы этого платка соединяются под подбородком так, что прикрывают нижнюю часть лица—рот и верхнюю губу; косы свободно падают на грудь и спину. Уже редко кто носит в деревнях старый костюм, только старухи и женщины старше 50 лет, все более же молодые уже эмансипировались от него.

²⁶ Фактически, так называемый грузинский головной убор и весь тифлисский женский комплекс был перенесен армянскими женщинами из Ирана (Персии) после переселения на Кавказ в 1828 г. (прим. ред.).

ГЛАВА III

СЕМЬЯ

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Разделы. Пережитки родового быта в Нагорном Карабахе сохранились до последнего времени во многих обычаях, не имеющих, впрочем, большого реального значения.

Уже задолго до конца XIX в. редко можно было встретить многолюдную семью, состоящую из трех взрослых поколений. Столетние старики утверждают, что не помнят таких больших семейств—в их молодые годы семейные разделы происходили очень рано. В с. Тахлар указывали, как на исключение, на одну семью, где с отцом продолжали жить восемь взрослых и женатых сыновей.

После смерти отца взрослые братья обычно отделяются и устрояются своим хозяйством. Но случаи раздела бывают и при живом отце. Иногда даже единственный сын, не поладив с отцом, в особенности, если последний ввел в дом мачеху, бросает его.

При дележе сначала выделяется часть движимого имущества неженатым братьям и незамужним сестрам: сестры получают все, что им полагается в приданое—белье, одежду, постель—*хардж*; неженатые братья—по преимуществу постельное белье—*азапахк*—и то, что должно быть затрачено на их свадьбу, приблизительно столько, сколько было затрачено на свадьбу

других братьев. Определенная доля предназначается и матери—вдове, которая чаще всего остается жить со старшим из сыновей, с женой которого она более сжилась и к детям которого, как первенцам, она больше привязалась; но иногда она переходит и к младшему, чтобы помогать его малоопытной жене в хозяйстве. Все остальное имущество делится поровну между братьями, причем, если отец жив, и его доля приравнивается к тем долям, которые получили сыновья. Дом распределяется или по жребью, причем жребий тянет какой-нибудь мальчик или совершенно постороннее взрослое лицо, или, что бывает чаще, по любовному соглашению. В дележе принимают активное участие родственники и друзья—соседи, и в случае разногласия—сельский старшина—*кохва*, который рассматривается как близкий к семье человек: воспоминание о тех отдаленных временах, когда вся деревня представляла родовую общину и родоначальник являлся старейшиной.

Дроблению разросшихся семейных групп способствовали новые хозяйственные отношения, связанные с переходом от натурального хозяйства к товарному. Усиленное развитие отхожих промыслов резко выделяет долю участия отдельных членов в общих доходах семьи. Чаще всего причиной неудовольствия являются счета по лично привнесенной в общее имущество доле, обусловленной сторонним заработком. Даже женщины считают не только принесенное ими приданое, но и личный свой доход, например, от коврового производства.

Все зависимости от разбивки на мелкие, индивидуальные семейства, целый ряд обычаев поддерживал и пока продолжает еще поддерживать родственную связь между отдельными семействами. Продолжение этой связи символически подчеркивается тем, что в

очаге вновь отделившейся семьи огонь зажигается от нем отцовского очага, принесенным или отцом, или кем-либо из старших членов семьи. Правда, в хозяйственной деятельности во время полевых и иных работ не обязательна взаимная помощь родственников, однако еще повсеместно при выдаче девушки замуж или выборе невесты для юноши на семейный совет созываются родственники; они участвуют и в свадебных расходах, и в принесении подарков вступающим в брак. В случае смерти кого-либо из родственников они обязаны соблюдать, до предания его земле, воздержание от всякой работы в поле, в саду или на гумне и присутствовать на похоронах, а затем на всех поминках в течение года.

Бред умирающего объясняется вступлением в беседу с душами отошедших его родственников, которые ожидают его на том свете и которые воздадут ему почесть в соответствии с тем уважением, какое умирающий оказывал к их памяти на земле. Все это пережитки былых родовых порядков и идеологии.

В обособившейся индивидуальной семье внутренние взаимоотношения определялись до революции началом полного подавления личности младших членов авторитетом отца и матери и подчиненного положения женщины. Во главе семейно-хозяйственной группы стоял отец: он распределял по своему усмотрению все работы внутри группы, распоряжался всем ее достоянием (обменом, продажей, передачей во временное пользование), являлся вне ее полномочным представителем на сходах и собраниях, на свадьбах, похоронах и т. п. В присутствии отца никто из сыновей, а тем более женщин, не смел садиться без его разрешения, хотя бы этому члену семьи далеко за 50 лет. Молодые люди обязаны вставать при приближении его на улице. Правда, в стенах дома власть главы семьи стушевыва-

лась перед властью жены-хозяйки, тут он не давал распоряжений по домашнему хозяйству—было даже унижительным вмешиваться в женские дела,—но со вступлением его в дом прекращались все громкие разговоры и смех, все ходило бесшумно, воцарялась всеобщая тишина. Лишь полная дряхлость и неспособность заведывать хозяйством лишали отца власти, тогда его замещал старший сын.

Внутри дома полнота власти принадлежала матери—хозяйке, которая бесконтрольно ведала всеми припасами, распределяла между женщинами многочисленные домашние работы и следила за нравственностью всех.

Под двойственным управлением отца и матери семья до революции составляла замкнутую хозяйственно-цельную единицу, которая ревниво оберегала свою самостоятельность и независимость, не допуская никакого вмешательства ни со стороны соседей, ни со стороны всей общины. Солидарность возлагала на всех членов семьи обязанность кровной мести за брата, за отца, хотя уже эта обязанность не распространялась на других родственников, не входивших в состав данной семьи. Накануне революции то в одной, то в другой деревне разыгрывались кровавые драки на этой почве, но их с каждым десятилетием становилось уже все меньше и меньше. Сила семейной спайки сказывалась, между прочим, в той поддержке, которую оказывали друг другу члены семьи в случае, если кому-либо из них удавалось как-нибудь хорошо устроиться на чужбине. Он не только оказывал дому материальную поддержку, но и тянул за собой младших членов. Стоило одному получить высшее образование и заручиться каким-либо местом, он уже вытягивал из деревни всех братьев и сестер, открывая им доступ в

средние и высшие учебные заведения. Этому и следует приписать быстрый рост интеллигентных сил края.

То же явление замечалось и среди лиц, посвятивших себя торговой и промышленной деятельности. Как только кто из них достаточно расширял свои операции, будь то в своей деревне и городе или на чужбине, и начинал нуждаться в посторонней помощи, он в первую очередь привлекал братьев, племянников, зятей.

При образовании партии в борьбе за влияние на общественные дела, на выборах, при распределении налогов и в других случаях долго еще появлялась взаимная поддержка не только близких, но и отдаленных родственников. Эти *тайф*-а даже носили часто название по родовому имени.

Эта семейная сплоченность естественно сопровождалась сковыванием свободы и инициативы молодежи. Однако уже с восьмидесятых годов все более учащались в общественной жизни случаи выступления молодого поколения против авторитета старших.

Женщина в семье. Кроме всепоглощающей власти отца и матери, в дореволюционной семье Нагорного Карабаха резко подчеркивалось преобладание мужской половины. Рождение мальчика встречалось всеобщими поздравлениями, рождение девочки являлось чуть ли не несчастьем. Женщина, рожавшая одних девочек или преимущественно девочек, не пользовалась почетом в семье. И это не только потому, что при выдаче замуж дочерей семья несла непосильные расходы, а скорее потому, что на каждое прибавление в семье смотрели с точки зрения увеличения или уменьшения собственной постоянной рабочей силы, а девочка являлась такой рабочей силой, которую в будущем должна была использовать не родня, а чужая семья: все затраты на подготовку этой силы считались потерянными.

Семья была крайне озабочена обеспечением своего хозяйства на будущее время рабочими руками, а потому, если женщина оказывалась бездетной, общество не осуждало мужа, приведшего в дом другую женщину, чтобы от нее иметь потомство; сама первая жена считала это его естественным правом. Даже священники позволяли себе так поступать. Женщина рассматривалась прежде всего как производительница новой рабочей силы.

А между тем вся тяжесть домашних работ лежит на женщине. Она доставляет воду, готовит пищу, содержит дом в чистоте, доит коров и коз. Она чистит зерно, сушит фрукты, ткёт шерстяные ткани—шал, бязь, ковры, вяжет чулки, обмывает домашних. Она же помогает мужчинам во всех полевых работах, кроме пахоты, особенно на току, часто сама же отвозит на осле зерно на мельницу. Целый день посвящен труду, не только летом, но и зимой, когда мужчина отдыхает. Народная пословица говорит: «Женщина—это конь, вложив в рот ей узду, заодно надо накинуть ей на спину седло».

Несмотря на такую активную роль женщины в ведении хозяйства, обычай до революции сковывал ее личность. Кроме женщины-хозяйки, которая садится за общий стол вместе с мужчинами, все остальные женщины обедали отдельно и после них. Существовавшее понятие о женской стыдливости и чести (обозначаемом словом *намус*), не позволяло замужней женщине ходить при мужчинах, особенно при свекре, с открытым подбородком. При встрече с мужчиной на улице или в поле женщина отходила в сторону, отворачивалась и еще выше поднимала на лицо концы головного платка. Она не говорила с посаженным отцом и со свекром до самой смерти, а со свекровью—до рождения первого ребенка, с деверем—десять лет.

Целый ряд запретов обрекал ее на молчание. Если ей нужно было кому-либо из этих домашних что-то сказать, она передавала через детей или незамужнюю дочь, а если их не было в комнате, то она, глядя в сторону и обращаясь как бы к постороннему лицу, вполголоса говорила: «Скажи, такой-то тебя зовет», или: «Такой-то сказал: приходи к нам сегодня», или же, обратив на себя внимание глухим восклицанием: «ы, ы!» передавала свою мысль жестами. Язык жестов здесь вырабатывался веками.

Насколько крепки были еще предрассудки в отношении женщины, видно хотя бы из следующих фактов. Девушка, учившаяся в Бакинской гимназии до 4-го класса, попала во время бакинских межнациональных столкновений в деревню отца, в с. Чартар и вышла здесь за человека, который не раз живал по долгу в городе. Качая ребенка в колыбели, она свободно разговаривала со мною до прихода старшего деверя, но как только слышались его шаги, она поторопилась выше подвязать себе подбородок концами головного платка и знаками дала мне понять, что говорить ей запрещается. В другом селении—в Аци, жена армянина, полька по происхождению с законченным средним образованием, обедала отдельно от мужчин с женщинами и подчинялась обычаю избегания, в особенности, отправляясь к роднику за водой. В такой обстановке, естественно, нельзя было развиваться женской песне. Даже с мужем жена при людях не смела свободно говорить и обращаться к нему по имени. Идя по улице или из одной деревни в другую с мужем, она шла несколько позади. В церковь молодые невестки, как и девушки, ходили лишь два раза в год—в Вербное воскресенье и в Страстную пятницу. Во время похорон женщинам не разрешалось присутствовать на кладбище. По деревням Нагорного Кара-

баха и теперь не услышите той переключки женщин из одного околотка в другой, которая так характерна, например, для грузинской деревни.

В семье жизнь женщины протекала не всегда мирно: свекровь не только бранилась, но и пускала в ход кулаки, если невестка или дочь не точно выполняли ее распоряжения, или осмелились вступить с ней в пререкания. Семейные трения становятся теперь все чаще и чаще, в особенности после запрещения ранних браков. До революции девушка обыкновенно выходила замуж в возрасте 12—14 лет и, вступая в новую семью совершенно еще не сложившимся и не развившимся существом, легко привыкала к новой обстановке и к новым людям. С тех же пор, как закон установил минимальный возраст вступления в брак для женщины в 16 лет, в них, благодаря относительно большей свободе девушек в родительском доме, уже до выхода замуж развивается некоторая самостоятельность характера и привязанностей и все труднее становится для них выносить деспотизм свекрови или жен девчужей. Вообще, как и в других местах Армении, и в Нагорном Карабахе свекровь и невестка—два противоположных лагеря, как в русской семье—теща и зять.

В былые времена невестка очень редко решалась бросать дом мужа, где ей жилось тяжело, и уходить к родителям. Это считалось большим позором. Теперь общество относится к этому довольно терпимо и производит давление на семью, откуда невестка ушла. Такие случаи обычно кончаются тем, что за женой и муж уходит из дома отца и требует своего отделения.

Побой в семье бывали нередки: сыновьям и мальчикам доставалось от отца, а дочерям и вообще женщинам—от матери. Редко мужчина поднимал руку на женщину, разве только отец на дочь или брат на сестру, или (крайне редко) муж на жену. Вмешатель-

ство соседей во внутреннюю жизнь семьи считалось недопустимым. Но и тут в последнее время происходят симптоматичные перемены. В с. Сос до революции соседи, возмущенные грубым обращением одного односельчанина с женой и постоянными криками в их доме, привлекли мужа к ответственности, и сельский суд взял его на несколько дней под арест. Жена горячо протестовала против этого, мотивируя тем, что никто не имеет право вмешиваться в ее семейные дела.

До революции, когда девушка выходила замуж в 12—14 лет¹, она редко выступала против воли родителей, но иногда, при несогласии последних, дело кончалось ее похищением, которое оформлялось церковным венчанием, если девушка изъявляла свое согласие. Характерно проявляла свой протест против существующих порядков одна девушка в Вагусе в 1918 г. Она бежала из дому с любимым человеком, затем ни за что не хотела венчаться в церкви и крестить своего ребенка, не желая видеть священника, который стоял на стороне ее родителей, бывших против ее брака. Революция принесла девушке возможность свободно выбирать себе спутника жизни. К 16-ти годам уже достаточно определяются ее привязанности, и родителям приходится с ними считаться.

Нравы. Случаи нарушения супружеской верности и вообще любовные связи на стороне, очень редкие при старых условиях быта, стали все учащаться в карабахской деревне по мере изменения хозяйственного строя. Основными причинами являлись (и являются) продолжительное отсутствие мужей вследствие отхода на промыслы, вдовство, создающее необеспеченное по-

¹ Этот обычай и теперь местами еще держится, и родители отдают девушку в новую семью до наступления определенного законом возраста, регистрируют же этот брак в ЗАГС-е уже после наступления 16 лет.

ложение, а до установления советской власти—раннее, часто насильственное замужество, продолжительная военная служба мужа. Случаи эти при своем обнаружении строго карались общественным мнением. В тех районах, откуда мужское население уходит на заработки в города, тайные любовные связи становились все более частыми явлениями. Мужчины, привыкшие в городе к половой распущенности, немало способствовали этому. С другой стороны, именно в этих районах и сосредоточены по преимуществу шелкомотальные и шелкопрядильные заводы, в которых совместно работают мужчины и женщины. Любовные связи не носили, однако, характера проституции: это была привязанность женщины к определенному мужчине. Вообще ни в какой другой области обследование не встречается с такими затруднениями, как в области половой морали: тут более всего рискуешь прийти к чисто субъективным выводам. Но знаменательно: везде на вопрос, как отразились на женской морали новые порядки, и старики, и молодые отвечали: «Что? кто неволит теперь жить с нелюбимым человеком? Разводиться легко и можно открыто перейти к тому, кого любишь».

Старшие и младшие. Новые порядки изменили не только положение женщины в доме отца и мужа, но и взаимоотношения старших и младших. Хотя и теперь, когда младший вмешивается в разговор старших, отец или старший брат его останавливает: «Что ты из себя представляешь? Слушай!». Однако молодежь все смелее высказывается и активнее вмешивается в разрешение семейных и других вопросов, в особенности в тех районах Нагорного Карабаха, где широко развернули свою работу партийные ячейки и комсомол. В 1924 г. комсомольское движение уже сильно развернулось в близких к Степанакерту де-

ревнях и в густо населенном углу—Сос-Чартар-Гиши. При обследовании здесь, как и по линии Шош-Аветараноц-Тахлар-Тох, комсомольцы оказывали мне живейшее содействие и, входя в их дома, приходилось убеждаться, что там с ними очень считаются. Этот повысившийся в обществе удельный вес молодежи отразился в ускорении начавшегося еще до революции внутри семейных рамок процесса разрушения веками установившихся традиций. С одной стороны, раннее выделение из состава семьи молодых пар в самостоятельные хозяйственные единицы, и с другой, увеличивающаяся с каждым годом вера молодых людей в свои силы придают не только семье, но и всей деревне, а с ней и стране новый характер и насыщают атмосферу поисками новых форм жизни.

Гостеприимство. Принять в дом чужестранца, оказать ему почет—*патив тал*, накормить его и его лошадь—все эти и другие проявления гостеприимства, свойственные определенной стадии общественного развития, которые при старых замкнутых формах хозяйства Нагорного Карабаха были священным обычаем, должны были видоизмениться с наступлением новых производственных отношений. В Нагорном Карабахе все еще любят повторять: «Гость от бога». До сих пор известные семейства из отдаленных и близких селений продолжают поддерживать друг с другом ближайшие связи и остаются верными узам взаимного гостеприимства, имеющим в некоторых случаях давность из нескольких поколений. Однако, такие постоянные связи среди молодых семейств устанавливаются очень туго, хотя состояние дорог, условия передвижения, отсутствие по деревням гостиниц и постоянных дворов еще не устранили окончательно необходимости искать при переездах приюта у частных лиц и про-

силь у них содействия для пропитания себе и своей лошади или для отыскания проводника.

Если вы едете по служебным делам, предсельсовета сам отводит в известном порядке помещение в доме, где вы можете остановиться, но если вы и как частное лицо постучитесь в дверь крестьянина с просьбой впустить вас—отказа не встретите; обычай полевает принять гостя и оказать ему всяческое внимание. Но не везде хозяин проявляет уже бывшее радушие, вы чувствуете, что он тяготеет вами, что ему хотелось бы вас должным образом принять, да расстроенное хозяйство мешает. В старину не стыдно было, в случае прибытия гостя, обратиться к соседу за хлебом, сыром, маслом, яйцами или ячменем, если дома чего не хватало. Теперь этой возможности нет: за все надо платить или брать в долг. Если гость сам пойдет покупать себе продукты по деревне и принесет их домой—это глубоко оскорбит хозяина, как оскорбит и то, если вы ему предложите за приют деньги. Он соглашается теперь брать деньги только за ячмень, если он его купил для вашей лошади на стороне. Подарки же он охотно принимает. Поэтому человеку, не желающему одолжаться, приходится брать с собой в дорогу запас сахара, чая, конфет, мыла, головных платков, маленьких скатертей и т. д., чтобы отблагодарить ими за гостеприимство.

СОСЕДИ

Взаимопомощь. Входя в состав деревенской общины, семья выработала определенные нормы отношений к соседям и вообще с односельчанами, вытекающие не столько из родственных связей, сколько из чисто хозяйственных предпосылок. Создалась своя добрососедская этика, которая обязывает взаимно не

вмешиваться во внутренние дела и оказывать друг другу всякие услуги. Одолжаются не только домашней посудой и припасами, но и инструментами, сельскохозяйственными орудиями и рабочим скотом, стараясь придерживаться равенства услуг. Некоторые суеверия несколько ограничивают этот обмен. Так, после заката солнца не одалживают весов, сита, соли и также огня; по понедельникам отказываются вообще что-нибудь одалживать во избежание «зла», «несчастья», «убытка» и если одалживают, то сосед должен взамен принести из дому что-нибудь и временно, хотя бы только до следующего дня, оставить. Не дают огня из-под молока, иначе молоко свернется; чтобы предупредить это, на крышку котла с молоком кладут зеленый лист. Вообще с неохотой дают друг другу молоко: как бы корова от этого не заболела или же не перестала доиться, а если и дают, то предварительно кладут в него уголек.

Считается недозволенным подглядывать, что делается у соседа и давать кому-либо сведения о нем, о числе его скота, полученного урожая хлеба и плодов, вообще об имеющемся у него добре, хотя и великопечно знают все это. Женская половина любит посплетничать, но доброе соседство требует защищать честь соседей. Ряд обычаев имеет в виду создать мирное сожительство не только между ближайшими соседями, что особенно вызывается крайней скученностью домов и чуть ли не общностью дворов, но и вообще между односельчанами. С наступлением Великого поста принимались меры к тому, чтобы помирить посорившихся односельчан. Принесший жертвоприношение—*матах* обязан был послать мясо от жертвенного животного и своему врагу, и тот не мог не принять его; этим прекращалась всякая неприязнь и вос-

становилась прежняя дружба. Вообще в старину не позволяли, чтобы вражда продолжалась более года.

В 1924 г. по всем деревням началось усиленное землеустройство. Разверстка земли между отдельными хозяйствами производилась выборными от села комитетами, которые собирали необходимые сведения как прямо от самих хозяев, так и через соседей, заинтересованных, конечно, в равномерном распределении земельного фонда. Крайнее малоземелье вызывало еще в большей мере то естественное возбуждение, которое вызывалось этим переделом. Вместе с тем, приходилось при посредстве тех же соседей добывать данные для определения размеров единого сельскохозяйственного налога. При таких условиях во многих местностях (например, в с. Тахавард) уже чувствовалось установление между соседями явно враждебных отношений, особенно же озлобление более состоятельных слоев.

Однако, несмотря на некоторое обострение добрососедских отношений за последнее время, никогда не выступала так остро, как после революции, необходимость в более тесном сплочении живых производительных сил деревни. Количество рабочего скота, ограниченное уже в период до 1917 г., еще более сократилось, и потому в еще большей мере крестьяне-единоличники, редко имея более одной пары быков или буйволов, вынуждены были объединяться для пахоты. Впредь до выработки жизнью новых кооперативных форм они все чаще прибегают к унаследованным веками формам, среди которых—*хракаш*—занимает первенствующее место.

Хракаш—это объединение живого (волов) и мертвого (плуг) инвентаря и рабочих рук в сельхозработах; при этом весь счет переводится на единицу по волам. Работник принимается за одного вола, плуг—

за двух (в деревнях, где уже много усовершенствованных плугов—за одного). В некоторых случаях это объединение ограничивается одной запашкой, после чего весь участок, обработанный общими силами—*хыркышвы цил*, делится между участниками, согласно счету по волам при помощи *кандир*—веревки². А затем уже каждый из них сам засевает и убирает свое поле. При другом расчете *хракаш*-а счет по волам переводится на счет по дням. Поле каждого участника вспахивается отдельно по счету следуемых ему дней. Если он не использовал следуемых ему по счету дней, оставшееся время он может уступить другому путем продажи; если же пахота потребовала больше времени, за остальное рабочее время он уплачивает деньгами всему объединению или покупает у кого-либо из участников излишек его «дней». Но бывают объединения более длительные, при которых каждый приносит семена для посева согласно числу своих волов. Вспаханное общее поле засевается и убирается общими силами. Так же производится и молотбы; затем весь урожай распределяется согласно счету по волам.

Другая форма взаимопомощи носит скорее характер не кооперации, а простой услуги и называется *миджи*. Принята мирская помощь личным трудом и инструментами (орудиями) в полевых, садовых или домашних работах. Она практикуется среди соседей, родственников и даже всех членов общины. Обычно кто-либо ходит по соседям, друзьям и родственникам с сообщением, что тогда-то у того-то там-то—*миджи*. Всякий свободный мужчина (или женщина) считает своей обязанностью отозваться на этот зов. Но иногда

² Кандир не во всех районах имеет одну и ту же длину. Так, в Чартаре он равен 5, а по соседству—6, 8 и даже 10 *гуладж*-ам. Гуладж равняется расстоянию между концами средних пальцев при раскрытых и вытянутых руках или человеческого росту (около 2,5 аршин).

приглашается вся деревня. Гзир—сельский рассыльный и глашатай,—выкрикивает по деревне: «Завтра у такого-то сад и поле миджи. Кто его любит, пусть идет на помощь.—*«ḡrny ṭy ṣṛḥz ḏšrṣn ṣwqr ḡmṣ šrwṣ ḏṣṣṣ ṣ: Ḥmṣ ṭḷ ḡrṣmṣ ṣ. Ṣoṗ ṣḷṣ ṣmṣṣ ṣḡṣ»*: Иногда об этом сообщается по деревне от соседей к соседям. Желаящие собираются с косами, серпами, пожнинами, корзинами и т. д. и с шутками и остроумиями дружно принимаются за работу. Приглашающий обязан за день (миджи никогда не продолжается больше одного дня) накормить их три раза и обильно угостить водкой и вином; обычно при этом закалывается баран.

Сход освобождал их от всяких налогов. Каждый выделял им что-либо от сбора плодов и винограда. После уборки урожая оставшиеся на полях колосья принадлежали беднякам—«*фойг р'и шир'и*»: С тока отпущается им зерно (если они о том просят). При каждой выпечке хлеба посылаются бедным соседям их доля. Обыкновенно вдовы и бедные женщины всячески стараются помогать в хозяйстве зажиточным соседям и за это получают вознаграждение продуктами или одеждой; вознаграждение деньгами в заранее установленном размере не существовало. Оно стало входить лишь после основания шелкомотальных и шелкопрядильных заводов.

СВАДЪБА

До последнего времени при заключении браков родители очень мало считались с чувствами своих детей, в особенности дочерей, которых выдавали замуж в раннем возрасте (часто до 12—13 лет; девушка 15 лет уже попадала в разряд «старых дев»). Тогда

о серьезных привязанностях едва ли могла быть речь. Впрочем, и сыновья в очень редких случаях осмеливались возражать против выбора родителей, хотя вступали в брак в более зрелом возрасте, от 18—25 лет. Древний обычай—намечать невесту еще с колыбели—уже прекратился в конце прошлого века, а теперь он совершенно исчез. Обручение происходило в присутствии мужчин—родственников обоих семейств с участием священника, причем жених сам надевал кольцо на палец невесты, в его же отсутствии—мать невесты накидывала шаль на голову дочери и надевала обручальное кольцо. Если юноши не было в деревне, его представляла его *папах*-а (шапка) или оружие.

Вслед за обручением между семействами жениха и невесты устанавливались родственно-приятельские обязательные отношения. Они помогали друг другу в хозяйственных работах, особенно родные невесты, и обменивались в большие праздники подарками. Обычай точно устанавливал характер и размер этих приношений, совпадавших, главным образом, со днями Навасарда (языческого Нового года), Водосвятия, Пасхи и Вардавара.

Сговор. За несколько дней до свадьбы назначался в доме отца невесты сговор для определения материальных условий брачного союза и точного установления дня свадьбы. Переговоры велись при участии самых близких родственников с обеих сторон, в присутствии сельского старшины, священника и крестного отца. Это называлось—*ჭეჭირჩე*, дословно—«резать путь», т. е. идти в путь. Сначала устанавливалось, сколько должно быть женихом уплачено деньгами отцу невесты и мануфактурой на платье невесты, ее матери и родственницам, а также продуктами (бык, баран, вино, водка) на покрытие свадебных расходов,

а затем составлялся подробный реестр предметов, которые отец должен дать в приданое дочери. В приданое вносились верхнее и нижнее платье, все принадлежности постели, ковры, кухонные принадлежности и, вдобавок, сундук и *мафраш* (ковровый дорожный мешок для постели). За последнее время приданое росло за счет взносов в пользу семьи невесты, и переговоры затягивались несколько дней, вызывая очень бурные сцены.

Свадьба. Свадебный сезон падал на позднюю осень и зиму, когда прекращаются полевые работы, в особенности на масленицу. Торжество обычно продолжалось три дня; иногда же кутеж, в особенности молодых товарищей жениха, затягивался на неделю. Начало приурачивалось к вечеру понедельника, среды или пятницы, с тем расчетом, чтобы совершение церковного обряда приходилось на вторник, четверг или субботу. Предпочитали начинать в пятницу, чтобы последним днем, когда гости приглашались к участию в свадебных расходах, было воскресенье, когда крестьяне были более свободны и могли присутствовать на пире в большом составе.

Ко дню свадьбы в доме жениха и невесты начиналась суета. Во всех хлопотах живейшее участие принимали родственники. Мужчины привозили выюки дров, женщины пекли хлеб, сладкую гату (с мучной начинкой—*хориз*), варили всевозможные постные и скоромные блюда и т. п. Когда-то родственники собирались купать жениха и невесту; в последнее время это предбрачное купание совершалось без особой торжественности, в обычном порядке. За день или же в день свадьбы жених отсылал в дом невесты барана, быка и все то, что обещано для свадебного пира у нее: красили рога животного, обвешивали шею ябло-

ками и при звуках *зурны-тымбла* вели на убой к дому невесты³.

Закалывалось животное и в доме жениха с соблюдением особых обрядов. В с. Мардакерт жених клал ногу на опрокинутого на землю быка или барана, так что нож заносился над животным у самых его ног; клали лемех от сохи в хлынувшую кровь скотины и бросали его затем в огонь, на котором должно было вариться свадебное мясо, смазывали кровью и складной нож, и ключи от дома; нож клали в карман жениху, а ключ посылали невесте. Точно также смазывали кровью и один конец платка, которым опоясывался или повязывал себе грудь через плечо жених.

В старину, как только заиграет бывало зурна-тымбла знакомый свадебный мотив у дома жениха, а затем невесты, каждый односельчанин, обычно старший в доме, не дожидаясь специального приглашения, направлялся на место свадьбы «гостем». Но постепенно это приглашение «всей общины» (пережитки той поры, когда вся община представляла группу родственников) уступило место именному приглашению. В с. Гадрут в день свадьбы утром один из близких родственников жениха разносил по домам лист бумаги, исписанный именами и фамилиями приглашенных на свадьбу гостей, то же делалось со стороны родителей невесты. В других же деревнях жених со своими товарищами ходил по домам приглашать гостей. Вообще старались все больше и больше сократить круг приглашенных и ограничиться ближайшими родственниками. Кум (посаженный отец—*кавор* или *пэл*) приглашался особенно почетно—лично отцом жениха или через его брата с подношением подарков. Он избирался из

³ Обычай сопровождать обряд соответствующими обрядовыми мелодиями восходит к глубокой древности и имеет культовое значение.

определенной семьи, связанной старыми кумовскими узами с домом жениха.

К вечеру приглашенные жениха собирались к нему в дом, их встречали в дверях взрослые дети с тазом, медным кувшином и полотенцем и предлагали вымыть руки. В некоторых деревнях это омовение рук совершалось в самом же карадаме, после того как гости усядутся вокруг очага. Здесь, под звуки зурны, начинался вступительный свадебный пир (по пятницам и средам из постных блюд) с обильным возлиянием вина и водки под управлением *тойбаши* или *тамады*—распорядителя свадьбы, избранного из среды ближайших родственников (это или зять, или двоюродный брат жениха). На глазах у всех происходило бритье главных участников свадьбы. Не везде эту процедуру начинали с жениха. Обыкновенно *цирульник* прежде брил товарищей—*макар-ов*, затем *кавор-а* и, наконец, жениха. *Цирульник* при бритье жениха оставлял небритой часть его бороды (чаще всего, в виде маленького крестика) и отказывался продолжать брить, пока каждый из брившихся и многие из присутствующих не положат по несколько копеек в его пользу на специально для этого приготовленный платок или на зеркало, которое давали держать жениху. Прежде чем положить деньги, каждый целовался с женихом. Получив от жениха его долю, *цирульник* заканчивал бритье.

Затем приступали к освящению платья жениха. Священник по требнику освящал *чоку* и шапку его, а также два цветных платка: жених и *кавор* стояли с зажженными свечами в руках. По освящении один платок привязывался концом к поясу жениха с боку, другой—к поясу *кавора*.

К этому времени из дому жениха уже бывало послано подвенечное платье в дом невесты, где также

собирались родственники и гости, одевали невесту и начинали пир. *Макарбаши*—глава макаров, назначенный кавором из близких друзей жениха, успел уже набрать из молодых людей ему дружину—*макаров*, на обязанности которых лежала защита жениха и невесты от всяких нападений и всякой опасности, физической и духовной⁴, а также выступление в качестве присяжных свидетелей во время венчания. Каждый из макаров вооружался кинжалом, саблей или ружьем и получал по восковой свече: кольцом зажженных свечей молодые охранялись в пути от нападения злых духов.

Из дома невесты являлся молодой человек с яблоком в руке приглашать жениха. Большая часть пожилых гостей расходилась, остальные пускались в путь на *харснар*—взятие невесты. Впереди шла группа зурначей, играя плясовые мотивы, за ними кавор вел за руку жениха; их окружали макары с зажженными свечами, стреляя в воздух, крича, подпевая и танцуя; процессия замыкалась шумной толпой гостей и родственников. Родители оставались дома. Если невеста проживала в чужом селе, за ней выезжали несколько раньше или на следующий день с зарей. По пути—та же стрельба, крики, шум. Часто жених и кавор ехали верхом, в кольце верховых или пеших макаров.

У входа в карадам процессию встречали отец и мать невесты. Мать выступала вперед, целовала лоб жениха и кавора и приглашала их в дом. Там в одном углу—*пучах* за занавесом—*гардак* сидела невеста. Макары рассаживались перед занавесом. Тут же рядом становился жених с кавором. Восковые

свечи продолжали гореть⁵. Начиналось одаривание жениха и его товарищей. Выступал самый старший в доме и дарил жениху пояс или что другое и уговаривал его сесть. Но как только подходил кто из родственников с поздравлением и подарком, жених вставал и целовал ему руку, а родственницы целовали его и кавора в лицо. Вообще жених вел себя очень застенчиво, ел мало и не говорил, отвечая только на вопросы. Сходились и девушки, и начинали пляски в одиночку: круговых вообще в Нагорном Карабахе и прежде было мало, а теперь и вовсе нет. Обыкновенно уже после полуночи выносили «свет»—*луйс*—большое круглое металлическое плоское блюдо—*мэжмахи* или *налбаки*—наполненное яблоками, грушами и всякими сладостями, с бутылкой или кувшинчиком водки или вина посредине, с горящими кругом по краям или на бутылке и кувшинчике свечами; выносили деревянные подносы—*хонча*—с жареными или вареными курами, яйцами, пловом, обсыпанным изюмом и другими сладостями, с вином и водкой и т. д. Таких блюд и подносов от родственников бывало несколько. Самые близкие преподносили «дерево»—*цар*—связанные наподобие ветки прутья, обвешанные яблоками, грушами, гранатами, конфетами; прутья увешаны были цветными лоскуточками, обмотаны нитками с нанизанными на них сладкими горошинами и изюмом. На дереве тоже горело несколько свечей. Внося приветствовали: «*Պարի Լուս*»—«Доброе утро!» «*Աստուծոյ ցարի*»—«Добро от бога!»—кричали в ответ макары, для которых предназначались все эти подарки. Сначала все это раскладывали перед женихом, а затем по распоряжению макарбаши все приношения принимались его

⁴ Случалось, что той же девушке симпатизировал и другой парень. Тогда он со своими товарищами по дороге в церковь нападал на жениха, стараясь отбить невесту (прим. ред.).

⁵ В некоторых местах иногда под ковром, на котором должен был стать жених, где-либо пол посыпался ячменем. Если жених наступал на это место, значит он глупый человек.

помощниками и сортировались (вино и водка сливались в большие сосуды) и все это частью шло тут же на общее угощение, частью сохранялось для продолжения кутежа по истечении трех свадебных дней или же просто делилось между макарами.

Пир продолжался до утра или же далеко за полночь и затем на несколько часов прерывался; все расходились, кроме жениха, кавора и нескольких макаров. Утром при первых звуках зурны все вновь собирались к освящению подвенечного платья невесты—*кэт орхнэк*. Священник святил платье, присланное женихом невесте, а с ним вместе и подарок тестя своему зятю—пояс или какую-либо часть одежды; все это сложено было на круглом медном подносе—*сини*. В старину невеста оставалась за занавесом в пучахе, но в последнее время ее выводили и ставили рядом с женихом и обоим давали по зажженной свече. Если во время обручения ей не было дано кольца, то оно надевалось теперь. Затем невеста уходила опять за занавес, где ее одевали в освященное платье и повязывали ей голову—*клохы капэл*, т. е. сняв простой девичий платок, убирали голову убором замужней женщины. Пояс повязывал ей кавор и, ударя по спине, выражал пожелание, чтобы бог даровал ей молодца сына.

После этого обряда жених и невеста отправлялись в церковь. Во главе процессии шли зурначи и *тэпчи*—барабанщики, затем тойбаши, высоко развевая «знамя»—цветной платок, привязанный к концу длинного шеста. «Царь» и «царица»⁶ выступали рядом, он по левой, она—по правой стороне. Кавор шел рядом с

⁶ В армянской народной свадьбе жених и невеста традиционно именуются тагавор и такуи—букв. «царь», «венценосец» и «царица», венценосица. О «таг»-е—венце подробнее см. на стр. 120 (прим. ред.).

женихом, а «подружка»—*харснакир*⁷—рядом с невестой. Их окружало кольцо макаров, из которых некоторые несли «деревья» с зажженными на них свечами. Гости следовали за этим кольцом. Крик, шум, стрельба. У церкви расставлялась стража из макаров, чтобы никто не посмел бросить камень на крышу и тем навести бесплодие на невесту; в церкви, с той же целью, невесту тесно обступали «подружки», чтобы кто-либо из женщин не вшил ей нитку в платье. Тойбаши передавал священнику четки сельского старшины в знак того, что имеется согласие и с его стороны. Если в деревне одновременно совершалось несколько свадеб, каждая торопилась попасть раньше в церковь. Если две процессии встречались на пути, они старались идти рядышком и вместе вступить в церковь, так как иначе вступившая первой пара будет в жизни несчастной. Избегали совершать обряд венчания в церкви, если там находился покойник. В таком случае венчание совершалось дома, у турун-а—*тонир-а* (печь—яма в земле), так же как и в деревнях, где не было церкви. По краям туруна прикрепляли зажженные восковые свечи. Священник совершал обряд, обводя несколько раз пару вокруг туруна. Во время совершения обряда священник повязывал *нарот*-ом, или го местному выражению «зелено-красным»—*кыныч-кармур* шнуром⁸ жениху шею, а невесте—правую руку выше кисти, скрепляя концы шнура воском и «припечатывая» крестом. Этот шнур снимался священником с чтением установленных молитв лишь на следующий день вечером, и затем уже разрешалось

⁷ Традиционный персонаж армянской свадьбы: сестра или близкая подружка невесты, обязательно незамужняя, ее телохранительница на всем протяжении свадьбы (прим. ред.).

⁸ Скрученные вместе зеленая и красная нитки—кыныч-кармур называется и радуга.

новобрачным вступить на брачное ложе. В северном районе Нагорного Карабаха в Джраберде (Вагуас, Мардакерт), на голову жениху и невесте надевали венцы—узкие, тканые золотом шелковые диадемы с ниспадающей бахромой из шелковых ниток, на концах которых висели серебряные шарики. На юге, в Дизаке таким венцом—«так»—венчали только голову невесты: этим хотели ее отличить от других женщин; жениха же все узнавали по длинному цветному платку, перехватывавшему накрест ему грудь. В Варанде (с. Чартар) венцов не было: так-ом тут назывался *нарот* или *кыныч-кармур*.

По совершении церковного обряда, при выходе из храма кавор держал снаружи высоко над дверью обнаженный меч: молодых проводили под этим мечом, чтобы никакая недобрая сила не посмела приблизиться к ним. Так в Варанде. В других же районах это проделывал один из макаров, становясь при возвращении из церкви в дом отца невесты с обнаженным мечом у входа в карадам.

Из церкви вся процессия направлялась к священным очагам, где молодые, опускаясь на колени, возжигали свечи, курили ладан или прикладывались к святыням, затем медленно возвращались в дом родителей невесты. По пути родственники жениха и невесты, а также кавора выходили из домов навстречу с подносами, наполненными сладостями, печеньями, сушеными фруктами, разными кушаньями (плов, ячница, жареная курица), угощали новобрачных, макаров и гостей вином и водкой. Начиналось непродолжительное пиршество с плясками и всякими шутками: тут же дарили невесте по *лачак*-у (головной платок) или *чархат*-у (головная шаль), жениху—по платку или «черезплечнику» (проколота серебряная монета), надевая на «кыныч-кармур». Задерживались, смотря по

обилию угощения; иногда хозяева зазывали всех к себе в дом, к накрытому столу—тогда уже не скоро можно было оттуда выбраться...

Наконец, вся компания достигала дома невесты. Родители, которые никогда не присутствовали на церковном венчании, ждали их с обедом. Это *тахтачаш* (буквально, «обед на тахте») — «тресный обед».

Невеста опять направлялась за занавес, жених становился перед занавесом, несколько поодаль от него кавор и дружки жениха. За стол жених не садился и не прикладывался к пище, пока родственники невесты не преподнесут ему несколько пар носков и шапку. Сначала обедали мужчины, затем женщины. К вечеру дальние родственники расходились.

Прежде чем вести невесту в церковь, а оттуда в дом жениха, отец или кто-либо из старших в семье приносил приданое и каждую вещь отдельно показывал. При этом барабанщик высоко подымал эту вещь, обращая на нее внимание всех: «Кум такой-то дал своей дочери такую-то вещь (две смены белья), которая стоит самое малое... рублей». Макары и вся публика кричали: «Дай бог ему больше добра» — «*бѣги чѣши, гѣи*» (буквально: «Пусть будет он в довольстве»). После этого все подарки навьючивали на лошадь, сажали на нее мальчика, обычно брата невесты, и отправляли к жениху. Здесь мальчик не слезал с коня, пока ему не дадут денег.

Перед тем, как оставить навсегда отчий дом, невеста с женихом становились на колени и целовали родной очаг (так, чтобы у обоих носы замазались золой (с. Мардакерт), в варандинских же деревнях жених брал себе щепотку золы). В дом жениха невеста шла в том же порядке, как шла из церкви, выступая не рядом как равная ему, а позади, держась за конец платка, привязанного к его поясу.

Занавес—*гардак* спешно посылался вперед и им в доме жениха отгораживался угол—*пучах*. В старину перед вступлением новобрачных во двор закалывали у ног невесты барана или петуха (в Дзамдзоре, Вагуасе—журицу). Новобрачных встречали, танцуя, родители жениха, главным образом, мать (родители невесты не сопровождают дочь). Затем свекровь, высоко держа над головой медное круглое блюдо—*межмахи*, на котором на нескольких хлебах, положенных друг на друга, на углях курился ладан, три раза, приплясывая, обходила новобрачную пару и кавора справа налево⁹ и целовала в лоб невесту. Хлеб этот тут же раздавался детям и нищим. В это время, чаще до процедуры с блюдом, с крыши дома кто-либо из родственников посыпал новобрачных, в особенности невесту, целым дождем орехов, каштанов, яблок, мелких серебряных монет и т. п. Детвора и макар-ы шумно кидались подбирать все это. Тут из дома выносили *ошнак*—горшок с коровьим маслом и передавали невесте. Она бросала в масло несколько монет, затем смазывала маслом верх косяка входной двери и волосы свекрови и переступала через порог. На пороге она разбивала ногой тарелку, и затем жених вел ее к очагу. Тут оба преклоняли колени и прикладывались к очагу, причем невеста кидала в огонь ладан и старший в доме благословлял молодую пару. Невеста немедленно уединялась за занавес, где ступала осторожно, чтобы не сесть как-нибудь на ослиное седло, спрятанное под ковром и не выказать тем свою глупость (это практиковалось не во всех деревнях). Тут свекровь, подхватив кого-либо из маленьких мальчи-

ков, передавала его в объятия невестке с пожеланием. «Да родишь и ты на счастье мальчика».

Пир затягивался далеко за полночь. Тут же родственники жениха приносили «свет» и «деревья» (не во всех деревнях; так, в Дзамдзоре этого обычая нет). Когда гости расходились, с невестой оставался ночевать младший брат или кто-либо из малолетних родственников, чтобы жених не подобрался к ней. С женихом оставался на ночь один из макаров или сам кавор.

На следующий день происходило чествование—*мецарк*¹⁰. Собравшиеся в дом жениха родственники и почетные члены сельской общины подчевались обедом—сначала мужчины, а затем и женщины, и когда обильные возлияния водки и вина приводили всех в особенно восторженное состояние, начинался *канч*—клич. Барабанщик клал перед сельским старшиной барaban в виде стола (до последнего времени в Армении, включая и Нагорный Карабах, обедают, рассевшись на коврах; столы завелись в сравнительно недавнее время), покрывал его красной шелковой шалью и всеми присутствующими производилось подношение деньгами в пользу жениха. При каждом взносе барабанщик объявлял: «Такой-то из любви к нашему «царю» принес столько-то рублей. Дай бог ему больше добра». Присутствующие повторяли: «Ему больше добра!». При этом следили, чтобы эти подношения не были меньше того, сколько было поднесено родными жениха на свадьбе их детей. Таким путем собиралась иногда сумма, превышающая свадебные расходы.

⁹ По объяснению чартарцев, как бы приносили себя в жертву сыну, как это делается при приношении у храма в жертву барана, которого сперва три раза обносят вокруг святыни.

¹⁰ Следует понимать как чествование «царя» (жениха), а не как обряд в честь «больших», в честь «вельмож». (См. *Վարկիշ*, с. 141). Приглашались не только мужчины, но и женщины (Ср. Давидбеков И. Село Гадрут..., с. 187).

После мецарка, когда все расходились, священник в присутствии кавора снимал с жениха и невесты кыныч-кармур. Иногда этот обряд совершался после пира макаров—*мыкыркочек*, который происходил или в тот же день после мецарка или на следующий день. Тут поедалось и выпивалось все, что было собрано макарами за свадебные дни, остальное делилось между ними. Если этот пир макаров происходил днем, он заканчивался тем, что жених с родителями и макарами отправлялся на кладбище святить родные могилы.

Брачное ложе готовилось родственниками жениха. Никто из домашних в эту ночь не мог оставаться дома: они ночевали у родственников и соседей. У постели на медном блюде оставлялись вино, фрукты, мед в чашке и разные сладости. Утром рано, с пением петухов, молодой муж убегал к кому-либо из близких людей: до его выхода никто не имел права вступить в дом. Женщины из семьи мужа и кавора проверяли целомудрие невесты. Доказательство—брачная простыня—посылалась с поздравлениями к ее родителям. Все поздравляли молодую и дарили ей по серебряной монете. Вечером с зурной родственники приводили молодого обратно домой.

Спустя неделю мать молодухи—одна или с близкими родственницами приходили купать ее—*кылхылва* (дословно—головомойка); она приносила мыло, гребень, нитки, спицы, смену белья и т. п.

Сорокодневие. В течение *красунк*—сорока дней муж и жена считались нечистыми. Молодая не показывалась на солнце и не выходила за водой; если ей необходимо было идти за водой, она шла ночью, так, чтобы никого не встретить по дороге. Муж в течение этого времени не мог быть ни на чьей свадьбе или войти в дом роженицы, даже пройти по ее крыше: иначе он принесет ей несчастье: злой дух наступит».

Он не мог ходить в хлев к скотине; если во дворе или на улице встречал скотину, должен был сам пойти навстречу; если же скотина пойдет на него, он будет поправ, *кыхохви*—затопчен злым духом. В течение «сорокодневия» молодая пряталась от всех за занавесом и обедала у себя в пучахе; выходила она оттуда только по приглашению и притом лишь получив в подарок монету.

Молодой муж, встретив старика, где бы то ни было, должен был подойти и приложиться к его руке. До истечения года или до рождения первого ребенка молодая обязана была ходить не иначе, как с закрытым лицом.

РОДИНЫ И КРЕСТИНЫ

Остаться бездетной было самым ужасным несчастьем для карабахской армянки, а потому, как только у нее возникало на этот счет подозрение, она прибегала к содействию знахарей и колдунов, к ворожбе, к хождению по разным соседним и отдаленным местам на богомолье, к обетам, к молитвам и т. п.

Родины. Как только начинались роды, всех мужчин выпроваживали из дому: при бабке оставались по преимуществу старые женщины из домашних и близких родственников. Предполагалось, что во время родов над домом и в доме около самой роженицы витают злые духи *кашк-эр* и потому разного рода обрядами старались помешать духам овладеть роженицей.

Если роды затягивались, то одна из родственниц поднималась на крышу, садилась на подобие курицы у окошечка в потолке и кричала: «Рожает—рожай, а не то вот я рожаю (несу)», и при этом сбрасывала оттуда в окошечко вниз как бы сброшенное ею яйцо.

Когда же роженица теряла сознание, что являлось признаком того, что ею овладевает злой дух, женщины выбегали из комнаты, поднимали шум и крик, чтобы отогнать кашк-ов, клали шапку крестного отца (ка-вора) на голову роженице, чтобы злые духи приняли ее за мужчину, приглашали самого крестного отца, который бил и тербил ее, чтобы выгнать из нее бесов, клали ей под подушку кинжал, шашки, веретено, и вообще что-либо стальное, острое, а также закли-тельное письмо, евангелие и т. п. или же у порога ки-дали тяжелую железную цепь.

Если рождался мальчик, бабка отправлялась с поздравлениями *мыштылых* к отцу и в шутку срывала с его головы шапку и кидала ее на землю, требуя по-дарка (деньгами, платком, нитками и т. п.). Если же рождалась девочка—в доме воцарялась тишина.

В некоторых селениях (Тахлар, Мардакерт) бабка тотчас по рождении, обмыв и посыпав солью ребенка, выносила его на крышу, и став лицом к востоку произносила: «Боже, даруй этого ребенка его отцу и матери»—*Շինիճ, էս քրէիւնի հորը, մորը բաշխի*:

В Вагусе (Джрабердского района) при первом вступлении отца в дом бабка предварительно выноси-ла ребенка из дома и, пропустив отца вперед в ком-нату, входила за ним и передавала ребенка ему на руки. Взяв ребенка на руки, отец признавал себя тем самым его родителем. В других местах (с. Чартар) этот обряд совершался бабкой для того, чтобы полу-чить от отца подарок.

О рождении нового члена семьи тотчас же сооб-щалось родственникам и ближним, в первую очередь крестному отцу. Свою радость они выражали присыл-кой яичницы, плова и других блюд, а женщины явля-лись и с личными поздравлениями *«Աշխիւ լիւս»*, до-словно—«Да будет свет твоим глазам». Вскоре приг-

лашали и священника «очистить дом» и всю посуду от следов пребывания злых духов, однако роженица все еще признавалась одержимой нечистыми силами. До крестин ее кормили и поили из особой посуды. Ей запрещено было кроить, шить и вообще до чего-либо дотрагиваться руками, даже до своего ребенка, кото-рого в это время купала бабка или, за ее отсутствием, кто-либо из домашних старух. В этот период роженицу кормили особыми кушаньями, а также сладостями, да-вали пить вместо воды выдержанное старое вино.

Крестины. Крестины совершались спустя неделю после рождения, обычно в церкви, в редких случаях дома, над туруном. Бабка, до того как крестный отец после крестин передаст ребенка матери, торопилась принести из купели освященной воды и обмыть роже-нице руки, чтобы та могла «чистыми руками» принять дитя. Мать целовала сначала руку крестного отца. Жена последнего преподносила ей яичницу на сахаре и меду. Тут священник объявлял имя, нареченное ре-бенку. Имена выбирались по желанию родителей или по календарному на этот день рождения имени свя-того. При живом деде или бабушке их имена не да-вались детям, а если и нарекались, то не произноси-лись домашними, а заменялись другими—уменьшитель-ными, искаженными, условными. Принято было имя какого-либо героя и выдающегося деятеля в уверенно-сти, что ребенок воспримет с именем и его качества.

Сорокодневие. Даже встав с постели (обыкновен-но на 10-й день), роженица в течение сорока дней счи-талась нечистой. Она не могла варить пищу, месить тесто, чтобы не осквернить их, не должна была оск-вернять босыми ногами землю, резать себе ногти, ку-паться и обмываться, чтобы не осквернить отпадаю-щими при этом частями своего тела окружающих пред-метов. Она не могла появляться на дворе после вос-

хода и до заката солнца, после заката не могла купать кого-либо, даже своего ребенка. Если же это было необходимо, она должна была бросить в воду стальной предмет. После заката роженица не могла выливать горячую воду на землю, а лишь переливать в другую посуду. Часть этих запретов имела, безусловно, гигиеническое значение и освобождала женщину от многих тяжелых работ, которыми она бывала обременена по самый день родов.

За это сорокодневие ребенок более всего был подвержен опасности сделаться предметом злых наваждений. Если входил в дом отец (и даже посторонний мужчина, у которого дома имелась роженица, незаключившая периода сорокодневного срока) или, если приносили в дом мясо, то сначала необходимо было вынести ребенка за порог, пропустить отца или мужчину или принесшего мясо и затем уже внести обратно ребенка, иначе злой дух может попортить его—*кы кохи*. По той же причине запрещалось входить к роженице новобрачным, находящимся в периоде сорокодневия; если мимо проносили покойника, надо было встать и взять ребенка на руки.

Если ребенок начинал хиреть и вообще болеть, значит злой дух попортил его. Тогда приглашали того человека, который был причиной попортания, и купали ребенка над его ногами, а если это был отец, то сверх того, выносили ребенка на крышу, пока отец не вышел из дома. Если же причину установить не представлялось возможным, то ребенка купали над щенком (щенок, обыкновенно, при этом околевал, по уверению рассказчиков в Вагуасе) или же над черепом околешей собаки, найденной в поле, или же над черепом человека. Иногда обмывали ноги ребенка на могиле убитого человека и вокруг его головы обводили камнем, взятым с этой могилы, затем хоронили тут же у

могилы яйцо и гвоздь в уверенности, что этим погребена болезнь или порча.

Но и по истечении сорока дней ребенок подвержен был подобным напастям. Чтобы уберечь его от сглаза, вешали на люльке или пришивали к плечикам черные шарики или кубики с белыми глазочками и бусы—«глазки» *ашкаулунк*. Чтобы быть гарантированными от сглаза, дети до юношеских лет носили нашивки из маленького стального огнива и т. п.

Спустя сорок дней после родов роженицу купали над соломой, а солому сжигали. Затем «выводили на солнце» люльку, ребенка и, наконец, мать. К вечеру собирались родственники, чтобы проводить мать с ребенком в церковь, где священник совершал окончательное очищение чтением молитв.

ПОХОРОНЫ И ПОМИНКИ

Плохой признак, если кто видит во сне покойного родственника: час его смерти, значит, близок. Бред умирающего—это разговор его с душами покойников—родственников. Душа, удаляясь из тела, издает какой-то крик. Видеть ее могут лишь праведные люди.

Тотчас после смерти все родственники и соседи спешили утешить родных и пожелать покойнику светлой загробной жизни. Приглашался священник освятить саван и воду, которой должны были обмыть покойника. Умершего обмывали родственники или близкие соседи, его же пола: мужчину—мужчины, женщину—женщины: могилу рыли также родственники (или близкие соседи). За все время до погребения в домах родственников умершего не производилась стирка, а иногда прекращались также и работы в поле.

на гумне или в саду, так как «ангел смерти» еще пребывает в деревне. Впрочем, ангел являлся лишь за праведными душами, которые исходят легко, в виде цветка розы, а за грешными прилетали злые духи; душа у таких людей отходит с трудом, в виде безобразного зверя (с. Дзамдзор Дизакского района).

После обмывания покойника заворачивали в *саван*, а затем в ковер (безворсовый ковер) и клали на плетеные носилки—*наж*, которые хранились при церкви (гробы завелись сравнительно недавно, в них покойника кладут завернутым в один только саван). Руки скрещивали на груди; младенцам и умершим в раннем возрасте вкладывали в руки свечку, чтобы когда умрут их родители, они вышли навстречу освещать им путь.

В старину тотчас после обмывания покойника переносили в церковь; в настоящее время его часто ставят дома, даже на несколько дней, смотря по погоде.

Перед выносом собравшиеся родственники, соседи и специально приглашенные плакальщицы садились вокруг трупа и начиналось оплакивание. Мать или старшая сестра, или же одна из старух, более талантливая, умеющая придать своим слезам определенный ритм, в печальной песне перечисляла все достоинства покойного, вспоминала частности из его жизни, его слова, его отношение к членам семьи и соседям и заканчивала каждую часть своего восхваления громким воплем, который подхватывался всеми остальными протяжным хором.

При выносе из дома в Дизаке и Джраберде дверь из комнаты закрывали и три раза ударяли о нее но-

силками или концом гроба, желая как бы пробить ее¹¹. В Варанде этого обычая не придерживались.

При отпевании в церкви женщины должны были вернуться домой, на кладбище покойника провожали только мужчины. Прежде чем расстаться с покойником, в церкви начиналось оплакивание: женщины в экстазе иногда доходили до того, что срывали с себя головной убор, били себя по голове, царапали лицо, дергали волосы и даже падали в обморок. Тот же плач с завыванием продолжался затем и дома—над отеждой покойного как по возвращении из церкви, так и в течение почти всей недели, всякий раз, как родственники и друзья собирались утешать семью покойника.

Идя перед покойником по улице, священник не должен был оглядываться: если он оглянется, непременно еще кто-нибудь умрет в той же семье.

Обряд погребения совершался согласно церковной традиции. Труп опускался в могилу завернутым в саван или в гробу. Один из близких родственников первый кидал горсть земли, предварительно дав священнику благословить ее крестом; за ним и все остальные делали то же: «Доброго пути, передавай наш привет нашим покойникам».

Старший представитель дома приглашал всех участников погребения на поминальный обед—*жымахац*—«церковный обед» или *бадарак*, где подавали всем *куркут*—пшеничную крупу, вареную с бараниной или говядиной, и в изобилии вино и водку; за обедом делились воспоминаниями о покойнике.

¹¹ Пережиток того обычая, который существовал и у сторонников зороастризма, выносивших покойников не через дверь, а через брешь, сделанную в стене.

На следующий день на могилу приходили женщины с печениями, вином и водкой. Собирались самые близкие мужчины. Священник освящал могилу и женщины повторяли свой плач, обнимали и целовали могильный холм, смазывали себе грудь (сердце) горстью земли с могилы, чтобы утешиться хоть сколько-нибудь, «прохладиться»; некоторые сыпали себе эту землю с затылка под рубашку, чтобы быть свободным от всякого страха. Затем все принесенное тут же поедалось и выпивалось; часть оставлялась на могиле или раздавалась бедным. Вернувшись домой, устраивали поминальный обед для тесного круга.

Накануне седмицы—*охны* родственницы и соседки собирались в доме покойника снимать траур с женщин: они мыли им головы и делали приношения—печениями, вином, водкой, вареной курицей и т. п. На седьмой день совершалась над могилой панихида повторялись плач и вопль и устраивался опять поминальный обед.

В годовщину—*тари* после панихиды на кладбище приглашались на поминки все жители селения, пили и ели за упокой души покойного и всех умерших его родственников. Некоторые соблюдали траур и после снятия, и в течение одного года не выходили из дому, не бывали в гостях и часто посещали кладбище. Носить черное в знак траура стали только недавно.

Если после чьей-либо смерти оказывалось, что в доме начинает кто-нибудь хворать, это приписывали тому, что покойник еще жив и сердце его тоскует по оставшимся в живых. В таких случаях посыпали могилу ячменем и подводили коня. Если конь начинал спокойно есть зерно, это являлось показателем того, что покойник на самом деле мертв; если же не ел, значит покойник еще жив. Тогда разрывали могилу и прокалывали длинным гвоздем или метом сердце по-

койника или же рассекали ему грудь, доставали сердце, перерезали его пополам, обмывали и клали обратно; иногда (в Варанде) кусочек от этого сердца приносили домой, обмывали водой и этой водой поили больного (Чартар, Вагуас, Дзамдзор). Во время персидского владычества в ночь после погребения ставили у могилы сторожей караулить, как бы кто не разрыл могилы и не отрезал головы покойника, чтобы потом представить хану и получить вознаграждение как за убитого христианина.

ГЛАВА IV

ВЕРОВАНИЯ

Разложить сложный комплекс верований карабахского армянина на генетические элементы представляется при современном состоянии наших знаний возможным лишь в самых общих чертах.

Конечно, было вовсе не случайностью, что древний Арцах примкнул к христианству; также нельзя не искать глубоких причин тому, что армянские трудовые массы Карабаха на протяжении многих веков шли за своим духовенством и землевладельцами—князьями, выступая в защиту христианства. Христианская церковь окрасила своим религиозным мирозерцанием все верования карабахского крестьянина. Однако, что поражает здесь, это слабое распространение почитания христианских святых. Подавляющее количество мест богомолья или совершенно не носит названий, связанных с определенными лицами, или носит название чисто местных святых: Хондик около с. Аветараноц, Сарибек около с. Дашушен, девы Ехиша кус между с. Сос и Чартар и др.

Общее почитание армянских святых заметнее выступает в северной части области, по долинам рек Хачен и Тартар, где благодаря более близким сношениям с внутренними армянскими провинциями, особенно с бассейном Севанского озера и с Вайкской (Даралагяз-

ской) котловиной, церковное строительство полнее усвоило более совершенные формы армянской архитектуры: в этих долинах возведены лучшие монастыри области—Гандзасарский, св. Акоба (недалеко от с. Колатак), святого Геворга Птки (у с. Улупан), Хатраванк, Хата (или Дадиванк), апостола Егишэ и др. Среди сельских церквей лишь одна (в с. Хрхан) посвящена Григору-просветителю Армении, одна (в с. Карасни)—Рипсимэ и две (Кхарци и Арав)—первым переводчикам-ученикам Месропа, наконец, одна (в Нор Драхтике)—Григору Нарекаци.

С другой стороны, не лишен интереса, для выяснения происхождения отдельных переживаний, и тот факт, что из 104 церквей Нагорного Карабаха 59 носили название богоматери. Невольно возникает вопрос, не имеем ли мы здесь склонность к почитанию женского начала, унаследованного от дохристианских времен, и не следует ли тут видеть доказательства распространности в этой местности женского культа еще в древнюю эпоху.

Во всяком случае, из-под христианской оболочки еще сильно выступают в Нагорном Карабахе отдельные частицы языческого ядра, всех стадий исторического развития. При своем исследовании я искал, между прочим, культурно-бытовые пережитки в воззрениях, обычаях и материальной обстановке от времен влияния зороастризма, которому приписывают сильную роль в развитии культур восточноармянских провинций, Великого и Малого Сюника, куда входил в древности и Арцах (Карабах). В предположении найти развалины «атрушанов»—башен для возжигания священного огня и «дахм»—мест выставления трупов я взбирался на все скалы, на которых имеются, по уверениям местных жителей, какие-то странные башни и постройки. Все эти развалины оказывались частями

крепостей или отдельными передовыми укреплениями—наблюдательными позициями. Поклонение домашнему очагу, совершение обрядов свадебных и крестильных у туруна, поклонение горным вершинам, отдельным скалам, рощам, деревьям, родникам и могилам, всем этим священным местам, которыми так богаты окрестности всех карабахских деревень, едва ли можно отнести к пережиткам специально авестических верований и следует возвести их к другим первоисточникам, чисто местным.

Однако, обычай закрывать дверь при выносе покойника из дома, пробивая ее тремя ударами гроба или погребальных носилок, можно считать идущим от близких к зороастрийским традициям, как и воспрещение роженице в период сорокодневия осквернять землю босыми ногами и частями своего «нечистого тела» (отрезанными ногтями, грязью, смывом с тела). Нельзя было осквернять воду и огонь, грешно было плевать в воду или в огонь, грешно гасить огонь дунуением: гасили пламя свечи или светильника зажимом пальцев или металлической иглой, огонь же посыпали золой. Все это очень напоминает запреты зороастрийских магов¹. Точно так же обычай у замужних женщин завязывать себе подбородок до кончика носа необходимо признать возникшим из источника, общего с обычаем священнослужителей огнепоклонников, которые подобной повязкой оберегали во время служения огонь от осквернения нечистым дыханием: замужним женщинам ведь чаще всего приходится возиться у огня. Вообще, с точки зрения женского костюма всю Армению (и Грузию) можно разделить на область,

где господствует обычай открытого подбородка и рта и область, где господствует обычай закрывать подбородок и рот. Нагорный Карабах относится к последней области, охватывающей почти весь восток Закавказья до бассейна оз. Ван и южнее². О близости с религией древней Персии говорит также целый ряд выражений, где свет отождествляется с добром и счастьем: «Да будет свет своим очам»—«Աշքի լիւս», «Да осветит бог его душу», «Да станет светлой душа его», «Мир его праху, покой душе его»—«Ամսօճ հօրին լիւսիւմբրի, լիւս ինի նրա հարին»: Эти выражения общи всем армянским провинциям. Еще лет 40 тому назад, когда Ерванд Лалаян собирал материалы для этнографического описания Варанды, там можно было встретить стариков и старух, поклонявшихся солнцу и луне—источникам света³. В настоящее время этих обрядов уже нет, но тогда нередко были случаи, когда опустившись на колени перед восходящим солнцем или нарождавшейся луной, старики говорили: «О солнце, получившее сияние от бога» или: «О луна, только что родившаяся из лона матери, лик мой у ног твоих, сохрани детей моих» и т. п. Пережитки однако остались. До сих пор клянутся: «Ей солнце! Ей луна! Ей огонь! Ей светильник!»—«էն քրքշիւնը, էն լուսինիւնը, էն հրաշքը»—формулы, связанные с культом света и его источников. Недалеко от с. Вагуас в долине р. Тартар, на вершине горы Ходжакхурд стоят две часовенки, носящие название Вахи, совершенно сходное с армянским именем бога восходящего солнца Вахаги (он же бог грозы и молнии). Если в засуху полить одну часовню водой—польет дождь; если же на другой зажечь огонь в дождливый

² В архиве автора сохранилась рукопись его статьи «О повязывании рта и носа у армян». См. Научный кабинет-архив (прим. ред.).

³ Հարիւր, с. 216.

¹ Впрочем, этот обычай, распространенный у очень многих народов и объясняемый стремлением оградить дом от возвращения духа умершего или смерти, мог возникнуть и без влияния зороастризма.

день—взойдет солнышко. Безусловно, эта вершина (2402 м) была посвящена почитанию солнца⁴.

Наряду с такими формами поклонения солнцу и свету, в Нагорном Карабахе в еще большей мере продолжал жить в народе страх перед тьмой, наступающей после заката солнца (см. ниже), перед ночью, когда выползают отовсюду *кашк-ер*—злые духи (дивы). Этот страх привел к запрету некоторых видов работы после заката солнца. Как все это просится на сопоставление с религией персидских магов! Однако делать вывод о прямом заимствовании преждевременно вследствие неясности многих вопросов о происхождении самого учения Зороастра: маздензм и современные воззрения Нагорного Карабаха могут иметь одни и те же первоисточники в более отдаленных местных и далеко на восток и запад распространенных домаздеистических верованиях.

Вообще многие из характерных верований и связанные с ними обычаи в Нагорном Карабахе, совпадая в подробностях с горскими, указывают на местное их происхождение, другие—праздник Вартэвур (Преображение) ведут нас к хеттам, третьи—еще дальше на запад, в Средиземноморье. Однако наличные материалы еще настолько не полны, что многие вопросы сравнительной этнографии в связи с их эволюцией у нас могут только быть намечаемы, но не разрешаемы категорически.

МЕСТА ПОКЛОНЕНИЯ

Горные вершины. В такой стране, как Нагорный Карабах, где горный рельеф не перемеживается с каким-либо значительным пространством равнинного ха-

рактера и вся жизнь льнет к лону гор, поклонение горным вершинам естественно выступает на первое место. Нет ни одной более или менее высокой горы, на вершине которой не было бы святыни—*сурп* или *хач*—последнее слово в Нагорном Карабахе употребляется реже. *Сурп*—буквально «чистое», в переносном смысле—святое. *Хач* хотя на церковном языке и означает крест, в народном представлении имеет значение места, где сверхестественные силы особенно охотно готовы выслушать и исполнить мольбы человека. К таким вершинам относятся прежде всего Мрав на севере, Дзапайт на юге и оба Кирса в центральной части, привлекавшие богомольцев из самых отдаленных частей Карабаха.

Вершина Мрава поднимается на хребте того же имени между Джрабердом и Гюлистаном. Зимой, весь одетый в белый саван, он особенно рельефно вырисовывается среди разбросанных в разных направлениях горных массивов. С него открывается панорама: на юг—до Аракса и далее до Савалана в персидском Азербайджане, на север—на степи, упирающиеся об исполинскую стену Большого Кавказа, на восток—через гладкие низменности до волн Каспийского моря и на запад—по ответвлениям Малого Кавказа, тянувшимся к Куре. По двум опасным и круто извивающимся тропинкам богомольцы взбирались среди душистых трав и цветов к голым скалам, торчащим на самой вершине, чтобы там приложиться к маленькому белому *хачкару*, стоящему на небольшой площадке, обложенной по краям громадными камнями, ограждающими людей от падения. У одного из входов на эту площадку, в неглубоком колодце, они находили в самую жаркую летнюю пору снег и холодную воду⁵.

⁴ Ср. В. Բաղդուպարյան, Արցախ ... с. 193.

⁵ Ср. В. Բաղդուպարյան, Արցախ ... с. 239.

Так же на юге царит над всеми окружающими вершинами гора Дизапайт, с которой взору открывается такая же величественная картина. И здесь вершина увенчана круто выступающими голыми скалами, из которых на самой высокой расчищена площадка. Тут стоит маленькая часовня, куда из отдаленных деревень летом в день *Вардавара* (Преображения) направлялся народ на богомолье и не только армяне, но и турки. На поклонение приходили сюда и поздней осенью, и ранней весной. Предметом почитания являлась не эта часовня, сравнительно недавно сооруженная, а могилы неизвестных мучеников или вернее, большой камень на их могиле, из-под которого суеверные женщины выгребают по горсти земли, в которой искали пшеничные или ячменные зерна: если попадается пшеничное зерно, у них родится мальчик, если же ячменное—девочка⁶. Предание, занесенное в местные Четьи-Минеи—*Айсмавурк* гласит, что гуннские передовые отряды захватили в Арцахе многих из учеников Месропа Маштоца (V в.), изобретателя армянских письмен, между ними и знатную женщину по имени Такуи. Гуннский предводитель, плененный ее красотой, хотел насильно взять ее в жены. Она оказала сопротивление его волеизъявлениям и поэтому была изрублена на куски. Ночью следы ее крови и разбросанные по полю куски ее тела стали испускать яркий свет. Полководец со своими двумя сыновьями и воинами, пораженные чудом, приняли христианство. Царь гуннов, узнав об этом, приказал казнить их. Однако сыновьям полководца—Мовсесу и Ераносу удалось бежать. Царские воины нагнали их на вершине горы, изрубили и

⁶ Выяснилось, что сторож—единственный наблюдатель за этой святыней, накануне праздника перемешивал по равной части пшеницы и ячменя с золой под камнем.

положили их трупы в виде дров (*пайт*) на снопы (*дээ*) из пшеничных и ячменных колосьев и предали сожжению. Отсюда и гора получила название Дизапайт, а вся провинция—Дизак. На том месте, где были сожжены Мовсес и Еранос, в земле до сих пор сохранились пшеничные и ячменные зерча, выпавшие из колосьев⁷.

Вследствие недостатка воды на вершине горы богомольцы спускались к родникам, расположенным у подошвы⁸. Здесь они закалывали жертвенное животное (барана), которое тут же варилось или жарилось на углях и поедалось с обильным возлиянием вина и водки. Тут же продолжался пир с песнями, играми, плясками и игрой на *зурне* и *тымбла* (барабане). В народе крепко держалось убеждение, что у *сурпа* необходимо отдаваться безудержному веселью.

Из других гор, после Мрава и Дизапайта, обоготворялись вершины Кирса, на которых тоже находится несколько мест богомолья. У с. Хрхан показывают камень, напоминающий издали женщину, кормящую грудью ребенка. Это Кирс исполнил просьбу несчастной матери, не желавшей вернуться к злой свекрови и взмолившейся к Кирсу обратить ее в камень. В другой раз Кирс превращает в камень женщину с ребенком, просившую ее спасти от нападавших разбойников: камень этот до сих пор стоит недалеко от с. Ашан⁹.

Роши. Вообще, в Нагорном Карабахе нет почти ни одной вершины, на которой не было бы *сурпа*. Редко тут можно увидеть часовеньку. Обычно это груды камней, между которыми иногда можно найти

7 Ա. Բարսիսեյան. Ուխտագրի հիշատակարանը, Շուշի, 1885, с. 52:

8 Место жертвоприношений лучше всего показывает, что поклонение воздается горе.

9 Վարդան, с. 189, 193.

более или менее орнаментированные хачкары. Если эти сурпы ниже пояса альпийских пастбищ, они непременно окружены рощицей из деревьев разных пород. Рощи эти считались священными и неприкосновенными. Ветви их были увенчаны лоскуточками от платьев молящихся, которые вместе с этими лоскутьями рассчитывали оставить тут свои болезни и несчастья¹⁰. Иногда дерево обматывалось ниткой—*кыныч-кармур*. Тут почитание горных вершин тесно сплеталось с почитанием деревьев.

В настоящее время, когда горы Нагорного Карабаха лишены некогда бывшего роскошным лесного покрова, в особенности вблизи больших деревень, там и сям высоко на горных вершинах резко вырисовываются силуэты рощиц вековых деревьев, по которым трудно догадаться о нахождении там сурпа. Такие обособленные рощицы виднеются во множестве и на низменных местах, на холмах среди полей или у родников. Так, между нив с. Чартар один из холмов увенчан рощицей *Кохак*. В день Вознесения тянулись к ней толпы молящихся и возжигали свечи у камней какого-то святого; иногда закалывался жертвенный баран. Роща эта давала плодородие окружающим полям, хранила их от засухи, градобития, ливней, саранчи и др. бедствий. Среди деревьев тут виднеются развалины часовни: *Кохак* не выносит ни монастырских, ни церковных стен; сколько ни пытались возводить здесь храм—холм сбрасывал с себя его стены.

Проезжая или проходя мимо святой рощи, карабахец благочестиво снимал шапку и осенял себя крестом, а в известные дни здесь собиралась молиться масса народу. Прежде никто не осмеливался сорвать здесь лист, срезать ветку или же унести упавшие с

деревя сучья: такого святотатства согласно поверьям постигала или болезнь в виде паралича той или иной части тела, или несчастье в семье и неудача в делах. Рассказывают, что один, сорвавший ветку с дерева у святыни Сарибека (около Шуши, под с. Дашушен), сорок лет был пригвожден к постели.

Кроме рощ, имеются и отдельно стоящие деревья—великаны, сурпы. Около с. Гадрут, у родника Хор-Ахбюр, стоит священный гигантский чинар, более четырех саженей в окружности. Упавшие с него сучья валялись под ним, и никто их не трогал. Порошок от сгнивших ветвей исцелял от многих болезней. Другой многовековой чинар более 20 м в обхват почитался у с. Схторашен: при всякой беде сюда собирались молиться и прикрепляли зажженные свечи к его коре и в дупле.

Родники. Благодаря народному суеверию, многие родники спасены от усыхания, потому что в большинстве случаев священные рощи затеняют места, где из-под земли выбивается вода. Почитание воды, вызывающее запрет осквернять ее плевром или другим способом, превращается в настоящее поклонение. Имеется ряд родников, которым предписывалась чудесная сила исцеления от разных недугов и которые стали местом поклонения. Одни «излечивали» от чешотки (у с. Хюнот), другие от малярии и экземы (у с. Аветаранон, «Воске хач» у с. Гиши), третьи—от болезни глаз (родник «Ехин-Ахбюр» у с. Кусат). Из расщелины скалы над с. Чартар бьет родник, защищенный густыми деревьями от палящих лучей солнца: сюда приходили искать исцеления от краснухи из Шуши, Шамахи, Нухи и др. отдаленных местностей. Он называется «Ухтацахик» (Верблюжьим цветком). Нужно было помолиться у родника, возжечь свечи, зарыть в землю два яйца и два гвоздя, заерпнуть

¹⁰ Там же, с. 193, 198.

воды и смазать ею больное место или выкупаться в водоеме. Можно было взять воды для больного, но во время переноски воды на место нельзя было опускать посуду на землю и оглядываться—иначе вода теряла свою целительную силу.

С некоторыми родниками связываются рассказы о чудесном их возникновении. Так, у монастыря Егише Аракял, на левом берегу р. Тартар, священный родник бьет на том месте, где сын царя Вачагана, отказавшегося от царства, застал отца таскающим воду издалека для возведения стен монастыря: сын хотел было помочь ему и стал вырывать у него из рук *тулук*—кожаный мешок для переноски воды, но отец воспротивился; тулук разорвался, и там, где пролилась вода, из земли стал выбивать родник, у самого места постройки. В другом месте, у с. Хачмач, ключ стал выбивать в часовне, где ребенок приставал к молящейся матери, прося воды: не желая прерывать своей горячей молитвы, мать обратилась к богу с просьбой утолить жажду ребенка—тот же родник тотчас забил.

На склоне г. Дизапайт богомольцы обыкновенно останавливались у родника Арчи ахпюр. История его такова: как-то в жаркий день из соседнего леса вышел медведь (*арч*) и стал подыматься на гору, сильная жажда томила его. В изнеможении он упал на землю и стал лизать раскаленные камни и с ревом обратился за помощью к небу: небо сжалилось над ним, и тут заструился Медвежий родник (*ахпюр*). Но раньше чем зверь достиг священной горы, молния поразила его. Могилу его показывали богомольцы у кучи камней, что под самой скалой у вершины и, спускаясь с богомолья, останавливались тут с молитвою, разводили

огонь, закалывали барана и устраивали жертвенный пир¹¹.

Нахатак. Ко всем этим горным вершинам, священным камням (а их также много в Нагорном Карабахе), рощам, отдельно стоящим деревьям и родникам народ одинаково применяет слово *сурп* или реже *хач*. На вопрос, чем ознаменованы эти места, в большинстве случаев получаешь неопределенный ответ: «Ну, святое место и только». Редко когда с ними соединяется какое-либо сбивчивое предание. Или просто прибавляют: «Нахатаки тэха»—место мученика. Например, у с. Кызкала—Большой и Малый нахатак; у с. Пирджамал—Коба, а по соседству, у с. Нахичеваник—Чгнаворци (Мученица), у предыдущего села погибли за веру два брата—Пир и Джамал, а у последнего—их сестра; у с. Нор Кятук—Спитакхол и Зинавор; у с. Дриаваз—Ахин Нахатак; на старом шушинском кладбище—Нахатак Антон Тифлисеци; в тюркской части Шуши—Каму хач—от ревматизма, у с. Дахрав—Бричи нахатак; у с. Птретик (Бадара)—Цэра Нахатак; у с. Ванк—Хыкэхан; у с. Атерк—Астхаблур; у с. Оратах—просто Ныхатак и т. д.

Нахатак (ныхатак)—это погибший за веру человек или павший в бою без причащения воин (в Кохаке, Мещене или иначе *Хырты пыток*—в с. Нахичеваник), или человек, пораженный молнией. Так, у с. Гадрут погибли за веру брат и сестра—Хорен и Мина; у с. Кусатат там, где стоит дуб и под ним лежит куча камней, из которых один с грубым изображением креста—Хариби хач убит какой-то чужеземец—христианин, спасавшийся от преследования. На вершине горы, между сел Аветаранок, Саргашен и Верхний Тахавард, среди рощи погребены мученики—священник Ге-

¹¹ Ա. Բարխանյան, Ուխտավորի հիշատակարանը..., с. 83.

вонд и сестра его Анна, убитые язычниками: отсюда и название этого места Хондиг. О мученице Деве Егише, место погребения которой указывают среди леса на вершине горы между с. Сос, Керт и Чартар, в народе сохранилось свое предание¹². Молния считалась мечом в руках ангелов, которые ею поражают злых духов, поэтому очищены от всего нечистого те места, куда попала молния—и вершины, и высокие деревья (у с. Хачмач и Арав), и даже человек, пораженный ею.

У Хондига и Девы Егише возведены маленькие обители—пустыни (*анапат*), где когда-то жили отшельники, но большинство сурб-ов и хач-ей или не носят никаких признаков прикосновения христианства, или это выражается грубым изображением креста на камне, и в некоторых случаях возведением маленьких алтарей—бэм-ов. Один из таких бэмов, сравнительно недавней постройки, но придерживающейся общепринятой архитектуры, возвышается на гребне выступа откоса, спускающегося к речке Вагуас из-под Цорской крепости (у сел Тах и Ванк, около Гадрута). Он называется Ангачи хач—так как сюда приходили молиться при болезнях уха—и представляет четырехгранную призму, имеющую у основания $1,50 \times 1,75$ м, а в высоту—2,20 м и заканчивающуюся четырехгранной же пирамидой с крестом на вершине. С восточной стороны, на половине высоты, в ней оставлена маленькая ниша почти квадратного очертания, глубиной в 0,30 м. В этой нише нет ни образка, ни даже маленького хачкара. Больные не оставляли здесь никаких железных фигур человека или части его тела, пораженной болезнью (как это делалось, например, в Грузии или в Лори). Обедни также не служили, а богомольцы ог-

раничивались возжиганием свечей и принесением в жертву барана. Рядом с этим бэмом стоит священное дерево, обвешанное еще и теперь лоскутками и обвязанное зелено-красным шнуром. Таких бэмов насчитывается по Нагорному Карабаху около полусотни.

У некоторых Ныхатаков выросли довольно обширные монастыри. К таким надо причислить, например, монастырь Мавас (у села того же имени), воздвигнутый на могилах четырех мучеников, или Иннымас, стоящий на гребне возвышенности у с. Кусапат; по преданию, здесь погребены девять братьев, зарубленных язычниками; уверяли, что они являются во сне молящимся женщинам все одетые в одинаковые одежды, езерхом на белых конях.

В другом месте к могилам мучеников приурочена ветхозаветная история о трех вавилонских отроках. В трудном доступном ущелье р. Грм, левого притока р. Тартар, несколько выше развалин Джраберской крепости, на узкой площадке на гребне откоса, спускающегося с Мравского хребта, стоит храм, в котором лежат останки этих отроков, перевезенных из Багдада. Верблюд, на котором их перевозили, дойдя несколько ниже этого места, пал на колени. В этом усмотрели указание свыше и начали тут строить храм, но стая ласточек налетала на раствор извести, приготовленный для постройки, и стала лепить гнезда выше на гребне. В этом было усмотрено новое указание перенести постройку туда, а на месте, где остановился верблюд, возвели маленькую церковь¹³. На Пасху и в конце августа к храму Ериц Манкунк по крутым лесным тропинкам тянулись богомольцы с обоих склонов Мравского хребта.

¹² В одной только надписи Егише названа «Девой» (куйс), в народе же ее называют *Аракэл*-апостол.

¹³ См. статью Г. Израелова о Кусапате—СМОМПК, 1892, вып. 13, с. 48—50.

Могилы. Почитание могил повсеместно распространено в Нагорном Карабахе. Могилы павших внешне (от пули, меча, молнии) и не успевших причаститься имели целительные свойства. Заболевшего от испуга заставляли наклониться над такой могилой и лили ему на затылок воду или заставляли выпить воды из чашеобразного углубления на могильной плите, или смазывали ему затылок землей с такой могилы. Такой же силой обладали и могилы лиц, отличавшихся геройством или чудесами. Такова могила девицы Гаяне из рода Мелик-Шахназарянов, убившей турецкого полководца Сулейман-бека, занявшего со своими отрядами Варанду и требовавшего ее руки (в 1733 г.). Она согласилась было выйти за него замуж, но умышленно откладывала свадьбу под различными предлогами до того дня, когда по общему уговору во всем Карабахе народ кинулся на турецкие гарнизоны и стал их избивать. Во время избияния Сулейман-бек искал убежища в доме Мелик-Шахназарянов, но при вступлении в их дом он был пронзен мечом Гаяне. Затем она удалилась в монастырь. На надгробной плите она изображена с мечом, пронзающим голову у ее ног; меч зацвел. Тут же у ее ног высечено углубление, из которого пил воду тот, кто заболел от испуга. Такая чаша высечена и в с. Нинги на могильной плите священника Карапета Тер-Петросяна (в 1864 г. умершего 97-ми лет): его род из поколения в поколение лечил от колдовства и испуга. К его могиле—Дэри герэзман—ездили не только из ближайших деревень, но и из Шуши и Баку¹⁴.

¹⁴ Вера в чудесную силу могил имеет связь с другим местным обычаем: испугавшегося три раза проводили под носилками или гробом покойника. Точно также младенца три раза носили под носилками или гробом умершей матери: это уберегает

Культ животных. Почитаются могилы не только людей, но и некоторых животных. Выше было сказано о святости того места, где молнией был поражен медведь, взбиравшийся на вершину Дизапайта. Трогательный рассказ сохранился о другом медведе, могилу которого чтили в монастыре сурп Григора в Птхесберке. Один из основателей монастыря встретил в лесу медведя, у которого от занозы распухла лапа. Монах достал занозу, обмыл и перевязал рану. Медведь последовал за ним в монастырь и стал помогать ему на стройке, доставляя на спине тяжелые камни из каменоломни. По окончании строительства он остался жить в монастыре и исполнять всевозможные поручения. Однажды, вернувшись из дальнего путешествия, медведь не застал в живых своего благодетеля. Тогда он с горя стал биться головою с камнями на могиле покойного и вскоре окошел. Его похоронили у восточной стены храма. Ночью на его могилу снизошел свет. Его могильная плита являлась наибольшей святыней для богомольцев, посещавших монастырь¹⁵.

Поклонение медвежьим могилам—слабые следы когда-то существовавшего здесь культа животных. Можно указать и другой след этого культа. При глазных болезнях больные направлялись на излечение к священному роднику Ехин ахпюр, восточнее с. Кусапат. Рассказывают, что когда-то к нему ежегодно являлся олень. Он пил воду из этого родника и тут

его от всякой напасти в жизни. К этой же категории относится обычай купать ребенка, задетого злой силой—«кохвац»—над черепом человека.

¹⁵ Մ. Քարխուրյան, Արցախ ... с. 163, Ան, Հինգ օր—Մարտ, 1889, № 2, с. 263. По другой стороне р. Хачен, на правом берегу которой находится монастырь Птхесберк, находится с. Арчадзор, которое неправильно возводят к форме Арачадзор.

же ложился, добровольно отдаваясь жителям на заклание. Раз, когда, по обыкновению, у родника появился олень, жители не дали ему лечь и кинулись на него. Животное убежало в лес, но крестьяне нагнали его и убили стрелами, а затем вместо того, чтобы разделить мясо как жертву—*матах* между всеми сельчанам, взяли его только себе. С того времени бог не посылал больше оленей к этому месту, но родник сохранял целебную силу: здесь возжигались свечи и закалывался жертвенный баран.

Очаги. К местам поклонения относятся, наконец, и очаги—*оджах*. Почти в каждой деревне можно встретить иногда полуразрушенный карадам, от которого сохранились только стены, или еще жилой карадам, где помещается очаг, считавшийся священным не только для данного селения, но и для соседних. Иногда в деревне таких очагов бывало несколько. В отличие от хачей и сурбов очаги носят родовые названия: в с. Кусатпата имеются очаги Эрицанц и Веданц; в с. Чартар—Мирзабеканц, Тохцонц, Ходжанц; в с. Вагуас—Дилкянц; в с. Аветараноц—Меликанц; в с. Цоватех—Бгеранц; в с. Херхер—Чалунц; в с. Сарушен—Кеханц; в с. Нинги—Деранц и т. д. Во всех этих случаях фамильные названия употреблены в род. падеже множественного числа—Эрицанов, Ведянов и т. д. Эти фамилии основателей деревень (Эрицанц, Веданц, двух из двенадцати родов, основавших Кусатпату) или родов, поселившихся здесь позже (Мирзабекяны из с. Мегри, Тохецяны—из с. Тох, Ходжяны—из Гандзасара), но выделявшихся своим благосостоянием и достатком, или домов, отличавшихся древностью происхождения и знатностью (Ходжяны—из рода меликов Гасан-Джалалянов, Бгеряны—из рода Мелик-Парсаданянов, Меликяны—из рода Шахназарянов), или семейств, дававших из поколения в поколение сельских старшин

(Кохяны) и священников (Деряны). Вообще это—очаги—*оджах*, когда-то хорошо объединенных, крепких и могущественных родов, некоторые потомки которых позже, может быть, и обеднели и не пользовались былым почетом, но не утрачивали благоволения сил, сидевших у их дедовских очагов. И в Нагорном Карабахе, как и вообще в Армении и во многих других странах, очаг считался символом семейной спайки. И здесь выражение: «Да погаснет очаг твой» являлось высшим проклятьем, означавшим пожелание прекращения рода; и тут в каждом доме очаг был центром жизни семьи до самого последнего времени. У очага сажался почетный гость, здесь совершались зачастую обряды венчания и крестин; с очагом и добрым домашним гением прощалась невеста, уходя в дом мужа, где она поклонялась новому очагу. Очагом божились: «Эн оджахи»—*էն օջախը* и его призывали в свидетели правоты своих слов. Желая подчеркнуть, что такая-то семья является хранительницей добрых традиций и обладает нравственной устойчивостью, говорили: «Это ведь оджах»—*«օջախն է»*. Лучшей похвалой для девушки служили, слова: «Она дочь *оджах*-а—*«օջախի փախուհի է»*. Знатность, почет, положение в обществе, достаток давались оджахом, вернее добрым гением, сидевшим у него. И подобно тому, как его благоволение можно было перенести с огнем из родительского дома в дом выделившегося сына, так и силу сельского очага можно было перенести в другую деревню. Так, в Вагуасе сила семейного очага Дилаканц перешла от очага *Пан*-а—деда в Атерке, куда она, в свою очередь, перешла из Геташена (Чайкенд, Гянджинского р-на)¹⁶.

¹⁶ Ныне Ханларский р-н (прим. ред.).

Священные очаги ничем не отличались от обычных очагов и ими продолжали пользоваться для домашних надобностей. Но всегда тут же рядом стояли подсвечники для возжигания свечей. В редких случаях тут выставлялись церковные предметы—металлический крест, Евангелие, ларец с мощами в виде посеребренной или позолоченной десницы с коробочкой и т. д. Но эти предметы почти везде уже исчезли и были несомненно атрибутами позднейшего происхождения.

К очагам являлись молиться с возжиганием свечей и принесением в жертву петухов родные (женщины) больных и сами больные и «задетые», поправные—*кохвацнэр*. Голова петуха оставлялась тут же. Мясо варилось и чаще съедалось дома. Но в с. Нинги у оджаху Деранц искавшие исцеления «задетые» (иногда их бывало так много, что приходилось ждать очереди) прибегали к содействию знахаря-священника. Еще недавно это был внук покойного священника Дер-Карапета, унаследовавшего свое искусство от предков. Знахарь клал на затылок больному чашку с водой и произносил молитвы, наливал туда расплавленный на огне священного очага свинец с воском; по силе шипения узнавалось, как сильно больной «задет» злым духом. Процедура повторялась три раза. Самый очаг помещается во дворе, под открытым небом, в развалинах маленькой комнаты, уже освобожденной от провалившейся крыши.

ФОРМЫ ПОКЛОНЕНИЯ. МАГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

Хождение по сурбам и всем тем местам, которым приписывалась способность влиять на направление человеческих дел, сопровождалось обрядами, долженствующими обеспечить благоволение сверхъестественных сил, пребывавших в этих местах.

На первом месте стояло возжигание восковых свечей—самая распространенная форма почитания. Возжигание свечей сочеталось, хотя и не всегда, с возжиганием ладана. Последнее особенно практиковалось при посещении родных могил и совершении поминок. Но самым действительным средством приобрести благосклонность духов и высших сил считались жертвоприношения и общие обеды. На могилы покойников клалась «доля души»—*хокэбэжин* из кушаний, принесенных на кладбище во время поминок. Все поминальные обеды *жымаац*—«церковные обеды», повторявшиеся в течение года в доме умершего, являлись скрытой формой кормления его души. Менее сознавался скрытый действительный смысл жертвоприношений—*матах*, которые в позднейшее время имели характер некоторой благотворительности; мясо матаха целиком поедалось на месте и предлагалось всем прохожим или рассылалось соседям и в первую очередь—беднякам: матах нельзя было приносить домой с места богомолья.

Матах. Матах бывал общественным и частным. Первые приносились в большие праздники—в день Пасхи, Вардевара, Успения, Воздвижения креста и др. Группа лиц собирала с деревни деньги и покупала быка, а чаще—несколько баранов, и заказывала *лаваш*-и (длинные, очень тонкие хлеба). Животное закалывалось в день праздника, чаще всего у церкви, без совершения какого-либо церковного обряда, мясо либо варилось в больших котлах и раздавалось сельчанам в кусках, завернутых в лаваш, либо в сыром виде. Матах приносился также во время засухи и другого общественного бедствия.

Частный матах приносился обычно у мест богомолья, но иногда и у себя в деревне, например, по поводу выздоровления тяжелого больного или по обету¹⁷.

Присутствие священника было не обязательным. В большинстве случаев брали освященной соли (запас которой в некоторых местах *дэр-ами*—священниками оставлялся у сурпов или у церквей) или земли от сурпа, заставляли животное лизать ее и затем его закалывали, предварительно проведя его три раза вокруг святыни. Шкура и одна из передних ляжек принадлежали *дэр-у*. Выбиралось всегда жертвенное животное мужского пола: бык, баран или петух (последний предпочтительно приносился у священных очагов). Мясо редко раздавалось в сыром виде: обыкновенно и частный матах отваривался и заворачивался в лаваш. К известным праздникам принято было готовить традиционные кушанья (например, *хашил*—к празднику св. Саркиса). Вероятно, желанием почтить святого объясняется обычай целования камней и стен святыни, коленопреклонения, говения, посты—вплоть до полного воздержания от пищи.

Магические приемы. Карабахец в еще большей степени верил в действенность магических приемов. Он смазывал себе грудь и больное место землей, водой и древесным порошком со священного места или выпивал воду с растворенной в ней святой землей и порошком. Болезнь свою он «навешивал» с кусками своего платья или привязывал ниткой к веткам священного дерева, к камню родника, если тут не было дерева, к самому храму. Во время эпизоотии пастухи с Куспат и окружающих деревень пригоняли скот к святыне *Тавара-Хач*—Святыне скота и заставляли его

три раза обойти вокруг священного дерева. Пастухи ломали тут свои посохи и куски вешали на дерево. Так же поступали пастухи с больной скотиной у с. Дриаварз и в монастыре Шошк¹⁸.

Существовало поверие, что болезни можно пригвоздить к святому месту. У Сарксашена больные вбивали гвозди в священное дерево и, таким образом, по их мнению, излечивались от кашля. На многих священных деревьях можно было видеть ряд головок таких гвоздей, а также подковы (у с. Дзамдзор и Андунберк).

Обвязав шнуром *кыныч-кармур* дерево или шею жениха и руку невесты, считали, что тем самым заключали в круг все злые силы. По-видимому, и радуга, называемая по-карабахски *кыныч-кармур*—(зелено-красный), имела также магическое значение: ею после грозы—борьбы добрых и злых духов—*кашк-ов* связывались эти последние. Круг не должен был быть материальным: его можно было обвести действием, при этом троекратным. Над головой ребенка, «задетого» злой силой—*кохвац*, три раза обводили рукой, держа яйцо и гвоздь, затем зарывали это яйцо и гвоздь в могилу убитого. Сажая наседку на яйца, три раза одним яйцом обводили рукой вокруг корзины с яйцами, клали это яйцо в центре остальных яиц и потом уже сажали курицу¹⁹. Являясь к сурпу, обходили его три раза справа налево, чаще всего на коленях. Такой же троекратный круг описывала мать жениха перед вступлением новобрачной пары в ее дом. Таким образом, она как бы приносила себя в жертву, подобно тому, как жертвенного барана или быка три раза заставляли обойти святыню: так объяснял на-

¹⁷ Вокруг больного обносили барана или петуха. Если тот поправлялся—этот баран или петух приносился в жертву.

¹⁸ Израелов Г. Село Касапет..., с. 49; *Չիրիդի*, с. 202.

¹⁹ Там же, с. 243.

род. Надо думать, что обряд описания круга имеет целью прочнее связать пару и их кавора вместе²⁰, охранить от вторжения злых сил в их отношения.

Если заключение в круг «связывает», то выход из круга «развязывает», «освобождает». Такое действие приписывали прохождению сквозь отверстие. У сурпа Сарибек, в монастыре Птхесберке, в Авантуке показывают камни, в которых проделаны отверстия: сквозь эти отверстия проползали бездетные женщины, чтобы освободиться от бесплодия. В Дзамдзоре под старым корнем священного дерева протискивали в его отверстие детей с большим горлом. В Шмонеке (у с. Чартар) три больших камня вместе со скалой образуют нечто вроде тоннеля: через него прогоняли корову, которая задерживала молоко, не подпускала теленка сосать ее или не давалась донть. У богомолья Гизат (около с. Хин Кятук) во время засухи выливали воду сквозь отверстие в скале: тотчас начинался ливень, «небесные воды освобождались». В с. Норшен хилых детей просовывали сквозь дупло священного дерева. Это прохождение сквозь отверстие не только снимало с человека и скотины всякое колдовство и злое навождение, но и вообще меняло человека. Может быть, этим вызвано уверение карабахцев, что у прошедших под радугой (сквозь кольцо радуги) менялся пол: мужчины становились женщинами, а женщины — мужчинами.

В Нагорном Карабахе было распространено вызывание желанного действия совершением подобного же ему действия. Выше было описано, как для того, чтобы

помочь родам, здоровая женщина садилась курицей над окошком в потолке и симулировала несение яйца: «Я уже снесла, рожай поскорей и ты!» Когда рождался мальчик, бабка бросала часть пуповины на открытое место, «чтоб выросши, он не стеснялся большого общества и играл в нем роль»; когда же рождалась девочка, бросали пуповину куда-нибудь в уголок; девочка вырастет скромной, стыдливой хозяйкой-домоседкой. Женщины после похорон начисто стирали белье покойного, чтобы душа его в чистом виде предстала на том свете. Глубокой древностью несет от обычаев, связанных с вызыванием дождя в засуху, и обратное, с вызыванием солнца во время продолжительных ливней. В соху — *кыр* вместо волов впрягалось несколько пар женщин, а другие их погоняли, обливая водой и браня самыми площадными словами. «Волы» в платье заходили в ручей, канаву или в ладью для водопоя у родника и проводили сохой несколько раз борозды по воде, а вся толпа женщин вопила к небу, прося ниспослать дождь. Затем, помолвившись в церкви и зажегши там изготовленные дома *луйс* — восковые свечи о трех концах, приносили общественную жертву (Вагуас, Атерк, Дзамдзор).

Для того, чтобы остановить продолжительные дожди, опасные для всходов, вызывали солнце, которое по мнению карабахцев, являлось существом женского пола. Женщины собирались в ограде церкви и помогали маленьким девочкам 8—10 лет делать из пакрест связанных палочек куклу, одевали ее в женское платье, и девочки затем ходили с этой куклой — *чоли* по дворам, распевая песню: «Чоли, Чоли, Чоли нет. Приготовили бы мы *хавиц* (мучное блюдо на взбитом масле), да масла нет. Чоли упала в море — некому ее оттуда вытащить, дайте яйца в ручки ей положить,

²⁰ Подобно этому в Новгородской губернии пастух совершал трижды «обход» своего стада перед выгоном весной в поле, чтобы сплотить их, чтобы не разбегались и чтобы в поле зверь не напал на скотину. См. *Феноменов*, Современная деревня. М., 1925, I, с. 106.

дайте масла—ей волосы умаслить и т. д.»²¹. Собирали масло, яйцо, муку, рис, хлеб и все это сносили в ограду церкви, где готовилась специальная каша, которая тут же поедалась женским населением села в присутствии куклы.

В обоих случаях, при вызывании как дождя, так и солнца, мужчины оставались лишь зрителями, а участие принимали одни женщины: характерные пережитки тех времен, когда возделывание земли было исключительно женским делом.

Чтобы остановить град, «перевернуть» погоду, народ, чтобы разогнать злых духов, не только трезвонил в колокола и подымал всячески шум, но переворачивал (*пыранэл*) камни, а женщины выбрасывали во двор под дождь *таган* (треножник) вверх ногами и чтобы обратить крупный град в мелкий, начинали градины делить пополам ножом или топором.

Чтобы женщина забеременела, «отяжелела»—*цынрана*, она брала себе на затылок тяжелый камень, обходила храм три раза на коленях и затем священник (или монах) в церкви, покрыв ее подолом своей ризы, читал над ней молитвы. Камень она уносила с собой домой.

Если скотина терялась и ее не находили, то, чтобы ее не растерзали волки в лесу или в поле, последним «связывали» пасть особым способом, который назывался *кюлкап*, т. е. «связыванием волка». В руки брали шнур или веревку и трижды описывали круг в воздухе, как бы над тем местом, где должна была быть по предположению скотина. При этом произносили: «Ловлю волка, связываю волка» и т. д., тем самым как бы заключали скотину в круг, в который

волк уже проникнуть не мог, и затем повязывали шнур (веревку) на лезвие ножа или кинжала тремя узлами. Существовал и другой вариант: совершив в воздухе подобного рода движение топором, топор вбивали в зубья чесалки от шерсти и прятали в такое место, где никто не мог его тронуть. Уверяли, что не раз пастихи на следующий день или несколько дней спустя находили скотину в лесу или в поле спокойно пасущуюся, а рядом с ней волка, который не в силах был раскрыть пасти²².

Не только действие имело магическое влияние, но и мысль, заключения в слове, и даже само слово. Благословение или проклятие может сделать человека счастливым или несчастным. У опытных старух, знахарок и колдунов—*чопчи* существовал целый запас молитв, заклинаний, заговоров и т. п., которыми они одной «чудесной силой» слов, иногда потерявших смысл (проникших из забытых уже языков) вызывали желательные результаты. Эти магические формулы не сообщали посторонним из боязни, что формулы утратят свою магическую силу (вернее, чтобы не потерять своего дохода) и передавали их в своем роде из поколения в поколение. Свою магическую силу слово сохраняло и тогда, когда оно написано. Ловкие знахари писали таинственные молитвы на сложенных треугольником бумажках, которые пришивались к одежде больного, клались ему под подушку или опускались в воду, которую затем или давали пить больному, или зарывали в землю у порога дверей. Иногда эти бумажки имели форму длинного узкого свитка в 3—4 метра: свитки эти имели постоянную силу, между

²² Ср. такой обычай у осетин. Чурсин Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис, 1925, с. 207 (Отд. оттиск из трудов Закавказской Ассоциации, сер. 1, Юго-Осетия).

²¹ Ср. такие же обычаи и в с. Каринтак (Даш-Алты). Осипов Г. Селение Даш-Алты..., с. 133.

тем, как треугольные бумажки сохраняли свою силу только на определенный случай.

Человек больше всего страдает от «сглаза». Этой опасности подвержены не только человек, но и домашняя скотина, птица, даже пчела и червь шелкопряда. От «сглаза» спасают различные талисманы, прежде всего, «глазные бусы»—*ашка улунк*—черные кубики с белыми точечками в виде глазочков. Их навешивали на люльки, нашивали на плечики детям, вешали животным на грудь. В Нагорном Карабахе особенно верили в защитную силу *бырышни*—калины, а также всех сделанных из нее предметов; ярмо из этого дерева наверняка спасало волов от сглаза²³. Можно было, наконец, сглаз набить, «пригвоздить», как всякую другую болезнь; так в Дзамдзоре, вбивая в ствол священного дерева гвозди, приговаривали: «Злой глаз—злой гвоздь»—*շըր շըր, շըր մէր*:

Боясь сглаза, карабахец боялся считать свое добро. Он, конечно, великолепно знал, сколько у него волов, коров, лошадей, ослов, овец, кур или сколько чвалов он собрал урожая²⁴, но никогда не стал бы он вслух считать. Даже своим детям часто не сообщал он размера своего достатка и дохода. Он как бы боялся, что слова его будут подслушаны злыми духами—кашками, которые, конечно, постараются напустить порчу на его добро. Этот страх перед счетом является нередко и теперь одной из причин того, что карабахец с большим трудом дает официальные сведения о своем имуществе и тем затрудняет статистическое обследование, столь необходимое для рационального устройства его хозяйственной жизни при новых, послереволюционных

порядках. От несчастного последствия счета карабахец старается себя оградить теми же магическими приемами, какими и от сглаза.

ЧЕРТИ—КАШКИ

Научные объяснения кажущихся таинственными явлений природы еще так мало проникли в среду крестьянских масс Нагорного Карабаха, что до последнего времени в них продолжал жить страх перед силами, которые управляют этими явлениями. Этот страх был особенно силен среди женского населения, менее соприкасающегося с новой городской культурой.

Вся природа наполнена злыми духами—*кашк*-ами. Они насылают болезнь, тяжелые нравственные переживания, смерть, несчастья в семейной жизни и неудачу в делах. Они живут везде—в воде, в воздухе, в скалах, особенно в темных пещерах и расщелинах, в заброшенных мельницах и развалинах. Над меликскими карадами в с. Аветаранок зияет открытый вход в пещеру—«Дом *кашк*-ов»—*кашкатон*. Когда-то затененные густыми лесами ущелья между деревнями Тахлар и Азох до сих пор называются «Чертовыми»—*Кашкадзор*-ом. В этих местах и теперь карабахец избегает проходить ночью. Кашки бывали мужского и женского пола, старики, молодые и дети. По мнению одних, они бессмертны (Сос, Чартар, Атерк), по мнению же дзамдзорцев, они смертны: их убивает молния, от которой они стараются укрыться под высокими деревьями и камнями. Потому-то меч ангелов—молния и поражает чаще всего эти места. Они любят устраивать свадьбы с музыкой (зурной), но это одна только шутка—*тыназ*, для завлечения прохожих. Как-то они завлекли музыкой в свою компанию Джангира из деревни Сос, повели его на вершину скалы и предло-

²³ *Վերջինիս*, с. 240.

²⁴ Чувал—«джвал» или 10 лак-ов = 7 1/2 пудам. Лак = 30 фунтам.

жили спрыгнуть вниз; он перекрестился; замолкла музыка, все они исчезли, Джангир остался один. Это они сбрасывают в воду уснувшего на берегу человека или же скатывают в обрыв заснувшего в горах. Они забираются в конюшни, садятся верхом на лошадей, свивают им гривы и мучают на месте до потения. Раз хозяин смазал спину лошади смолой, а на следующий день поймал прилипшего к ее спине кашка. Страсть у кашков—выкрадывать из дома новые наряды,рядиться и всю ночь плясать в них. На следующий день хозяйка находит эти платья на месте, но помятыми, со следами пятен.

Ночью кашки проникают в деревни к спящим крестьянам и душат детей в люльках. Наутро мать находит ребенка мертвым. Правда, она не желает признаться, что кормя ребенка, заснула и своей грудью удушила его. Во всем виноваты кашки.

Они могут принимать всякий образ, например, козла, даже мухи и вредить. Иногда они околдовывают человека и превращают его (обычно женщин) в волка, в *мыртакул*—человека-волка, который ночью рыщет со стаями волков, а днем принимает человеческого образ и возвращается в людское общество. Это человек-волк утаскивал у уснувших матерей детей из люлек, и кости их затем подбирали где-нибудь у околицы. Он разрывал свежие могилы и пожирал трупы. Но если случится найти волчью шкуру, в которую человек-волк переодевается ночью, и сжечь ее—все чары спадут, человек перестанет рыскать ночью волком.

Кашк любил пребывать около человеческого жилья, чаще всего у порога, в противоположность доброму гению дома, который восседает у очага. Происходила ли дома свадьба, начинались ли роды, готовилась ли пища или кипятилось молоко—кашк тут как тут. Он старался все «перевернуть»—*тырсыцнел*, все обратить

во зло. Недаром и ноги у него были выворочены пятками наперед и пальцами назад. Он все делал наперекор и наоборот. Как-то Акоп-апэру (с. Чартар) удалось поймать одного кашка, который не заметил, как ему в платье воткнули стальную иглу. Черт стал служить дяде Акопу, пока не дал слова, что перестанет вредить ему. Черт этот все делал обратно тому, как ему показывали. Так, если надо было послать его за водой, надо было вместо того, чтобы сказать: «Принеси воды», сказать: «Возьми кувшин и разбей».

Кашки появлялись всюду с наступлением темноты, после заката солнца. Ночью не следует нагибаться и пить из ручья или родника—кашк может завлечь тебя в воду и утопить, а потому раньше чем нагнуться, надо перекреститься (с. Сос). Нельзя после заката солнца одалживать ни сита, ни весов, ни огня—иначе все предметы и припасы, с которыми они связаны, потеряют спорость—*барик* (баракят) и быстро иссякнут: кашк станет их таскать из дома.

Нельзя после заката подметать комнату, чтобы не задеть черта: если это необходимо, то надо отломить от веника прутик и кинуть его в огонь; нельзя лить теплую воду (которой коснулся огонь) на землю, по той же причине ее надо слить в другую посуду (с. Тахлар); нельзя выбрасывать сор у порога, где сидят кашки. С наступлением сумерек женщины прекращали шить и вязать и вообще оставляли всякое рукоделие. Это было обязательным, в особенности в течение восьми дней после Крещения и после Пасхи до Вознесения²⁵; иначе можно было схватить куриную слепоту—*авкур*. Если роженице запрещалось показываться на солнце или молодой ходить днем за водой

²⁵ После Пасхи до Вознесения крестьяне по пятницам не перерачивали—турур чын там—*штырчир дры штыр*—земли, т. е. не пахали, не копали в саду и на огороде.

в период сорокодневия (они могли выходить из дома лишь до восхода и после заката солнца), то это логически вытекало из того представления, что в это время женщина нечиста, «погана», как бы находится во власти темных сил и своим появлением перед лучами солнца может их оскорбить, осквернить.

Чтобы помешать кашкам выполнить злое намерение, поднимали шум. Такого происхождения тот шум, которым наполнялся дом во время родов, крики и стрельба макаров на улице вокруг невесты и жениха, трезвон колоколов во время градобития, стрельба в ночь на Навасард. Чертей можно было отгонять, осенив себя крестом и произнося имя Христа, Богородицы и вообще святых. Но больше всего они боялись стальных предметов. Это, по-видимому, находится в связи с тем убеждением, что сталь (огниво) сродни с молнией, которую она высекает в виде искры из кремня. Во время родов под подушку роженицы клали стальные и железные предметы—веретено, нож, пожницы, кинжал, замок, а перед порогом, где сидели кашки, кидали цепь. Такие же стальные предметы можно было найти и под подушкой у ребенка. Лемех, нож, ключ, погруженные в кровь свадебного быка (барана), имели такое же значение. В пятницу на Страстной неделе кузнецы изготовляли стальные кольца, которые девушки носили на среднем пальце левой руки, чтобы оградить себя от кашков (с. Гадрут, Тахлар и др.). Детям нашивали на плечики маленькое стальное огниво²⁶, так как оно спасает от злого духа и от поражения молнией: верили, что в этом месте черт прячется за спиной.

²⁶ Эти огнива в виде кольца изготовлялись кузнецами в Страстную пятницу и назывались *орпатарур*. Так же назывались и крестики из ниток, нашиваемые в этот день на плечики.

Вообще, чтобы уберечь не только живые существа, но и неодушевленные предметы от приближения кашков, надо воткнуть в них иголку (в платье, рукоделье) или вбить (в дверь) гвозди с широкими головками либо подкову. Причиной сглаза обыкновенно являются кашки; это их злое дыхание—«нафас» обдаёт предмет, который кому-либо нравится, и потому все приемы против сглаза являются и приемами против них: «*աշխի ասի, աշխի ևի ասի*»—сглазить, равносильно выражению «нафас ни кял»—*նաֆաս ևի Կլալ*, проникнуть внутрь дыханием²⁷.

Надо бояться не одних злых духов—кашков. Добрые духи, живущие в разных священных местах, не прочь насолить человеку, если им не оказать должного почтения, не снять шапки, проходя мимо них, не поклониться, не приложиться к ним, не возжечь свечи и пр. Они очень мстительны. В гневе они были опаснее кашков, и потому в случае какого-либо несчастья прежде всего необходимо было знать, кто из них является причиной и чем только возможно убажить его и побудить сменить гнев на милость. Вот для чего нужны были знахари, колдуны, гадатели. И их было множество в Нагорном Карабахе.

«РАБЫ СВЯТЫХ»

В Нагорном Карабахе, как и во многих других армянских провинциях, до последнего времени можно было в храмовые праздники у большинства святынь

²⁷ Во время родов не называли роженицу по имени, боясь, что его подслушает черт и воспользуется, чтобы увлечь ее за собой. Этим объясняется и то, что взрослые редко называли друг друга по имени, а более описательно: мой муж, твой сын, старшая невестка, отец моего мужа, дочь такого-то, сын такого-то, а имена детей коверкались.

видеть следующую сцену: у входов в храм валялся на земле человек—женщина или мужчина (или их бывало несколько), тряся, корчился в судорогах и как бы в беспамятстве произносил бессвязные слова. Народ верил, что в эту минуту с ними говорил святой²⁸. Эти «рабы святых»—*сырпи хул* или припадочные—*ынкнавор* вызывали в толпе благоговение и, рассказывая о своих видениях, передавали волю святого, которая в большинстве случаев сводилась к призыву покаяться, молиться и не забывать святого щедрыми подношениями, которые потом попадали, конечно, к этим же «рабам святых». Эта грубая эксплуатация народного суеверия прекратилась после революции: по крайней мере, в тех местах, где мне пришлось побывать, говорили об этих «рабах» как о совершенно исчезнувшем явлении.

ПРИСЯГА

Карабахец для доказательства правоты своих слов привык клясться и клянется тем, что для него свято. Но еще не так давно при судебном разбирательстве для выяснения истины прибегали к своего рода «божьему суду», формы которого носят яркие следы архаичности. Когда не хватало прямых улик и судьи сами не могли разобраться в деле, вопрос выяснялся публичной присягой. Обвиняемого приводили в церковь, где сначала священник заставлял его поклясться приложением к кресту и Евангелию в невинности, а затем подводили его к зажженным на алтаре свечам. Если ему удавалось одним дуновением погасить поочередно каждую свечу—он объявлялся невинным;

²⁸ Одну из сцен у Дизапайтского богомолья описал Бабаханян А. См. *Ուրիշ Գրքերի Գրքերի...* с. 73.

в противном случае—он привлекался к ответственности.

Еще ближе к примитивной форме стэнт принесение присяги не в церкви, а у сурпа—у этих остатков языческого богопочитания. Там тоже зажигались свечи и также требовалось гасить их поочередно одним дуновением. Но предварительно каждый из присутствующих брал камень и бросал его вверх со словами: «Боже, укажи камень виновного», «Боже, накажи, виновного»,—*«Աստօճ, քարը տու քող տիրի»*, *«Աստօճ, տու ճշմարիտը անմեղին»*: (с. Дзамдзор). В этой формуле, видимо, сохранилось указание на то, что в древности признанный по «божьему суду» виновным тут же избивался камнями.

Эта публичная присяга считалась в Нагорном Карабахе очень тягостной. Обыкновенно из-за денежных расчетов редко кто решался подвергать себя ей и предпочитал заплатить штраф и вообще взять на себя денежное взыскание, чем идти на этот риск. Следует заметить, что даже в том случае, когда гашением свечей в церкви или у святыни выяснялась невинность человека, все же в общественном мнении всегда сохранялась некоторая тень подозрения к нему.

КОСМОГЕНИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Когда-то небо было так близко, что касалось земли, и Бог ходил по земле и беседовал с людьми. Тогда злаки тянулись к небу прямо с земли, без стеблей, длинными колосьями. Но однажды старуха с ребенком на руках проходила по ниве. Ребенок на ниве испражнился. Старуха стала искать, чем бы его подтереть. Она сорвала несколько колосьев (по другой версии—Дзамдзорской—достала хлеб-лаваш) и ими подтерла ребенка, но так неосторожно откинула грязные колосья, что попала в небо. Раздался гром, и

небо с треском поднялось вверх. Послышался гневный голос бога: «Отныне никто из людей меня не увидит, кроме праведников».

За небом потянулись вверх и колосья, но собаки начали жалобно выть. Бог сжалился над ними и оставил по маленькому колосу на верхушках вытянутых стеблей. С тех пор бога могут видеть лишь праведники и то только тогда, когда небо раскрывается, а оно раскрывается под великие праздники (например, Вознесения) или в сильную грозу, когда за оглушительными раскатами грома сверкают мечи-молнии (с. Сос)²⁹. И если кому посчастливится в это время заглянуть внутрь неба и выразить какое-либо желание—оно непременно исполняется.

Солнце и луна—родные сестра и брат. Сестра—солнце жаловалась, что она боится выходить ночью, а днем ей тоже стыдно: все смотрят на нее. Мать тогда сказала: «Сыночек—луна, ты ходи по ночам, а ты, солнышко, будешь ходить днем. А чтобы никто не глядел на тебя, на, возьми пучок иголок и коли всем глаза, кто посмеет взглянуть на тебя». И вот сестра—солнце, сидя на льве, пускается днем в путь по небу и своими лучами-иголками не дает никому глядеть на себя, а лев оберегает ее от нападения злых духов—кашков (с. Сос, Дзамдзор, Ванк).

И солнце, и луна поочередно уходят в объятия матери и поочередно оттуда восходят. Утренней и вечерней зарей небо горит ярко-красным и фиолетовым блеском потому, что одно из светил, заходящее, наперед радуется ожидающим его ласкам матери, а другое же, восходящее, только что вырвалось из ее горячих объятий (с. Дзамдзор).

²⁹ Ср. верования дашалтыцев (с. Каринтак). Осипов Г. Селение Даш-Алты..., с. 134.

С рождением человека на небе появляется звезда, она светит ему всю его жизнь и падает, как только он умирает. Крупные звезды принадлежат могущественным людям, маленькие—простым. Более ярким светом светятся звезды людей добродетельных, более тусклым—звезды порочных людей.

Затмения солнца и луны происходят от того, что злые духи—кашки пытаются овладеть ими. Тогда на земле женщины поднимают вой, мужчины стреляют из ружья, звонят в колокола, бьют в медную посуду, чтобы напугать чертей и освободить солнце или луну (с. Сос, Вагуас).

Млечный путь называется «Путь украшавшего саман вора»—«*Шришн хонн шинишн*»: У мужика не хватило самана для волов (по другой версии, для верблюдов—с. Мардакерт) и никто не хотел ему одолжить его, тогда мужик украл саман у соседа, но когда нес мешки домой, то поднялась буря и он был поднят на небо, саман же по пути разбросало: это его след теперь виден на небе (с. Атерк)³⁰. Такое объяснение дают в Хаченском и Джрабердском районах, в Варадинском и Дизакском же рассказы очень сбивчивы, хотя и здесь путь называется «Путь самана»—«*Шришн хонн*», но одновременно с рассказом о том, что кто-то украл саман и рассыпал его по дороге, рассказывается нечто, напоминающее предание о Гере и Геракле: женщина-оборотень, обращавшаяся ночью в волка, мыла раз ноги гостю и заметила, какие они у него жирные; ночью, когда все спали, она забралась к нему в комнату, чтобы сожрать его. Гость, защищаясь, кинжалом ранил ее в грудь; из груди брызнуло молоко—след до сих пор виден на небе (с. Сос)³¹.

³⁰ Ср. предание о Вахагне у Мовсеса Хоренац.

³¹ Ср. *Шришн*, с. 219.

Гром (*ыротум*)—происходит от того, что какая-то старуха, наполнив мешок камнями, катает по небу, а молния (*кецак*)—это меч (посох) в руках ангелов (Бога), которым они преследуют и разят кашков. От ударов этого меча бесы стараются скрыться под землю или укрыться под высокими скалами и деревьями.

По другой версии (с. Нынги) небес семь, и на седьмом небе пребывает бог; возле него простирается море; когда оно бушует от вихря (*ылыкоцны*), слышатся раскаты грома; молнии—сверкающие следы мечущихся рыб во время бури. Когда Бог набирает в полу воды и брызгает ею или когда он ударяет по морю и разрывает его—льет дождь.

При первой грозе крестьяне грызли железо и били себя по голове камнями, приговаривая: «Камень нам в голову, железо на соху». Поступали так, чтобы в этом году не было града.

Радуга—*кыныч-кармур* (зелено-красная)—это пояс бога, которым он сковывает враждебных человеку духов. Каждый цвет радуги означает ту или иную народность; самые яркие цвета—армянские. По ширине и яркости полос радуги гадают о будущем: если желтый цвет шире—быть болезням, если красный—быть обильному урожаю вина, если зеленый—жди богатых всходов хлеба (с. Дзамдзор).

Землетрясения—*шарж, жажк*—бывают тогда, когда живущий под землею бык махает хвостом и бьет себя по спине или же трясет ушами (с. Дзамдзор, Атерк). В Варанде другие прибавляют, что оно происходит тогда, когда вихрь—*ылыкоцны*—проникает в подземный океан и вздымает там волны.

ПРАЗДНИКИ

Как и в других армянских провинциях, и в Нагорном Карабахе христианские праздники, приуроченные к языческим праздникам, тесно сплелись с языческими обрядами. В народном сознании эти последние выступали часто резче и рельефнее, чем те или другие стороны христианского церковного богочитания. Широкое участие населения всех возрастов в праздниках выражалось не в церковных службах и устройстве процессий с участием священников, а в форме народных развлечений. Может быть, совсем не случайное явление, что христианские символы—крест и икона—не помещались в частных домах: нигде в Нагорном Карабахе в жилых помещениях нельзя было их встретить, разве только, и то в крайне редких случаях, у священных очагов. Тут не столько церковь ворвалась в общенародную и частную жизнь, сколько скорее последняя—в церковь. Даже заклание жертвенного животного не всегда требовало присутствия священника. Были также праздники, которые вовсе не отмечались церковью. Таков *Навасард*³²—праздник древнеармянского Нового года, когда-то справлявшийся торжественно и всенародно армянскими царями. До последнего времени он прочно держался во всех деревнях Нагорного Карабаха. Правда, в г. Шуши он был предан забвению и заменен празднованием 1-го января со взаимными посещениями и поздравлениями. Однако в крестьянской среде к Навасарду продолжали готовить разные печенья (молочные, сладкие, с начинкой, «ушки»), варили *коркот* из баранины или свиной головы—*хозклох* и пшеничной крупы, покупали

³² В Нагорном Карабахе он праздновался не 11-го августа, как значится в церковном календаре, а в ноябре, осенью, как было в древности.

для всех членов дома обновки, особенно для детей, мать раздавала всем сушеные фрукты и сласти, жених и его родственники приносили невесте подарки в виде платка, носков, отреза на платье, фруктов и сладостей. Иногда эти подарки накануне вечером незаметно опускались завернутыми в платок в дом через окошечко в потолке. Такими же подарками обменивались соседи и друзья. Особенно характерно то, что в этот день домохозяева отправлялись с поздравлениями и подарками (яблоками и вином) к сельскому старосте и священнику. В этот день во дворе вешали на деревьях платье красного цвета и всякие куски материи красного цвета (с. Сос)³³.

Хотя проникшие в деревню городские обычаи успели в достаточной мере ослабить празднование Навасарда, все же вместо него не успело установиться празднование Нового года 1-го января, которое в селах проходит незаметно.

На начало гражданского года падает Рождество и Крещение, которые по преданиям армянской церкви, празднуются одновременно, друг за другом, с вечера 5-го января по вечер 6-го января.

Праздник этот менее всего был отмечен местными языческими переживаниями. Накануне его выпекался пресный пирог—*кыркэни* на постном масле из муки и ореха, куда предварительно была замешена горошина или фасоль, лоби, мелкая серебряная монета, знак достатка—*довлат*-а. Пирог этот торжественно, в присутствии всей семьи разрезался на части, причем выделялись доли пирога не только для отсутствующих членов семьи, но и для животных, даже для собаки, не забывался и домашний очаг. В чьей доле окажется довлат, на том и будет зиждиться благосостояние

семьи в течение всего наступающего года. Особенно хорошей приметой считалось, если горошины, обнаруженные в доле, выпали очагу. Применение этого способа предугадывания будущего, однако, не во всех селениях приурочивалось к кануну Рождества; в других местах (с. Вагуас) этот раздел пирога *кыркэни* происходил накануне Навасарда, что вполне логично, раз Новый год начинался с этого дня³⁴.

За две недели Великого поста праздновался день супи (святого) Саркиса. Хотя пост этот не был признан армянским церковным календарем, в эти дни воспрещалось мыть голову и стирать белье, девушки воздерживались в течение пяти дней от обычной пищи, довольствуясь сухим хлебом, который ели после заката солнца; только таким воздержанием можно было приобрести благосклонность святого и его содействие, чтобы иметь на свадьбе ясную погоду, а не тучи, снег и бурю. В пятницу мололи ручными жерновами жареную пшеницу—*похиндз*, из которой, смешав ее водой с сахаром, медом или сладким виноградным соком, скатывали шарики и раздавали всем членам семьи. Взрослые девушки и парни, откусив от него одну часть, из оставшейся части скатывали новый маленький шарик, чтобы на следующий день рано утром выбросить его на крышу и проследить, куда отнесет его птичка. Если отнесет на чужую крышу и станет там клевать, оттуда и быть жениху или невесте; если нач-

³⁴ Ср. обычай Геташена (Чайкенда)—выселенцев из Нагорного Карабаха. См. Джейранов Ф. Село Чайкенд Елизаветпольского уезда той же губернии—СМОМПК, 1898, вып. 25, с. 99. Слово *կրկենի*—кыркэни у Р. Ачаряна сопоставляется со словом *կրակ*—кыракени (от слова *կրակ*—кырак, огонь), которое в хойском наречии означает пресный хлеб, первый выпекаемый на мельнице из свежей муки, (*Հր. Անադյան, Հայերեն զավառական բառերի—հայերեն ազգագրական ժողովածու, 3. 9, Քիֆլիս, 1913*).

³³ Ср. Осипов Г. Селение Даш-Алты..., с. 124.

нет клевать тут же на крыше—значит, не бывать в этом году свадьбе³⁵.

В этот же вечер под субботу, когда все ложились спать, хозяйка ставила за дверью (или на крышу—с. Вагуас) медный поднос с сухим похиндзом. Ночью по всем домам разъезжал сурп Саркис на своем белом коне, и там, где он бывал доволен домашними и их приношениями, конь его оставлял на похиндзе след копыта задней ноги. Хозяйка из этой пшеницы варила кашу—*хашил*, которая раскладывалась по тарелкам или мискам; посредине каши ложкой вдавливалось углубление, куда наливалось растопленное масло, а по краям—сыворотка; взяв ложкой немного хашила, обмакивали в масло и сыворотку и ели.

На основании материалов, рисующих празднование сурп Саркиса в различных провинциях Армении, исследователь армянских народных верований М. Абемян приходит к заключению³⁶, что тут мы имеем дело с пережитками языческого культа божества ветра и снежного вихря. Он справедливо видит в приношении ему похиндза остатки древнего обычая умиротствления духа ветров посредством муки, распространенного среди многих индоевропейских народов.

Масленица была самая веселая пора в деревне. Несмотря на то, что еще везде лежал снег, население всех возрастов предавалось веселью, в особенности начиная с четверга, когда и женщины, и мужчины переставали работать и наравне с детьми развлекались, затеявая всевозможные игры. Старики не стеснялись

³⁵ Վարկիւմ, с. 251.

³⁶ Manuk Ateghian, Der Armenis'e Volksglaube, Лейпциг. 1889, с. 96.

Отметим, что труд этот был переиздан в наши дни в переводе на арм. яз. См. Մանուկ Ադեգյան, Հայ ժողովրդական հավատք, երկեր, Երևան, 1975, հ. 1 (прим. ред.).

примкнуть к той или иной из двух партий—*даста* во время игры в мяч—*топ* (его шили из кусков материи с ядром из шерсти или волос). Одна партия старалась загнать ударом палки мячик подальше, а другая—палками же отбросить его назад.

Другие играли в *сурмагили*. Молодежь с азартом играла в *чилинги* или *кундэ*, бойко перебрасывая далеко палкой в 0,70—1,00 м длины заостренную с обоих концов палочку в 10—15 см., или, разбившись на две группы и выбрав себе по «матке»—*мэр*, начинали *шымпур-шымпури*: одна группа, держась друг за друга и наклонив головы, образует козлы, а другая—поодиночке с разбега вскакивает на эти козлы; если кто из нижней группы не выдержит тяжести и оседет, то проигрывает нижняя группа, если же кто из вскочивших сползет с козел, проигрывает верхняя и сама превращается в козлы. Девушки собирались в отдельную группу, качались на качелях—*ճիւճէիլի փճէիլի* (с. Сос, Чартар). Со всеми этими играми сочетались своего рода пикники—*псон*—из излишков продуктов, так как каждая семья в эти дни старалась побольше наготовить, и сверстники собирались на кутеж со своими продуктами.

В воскресенье молодые люди в прежнее время устраивали целое представление. Одного из товарищей наряжали в самодельный костюм из овечьих шкур шерстью вверх, навешивали на него кости и всякое старое оружие—сабли, кинжалы, пистолеты, ружье; напяливали на голову старую изодранную шапку задом наперед, смазывали ему лицо сажей и сажали на ослицу лицом к хвосту и, дав ему в руки хвост ослицы, всей гурьбой, предшествуемые оркестром зурначей и тымблachi—барабанщика, переходили от двора ко двору, крича: «Дорогу владыке ослицы—«Ճամբարի լիւր լիւր»». Молодежь острила, высмеивала и пере-

дразнивала «владык» и всех встречающих, требовала подношений. Со всех домов выносили яйца, масло, муку, пшеницу, кушанья, деньги. Вечером вся компания парней устраивала пир (с. Сос и Чартар)³⁷.

Эта инсценировка собирания приношений (пода-тей) в некоторых районах Нагорного Карабаха носила более сложный характер, напоминающий тифлисское Кееноба. Тут один из парней рядился Хан-ом—в вывороченные наизнанку шубу и шаровары, опоясывался цветным кушаком, к которому привешивал на веревке саблю без ножен, на голову натягивал изодранную шапку, раскрашивал себе лицо, приклеивал усы из козьей шерсти и, взяв в руки палку-скипетр, садился на «трон»—перевернутую вверх дном корзину. Рядом с ним становился его *Визирь*, в обычной одежде с палкой в руке. Третий, из грамотных, исполнял роль *Мирз-ы* (секретаря). Архаичен был костюм четвертого—*Кёс-ы*: на него надевался овечий тулуп навыворот, узкие шаровары, которые, чтобы более придать его ногам вид козлиных ног, туго стягивались у голени выше ступни, на голову надевалась войлочная шапка, с войлочными же козлиными рогами; она закрывала и лицо и шею, так что получалась своего рода маска с отверстиями для рта и глаз. К этой маске прикреплялась козлиная борода. Поясом служила веревка с привешанной к ней длинной деревянной шашкой. В одной руке деревянный кинжал, в другой—короткая палка. Недалеко от трона возводилась виселица с веревочной петлей, а у подножия виселицы становились два *фэраш-а*—палача. Журна-тымбла приглашали народ на представление.

Когда народ собирался, Хан шептал что-то на ухо Визирю. Тот приказывал притащить к нему такого-то (из публики, даже из дома). Кеса бросался

³⁷ Ср. *Չարիք*, с. 342.

исполнять приказание. Начинался допрос арестованного. Допрашивал Визирь: «Как ты смел не платить Хану подати?» Допрашиваемый обещал заплатить и начинался торг, сколько он должен заплатить пшеницей или деньгами. Представлялась сцена собирания в былые «ханские» времена налогов со всеми извинениями со стороны привлеченных и угрозой наказания виселицей, ударами палки и т. п. со стороны ханских людей. Если кто не мог тут же внести подать, Хан приказывал Мирзе записать ее за ним, чтобы на следующий день все собрал, пшеницу продать и на вырученные деньги устроить кутеж, а остаток поделить между собой.

Закончив сбор, Хан садился на осла (ослицу) задом наперед и, держась за хвост вместо узды, пускался со своей свитой под веселые насмешки товарищей и мальчишек и звуки зурны-тымбла по деревне домой. Кёса, подплясывая в такт, подпрыгивал впереди всех, строя гримасы и угрожая своими рогами то одному, то другому из встречающих³⁸.

Друзья и родственники проводили воскресный вечер перед Великим постом вместе, являясь каждый со своим кушаньем, плотно наедались и хорошо напивались ввиду предстоящего семинедельного поста; под конец съедалось по яйцу для «замыкания рта», с тем, чтобы на Пасху «разомкнуть его» яйцом же. Впрочем, молодые избегали делать это в этот вечер, т. к. им предстояло и на следующий день, в понедельник доесть все, что осталось от скромных блюд Масленицы. Из всех домов раздавалась непрерывная ружейная стрельба.

В с. Гадрут³⁹ после ужина дети подавали отцу поднос с различными фруктами, веревкой и кнутом.

³⁸ Ср. *Джейранов Ф.* Село Чайкенд..., с. 48, 125.

³⁹ *Давидбеков И.* Село Гадрут..., с. 191.

За это подношение отец одаривал их несколькими копейками. По народному толкованию, это должно было означать, что если отец откажет в вознаграждении, дети взбунтуются, свяжут его по ногам и рукам и будут бить кнутом.

Первый день Великого поста считался одним из самых важных праздников. Это был день установления мира и согласия в общине. Если кто находился во вражде с другим, они должны были обязательно помириться, причем, конечно, не обходилось без посредников. Отказавшиеся подчиниться этому обычаю лишались права причащения. Все посещали друг друга с поздравлениями, в первую очередь обходили соседей и родственников мальчики. Они должны были молча открыть двери, подойти сначала к старшим, а затем к младшим членам семьи, поцеловать им руки и поднести по груше, яблоку, айве, гранату. Старшие (домохозяева) отправлялись также к сельскому старшине, к священнику и к почетным людям, поднося, кроме фруктов, бутылочку вина и водки.

Пополудни, после кутежа, молодежь затевала джигитовку или игру в лахту—*джызлахти* под звуки зурны-тымбла.

Во всех этих масленичных представлениях, забавах и играх нетрудно заметить все те элементы, из которых на западе, преимущественно в области Средиземноморья, сложились те же совершенные формы греко-малоазийских театральных представлений, всякого типа маскарады и современный карнавал. В других провинциях Армении эти элементы Дионисовых праздников сохранились до последнего времени с не меньшей, а местами, пожалуй, с еще большей рельефностью.

Покойный поэт Ованес Туманян рассказывал, как в их деревне (с. Дсех в Лори), кроме забав, в которых играла выдающую роль фигура, наряженная жоз-

лом, женщины изготовляли из лоскутков длинные фалосы, набитые шерстью или волосом, проделывали с ними разные шутки и бросались колотить ими друг друга.

Невольно вспоминаешь артистов греческой комедии, выступавших с привешенным спереди к поясу фалосом.

О внутренней культурной общности Нагорного Карабаха с миром если не всего Средиземноморья, то в всяком случае с его восточной частью—Грецией, говорят и пережитки периодического обновления огня в очаге, сохранявшиеся по деревням Нагорного Карабаха.

Накануне Сретения, 13-го февраля, молодожены приносили в церковную ограду по вязанке можжевельника и складывали большой костер, причем в его основании ветки раскладывались крестом, а выше—четыреугольниками. После вечерни священник, выйдя из церкви, читал молитву, хотя официально армянская церковь и не признавала этого освящения огня. Молодожены со всех сторон поджигали костер свечами, с которыми они вышли из церкви, старики и старухи благочестиво молились, и все следили за направлением дыма: куда он повернет, на той стороне и быть обильному урожаю.

Обыкновенно через костер никто не прыгал. Это делалось только в очень редких селениях (с. Вагуас) иногда мальчиками, реже—девушками и бесплодными женщинами. Не дожидаясь, пока огонь совершенно потухнет, присутствующие уносили по горячей головне или хотя бы по зажженной от костра свече. С огнем спешно отправлялись домой, чтобы там развести огонь в очаге и вскипятить свежее весеннее молоко, чтобы его было в чизобилии. Золу от костра посыпали

под деревьями в саду, чтобы иметь богатый урожай плодов.

Праздник этот, как и самый костер, в южных областях называется *Дырдоранч*, а в северных—*Дондоранч*⁴⁰. Слово это принято считать искажением церковного названия праздника—Тыарнындарач—«На встречу господу», каковым обозначается в церковном календаре Сретенье. Мнение это, однако, следует считать спорным. По всей вероятности, и тут мы имеем дело с приспособлением церковного названия к древнеязыческому народному названию, подобно тому, как и самые христианские праздники были приурочены к древнеязыческим.

Вербное воскресенье—*Зырызартар*⁴¹ носит также характерное и отличное от церковного название *Цахказард*, буквально—«Украшенное цветами». Праздник и соединенные с ним языческие обряды безусловно свидетельствуют о возникновении их до введения христианства.

Опять напрашивается вопрос, является ли народное название искажением календарного или календарное название приноровилось к древненародному и подобрало подходящее слово согласно с церковным преданием? В Нагорном Карабахе до последнего времени сохранились эти обряды с очень характерными подробностями в виде пережитков поклонения пробуждающейся с равноденствием вегетационной силе природы.

Зырызартар—опять праздник прежде всего молодых людей и женщин. К этому дню девушки и парни одевались нарядно в самые дорогие платья, а девушки при этом красили себе ногти хной. В древности только

обрученные пары (а позже—и необрученные) вырывали с корнем молодые ивы и украшали их ветки цветными лоскуточками, изюминами на ниточках, фруктами и восковыми свечами о трех концах⁴².

Поспав немного до полуночи, молодежь торопилась в церковь. Явившийся первым звонил в колокол, другие отправлялись будить священника. Обрученные пары становились с «деревьями» перед своими невестами. Начиналось возжигание свечей. Каждая из родственниц зажигала на ветке «дерева» по свече о трех концах и одаривала молодых. Одаривание начинала мать жениха или невесты, при этом сторона жениха одаряла невесту, а сторона невесты—жениха. Мать или сестра жениха набрасывала на голову невесты платок, а подругам раздавала сладости⁴³.

Служба затягивалась почти до рассвета и заглушалась шумом жужжалок и трещоток—*чырчыран* и *чыхчыхан*, приготовляемых детьми специально к этому дню. Под утро, после освящения «деревьев», народ, по преимуществу молодые люди, срывали с «деревьев» по ветке и уносили домой, где их сажали в землю, чтобы они пустили корни, или вешали на *хноци*, глиняном или деревянном сосуде для сбивания масла. Тут ветка служила для того, чтобы проверять, сбилось ли масло в хноци. Наконец, она попадала в огонь, на котором кипятили молоко, чтобы оно не свернулось (с. Аветараноц). В некоторых деревнях женщины отправлялись со свечами на кладбище и

⁴² Их приготовляли старухи для молодых членов семьи, прикрепляя тонкую свечу накрест к более толстой и загнув концы ее вверх.

⁴³ В эту ночь совершалось нередко и обручение новых пар в церкви по предварительному соглашению. Мать или близкая родственница парня надевала на палец избранной девушке кольцо и набрасывала ей на голову платок.

⁴⁰ В других армянских провинциях—*Дырындез*, *Тандарэдж*.

⁴¹ У алашкертцев—*Царзартар*, «украшение дерева», в Лори—*Цызартар*.

прикрепляли зажженные свечи к могильным плитам своих покойников: все кладбище сияло огоньками⁴⁴.

Страстная неделя и Пасха проходили под сильным воздействием церковных традиций⁴⁵.

В день Пасхи иногда совершалось общественное жертвоприношение, а на следующий день, в понедельник, все семейства высыпали на кладбище святить родные могилы: здесь зажигались свечи, курился ладан, выпивались в память усопших водка и вино, съедались принесенные кушанья, а все, что оставалось, складывалось тут же у могилы как «доля души» — *хокебажин*.

В день Вознесения во всех домах варилась молочная пища и раздавалась как жертвоприношение. Многие варили молочный суп не дома, а на меже своих нив и поливали им вокруг засеянных участков, чтобы способствовать хорошему урожаю и сохранить посевы от саранчи, градобития, засухи и др. бедствий. Этот день не сопровождался гаданиями, как в других провинциях Армении, и вообще проходил довольно бесцветно.

Гаданий не бывало и в другой праздник — в день Преображения, который в Нагорном Карабахе называется *Виртэвор* или *Виртевур*. В центральных областях Армении в этот день, посвященный культу воды и цветов, девушки доставали фанты из сосуда с водой, тайно собранной из семи родников, и старались по содержанию поющих при этом песен проникнуть в тайны будущего и узнать, кто их суженый и будут ли они счастливы.

Виртэвор приходится в июле на воскресенье (подвижной праздник) и приблизительно совпадает с лет-

ним солнцестоянием. В Нагорном Карабахе, чем более удаляемся к югу, к Дизаку, тем более упрощаются формы его празднования.

В эти теплые сухие дни население предпочитало отправляться на богомолье к наиболее почитаемым святым местам, иногда очень далеко. Эти поездки на арбах, лошадях, а чаще хождения пешком привлекали своим разнообразием большое количество населения; в деревнях молодежи оставалось мало, и праздник на месте как-то не клеился. Это был праздник по преимуществу девушек и отчасти парней, вообще — исключительно неженатых. Еще накануне, в субботу, девушки отправлялись за цветами. Почти повсеместно в Нагорном Карабахе собиралась полевая красная гвоздика, которая в с. Аветараноц так и называется *выртевур*, а в других деревнях — *гулум-хай*. Связав большой букет, девушки сходились где-либо в саду или на поляне под деревьями, или в церковной ограде и усаживались в кружок. Их примеру следовали и неженатые парни, которые на некотором расстоянии от них также садились в кружок. Начиналось соревнование в пении. Первый куплет пелся девушками, ему отвечали парни. Пелись исключительно четверостишья, состоящие из семисложных строк, с припевом после каждого нечетного стиха: «Джан, гулум, джан, джан!» — буквально: «Душка, роза, душка, душка», а после четного: «Джан цахик (цветок), джан, джан». Содержание куплетов исключительно любовное⁴⁶.

Каждый кружок старался припомнить побольше куплетов, из которых некоторые пелись по-тюркски,

⁴⁶ В армянской литературе их опубликовано много. Около 122 четверостиший, собранных в с. Геташен (Чайкенд), опубликовано с подстрочным русским переводом. См. *Калашев*. Вардавар (с. Чайкенд Елизаветпольской губернии). — СМОМПК, 1894, вып. 18, с. 1—36.

⁴⁴ Ср. *Չրիիդի*, с. 251.

⁴⁵ См. Там же, с. 251, 254.

хотя у тюрок этого праздника нет. В стихи влетали остроты одной группы по адресу другой. Победенной оказывается та сторона, у которой истощался запас стихов. Иногда это состояние продолжалось до утра. Победителям доставался букет и противная сторона обязана была принести припасы для кутежа на следующий день: девушкам посылались сладости, а парням—закуска и вино.

Но часто спор, кому взять на себя угощение, решался иным путем. Девушки гурьбой отправлялись к отдаленному роднику, чтобы смочить букет водой и брызгать ею друг друга. На обратном пути парни устраивали засаду и, если им удавалось отнять букет у девушек, победа была за ними—они получали угощение, в противном случае, они угощали девушек⁴⁷.

В воскресенье утром девушки (ночью они ничего не ели, постились—*цом* или *цум*) выбирали самых младших и лучше одетых подруг, давали им по деревянному или медному подносу, на которых были сложены свежие плоды с воткнутыми в них цветами—*гулум-хай* и отправляли их по дворам петь четверостишья, подносить плоды с цветами или букетами и взамен собирать всякие продукты: муку, масло, яйца, фрукты, иногда и вино. Собрав все это (то, чего не хватало, приносили из дома, иногда на собранные между собою деньги прикупали рис, конфеты и т. п.), они устраивали под открытым небом под деревьями, на поляне или в саду пирушку (в с. Сос девушки уединялись в какой-либо карадам).

⁴⁷ Так было в с. Аветараноц, где описание получено мною от старика Галуста Айрапетяна и местной уроженки—учительницы Маро Багдасарян. В с. Сос к роднику относили не букет, а яблоки, груши, огурцы и другие свежие плоды с воткнутыми в них цветами, и там они окроплялись водой, которой девушки брызгали друг друга.

Парни, в свою очередь, также устраивали пирушку несколько в стороне. Опять пели поочередно «Гулум-хай». С одного стола посылали к другому малышей с закусками и сладостями по специальному адресу, определенному лицу, которое и делилось ими с товарищами. Это служило своего рода намеком на объяснение в любви. Гулянье кончалось качелями—*члорты*. К высокому дереву привязывались качели и девушки поочередно качались, причем подруги старались подбросить повыше, били качающуюся по ногам и требовали назвать нареченного. Парни наблюдали издали, кто ловче и выше раскачивается.

Впрочем, эти качели устраивались лишь в северных районах Нагорного Карабаха, на юге же—Варанде и в Дизаке—их не было. Здесь это развлечение происходило на Масленице, причем в воскресном гулянье в праздник Вартевора парни не принимали участия. Это различие не случайное: на севере, по долинам р. Тартар и Хачен, сильнее были непосредственные связи с внутренней Арменией, где следы поклонения в дни солнцестояния живительным силам воды и праздник цветов вместе с культом богини любви сохранились в более древних формах.

Еще не удастся раскрыть, в каком отношении находились эти пережитки с теми хеттскими верованиями, которые отразились на знаменитых Богазкейских барельефах, представляющих праздник цветов, а также с культом Великой матери, развитом в Малой Азии.

Можно рассчитывать, что опубликованием всех материалов, собранных за последнее время в области распространения хеттской культуры, явится возможность окончательно установить характер этого отношения.

Тут приходится только устанавливать факт, что, чем ближе к восточной окраине «армянской речи», тем проще и празднование Вартевора.

В середине августа, 15 или 16 числа, в день Успения происходило освящение в церкви винограда (иногда и других плодов) и пшеницы. Виноград раздавался тут же народу, а пшеница приносилась домой и смешивалась с той частью нового урожая, которая была отобрана на семена: это, по народному поверию, придавало особую урожайность зерну (с. Вагуас).

Я умышленно несколько подробно остановился на описании праздников: в них ярче проявляется весь комплекс народных верований и рельефней вырисовываются основные элементы пережитков.

РАЗЛОЖЕНИЕ СТАРЫХ ВЕРОВАНИЙ

Еще задолго до перехода к советскому строю в Нагорном Карабахе старые, унаследованные от предков верования стали забываться и видоизменяться в зависимости от новых условий экономической и культурной жизни.

По мере того, как падали старые социальные взаимоотношения, параллельно разлагался, а в некоторых случаях—и ранее, мир религиозных воззрений. Еще лет 30 тому назад, когда Ерванд Лалаян собирал свой материал по Варанде, были достаточно живы в памяти многие из этих воззрений и обычаев как среди стариков, так и среди молодежи. При нашем же обследовании приходилось обращаться к опросу почти исключительно стариков и старух, потому что молодежь уже не знала многих из бывших местных обычаев или знала о них случайно, лишь по наслышке.

События начала XX в. ускорили процесс исчезновения черного духовенства и умственного и нравствен-

ного вырождения белого, а также усилили влияние городской культуры как через возвышение экономической и культурной роли Шуши, так и через соприкосновение активной части крестьянской массы с жизнью Баку и др. промышленных и торговых центров. Сложилась новая социальная структура с новой интеллигенцией. Новое влияние отразилось раньше всего во внешней обстановке: на жилищах, утвари, мебели, костюмах, но вместе с этим—правда, не так быстро—преобразовывались сословные и классовые представления и религиозные воззрения.

Волна новых идей, рожденных Октябрьской революцией, имела решающее значение для разрушения традиционного мирозерцания. Она охватила если не всю молодежь, то, во всяком случае, наиболее способную и энергичную ее часть, которая в некоторых отдельных случаях, может быть, и очень бурно выступала против пережитков старины⁴⁸, но которая бесспорно, благодаря именно этой силе натиска, сразу резко поставила во весь рост вопрос о неотложной необходимости скорейшего освобождения от оков старых обычаев, церковных преданий и обрядов. Предшествующая экономическая разруха еще до этого упростила не только сложный женский костюм, но и все дорожное обходившиеся свадебные, похоронные и другие обряды. Новое течение не только повело дальше это внешнее упрощение, во многих случаях сократив случаи обращения к посредничеству церкви, но и содействовало еще более глубокому разложению всего религиозного мирозерцания. Во многих деревнях цер-

⁴⁸ Так, у подъема в монастырь Гандзасар под хачкаром, служившим предметом поклонения, был разведен костер, от чего он раскололся и рассыпался; по дороге из с. Ванк в с. Вагуас была разбросана и разбита группа хачкаров прекрасной работы.

ковная служба совершенно прекратилась; в других—церкви посещаются разве только стариками. Ввиду отсутствия точного учета числа совершенных за последние годы церковных браков, крестин и похорон, данные приходилось собирать путем опросов. Во многих деревнях уже в 1924 г. имело место от 2 до 5 (с. Сос, Ванк, Гадрут), самое большее—10 крестин: население, после регистрации в Загсе, откладывало крестины надолго, а потом и совсем обходилось без них. Все чаще браки уже заключались без участия священника; обычно церковный обряд требовала невеста. В 1924 г. были еще весьма редки погребения без священников; даже членов комсомола, по требованию родителей, хоронили по церковному обряду. Но расходы во всех случаях совершения церковных обрядов были доведены до крайнего минимума.

Конечно, при быстром экспедиционном обследовании трудно проникнуть в сущность перемен, происходящих в психологии народа; для этого необходимо продолжительное пребывание среди различных слоев населения. Все же ясно чувствовалось полное разрушение основ всех религиозных воззрений. Сказания о Христе и святых были уже легендами и баснями не только для молодежи, но и для очень многих кругов более взрослого населения; и для этих последних празднование Рождества, Пасхи, Вознесения утратили религиозный характер и смысл. Это сильнее проявлялось в тех селениях, где уже карадамы заменены были наземными домами и где нашли себе место новые воззрения, зародившиеся в условиях городской культуры.

Однако для некоторой характеристики перелома, происходившего в народных верованиях, не лишено было бы привести здесь вопрос, заданный нам (мне и Г. А. Кочаряну) в Атерке одним из крестьян, человеком лет 60—70, из середняков, после окончания на-

шего опроса. «Теперь я бы хотел задать вам один важный вопрос. Конечно, если наши бабы бегают к знахарям и гадалкам или ходят по сурпам и ныхатакам—все это глупости. Больному ни свеча не поможет, ни баран. Оттого, что священник пробормотал несколько молитв, церковная свадьба не сделала никого более счастливым, церковные похороны никого не сделали праведным. Да и почему на том свете простятся грехи тому, за кого мы со священником здесь помолимся или съедим жыхахац—церковный обед? И оттого, что священник помолится и будет кадить, хлеб не превратится в мясо, а вино—в кровь. Кто теперь верит в то, что проделывает *дэр* (поп)? Но вот вы мне одно скажите. Теперь у каждого своя земля—и твердо знаешь, что никто у тебя ее не отнимет. Едешь себе по глухому лесу—никто тебя не обидит. Оставишь лошадь в поле—ее никто не угонит, седла никто с нее не стянет. Везде порядок, закон. А почему? Потому, что есть советская власть: она и поддерживает этот порядок. Но вот посмотри. Теперь лето и знаешь, что за летом придет осень, а там и зима. Теперь вот солнце стоит высоко, знаешь, что оно вечером сядет, утром снова взойдет и будет ярко светить, чтобы опять затем зайти. Посеешь семян, польешь, солнце пригрет, знаешь, что оно взойдет и станет деревом, даст плоды, из которых пойдут опять деревья, а само оно умрет, даст место новому поколению, как вот и мы пожили, народили детей и внуков, а сами уйдем, и они уйдут, оставив детей. Что же вы скажете? У этого порядка нет разве своей власти? За этим порядком не стоит разве своя советская власть?»

Такой же вопрос был задан мне за две недели до этого моим спутником, провожавшим меня от с. Сос в с. Чартар, слесарем лет 35-ти, работавшим на Бакинском заводе.

Приходилось, конечно, говорить о жизни природы, о законах, ею управляющих, о силе науки, все более раскрывающей тайны всего окружающего и т. д. Но самый вопрос, обращенный к нам, указывал на определенные мучительные искания, которым необходимо пойти скорей навстречу широким распространением научных знаний.

Рядом с этим искательством и все нарастающим религиозным скептицизмом продолжают жить обычаи языческого характера. Я видел, как богомольцы на арбах, верхом и пешком тянулись к св. Шахаху, между с. Дзамдзор и Саргашен; здесь были люди всех возрастов. Молодые милиционеры на следующий день мне рассказывали, как весело они там провели время. Мне рассказывали, какая масса народа была у Гонтика в день Вуртевора. Везде у сурпов и пыхатаков я видел недавно зажженные свечи. Во время скитаний по разным районам и селам мне приходилось все более убеждаться, что из тех явлений, которые на протяжении веков как-будто органически сплелись воедино в отходящем религиозном сознании армян Нагорного Карабаха, элемент христианский оказался менее устойчивым в столкновении с преобразующимися порядками, чем более древний—языческий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ РУКОПИСИ

1

(№ 12437)

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ КAVKАЗОВЕДЕНИЯ

Отделение

Тифлис, 3. XI. 1935 г. № 3/0

Уважаемый *Степан Данилович!*

...Труд Ваш о Карабахе в настоящее время печатается в Ленинграде...

Ученый секретарь:— подпись (ТУМАНИАН)

¹ Предлагаемые документы—лишь часть сохранившейся в архиве С. Д. Лисицына многолетней переписки по поводу своевременного издания данной работы. Ряд из них охватывает более широкий круг вопросов его многосторонней научной, музейной и педагогической деятельности и потому печатается с сокращениями. При ознакомлении с этими материалами, нередко однотипными и шаблонными по своему содержанию, обращает на себя внимание их датировка: на протяжении десятилетий повторяется стандартная отписка. Арабской цифрой обозначен порядковый номер документа, в скобках—единица хранения в архиве автора. Все материалы вводятся в научный оборот впервые. См.: Научный кабинет-архив, папка № 47 (прим. ред.).

(№ 12438)

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

20 июля 1939 г. № 59/65

Профессору *Лисициану*

На Ваше письмо от 24/VI—с. г. Институт Этнографии АН СССР сообщает... Ваша работа «Армяне Нагорного Карабаха», к сожалению, в ближайший период времени не может поступить в печать, ввиду крайней ограниченности издательских средств Академии Наук в настоящее время, но Институтом принимаются все меры к тому, чтобы Ваша работа была издана в 1940 году.

Директор Института,
академик   подпись   (*В. В. СТРУВЕ*)
Пом. Учен. секретаря   подпись   (*Н. И. НАСЕКИН*)

3

Копия
(№ 12440)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Азербайджанский филиал

Институт Истории, Археологии и Этнографии.

22 июня 1940 г. № 3/9 Кызыл куча, Красная ул. № 4.

Институт этнографии Академии наук ССР

И. о. Директора Института члену-корреспонденту

Академии наук *Д. К. Зеленину*

В ответ на Ваше письмо от 9/VI—40 г. за № 59/65 сообщаем наше принципиальное согласие печатать

статью на тему «Армяне Нагорного Карабаха» и просим выслать нам статью проф. Лисициана, указанную в Вашем письме.

Врид. директора Института
истории АЗФАН   (подпись)   *Я. Д. КОЗИН*
Ученый секретарь (подпись)   *З. И. ЯМПОЛЬСКИЙ*
С подлинным верно:

4

(№ 12441)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт этнографии

З. VII. 40 № 59/65

Ереван, ул. Спандаряна, 9

Профессору *ЛИСИЦИАНУ*

Уважаемый профессор *Лисициан!*

С Вашего согласия, в связи с ограниченностью наших издательских возможностей, Институт Этнографии обратился к Азербайджанскому филиалу Академии Наук с предложением напечатать Вашу статью «Армяне Нагорного Карабаха». 29/VI нами получено их принципиальное согласие с просьбой переслать им Вашу статью. В связи с этим просим Вас переслать один экземпляр рукописи статьи по адресу: Баку, Коммунистическая, 10, Аз. филиал...

Зам. директора   подпись   (*Д. К. ЗЕЛЕНИН*)
Зам. Ученого секретаря   подпись   (*Г. Г. СТРАТАНОВИЧ*)

VII—1940 г.

(№ 12444)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии

В ответ на Ваше письмо от 15/VII с. г. за № 59/65 спешу сообщить, что рукопись моя: «Армяне Нагорного Карабаха» в окончательной редакции находится у Вас в Институте вместе с иллюстрациями.² В связи с ответом АзФАН-а прошу переслать им этот проредактированный экземпляр.

(№ 12446)

АКАДЕМИЯ НАУК ССР
Институт Этнографии
24/VII—1940 № 59/65

Уважаемый профессор Лисициан!

Соответственно Вашему желанию пересылаем, хранящийся в делах Института Этнографии, экземпляр работы «Армяне Нагорного Карабаха» в адрес АзФАН 25/VII с. г....

За Ученого Секретаря подпись (Г. Г. СТРАТАНОВИЧ)

И. о. Учен. секретаря подпись (Н. И. НАСЕКИН)

² Здесь и далее—курсив автора, а также его наследница (прим. ред.).

(№ 12447)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт Этнографии
30. VIII. 40 г. № 59/65.

Проф. С. Д. ЛИСИЦИАН
Ереван, ул. Спандарян, 9.

Фото-материалы к Вашей работе «Армяне Нагорного Карабаха» находятся в полной сохранности в Институте и пересылаются нами АзФАН, которому одновременно сообщаем Ваш Ереванский адрес.

АзФАН уведомил нас, что вопрос об издании Вашего труда будет решен Ученым Советом в сентябре (отношение АзФАН от 7 августа, № 3 (5).

Директора Ин-та

академик

подпись

(В. В. СТРУВЕ)

И. о. Учен. секретаря подпись

(Н. И. НАСЕКИН)

(№ 12448—12449)

Копия:

Многоуважаемый В. В. Струве

30/VIII с. г. Вы уведомили меня, что Учен. Советом АЗФАН вопрос об издании моего труда об «Арм.[янах] Н.[агорного] К.[арабаха]» будет решен в сентябре и что мой Ерев.(анский) адрес АЗФАН-у сообщен. По настоящее время я никаких сведений от АЗФАН-а не имею. Что предпринято Ин-ом этнографии для ускорения разрешения вопроса? Ведь работа моя была направлена И-том в АЗФАН с тем расчетом, чтоб она поступила в печать уже в текущем 40-м году,

³ Черновик письма С. Д. Лисициана с многочисленными правками автора написан 22/X—1940 г. (прим. ред.).

так как предполагалось, что издание ее в 1941—г. может быть внесено в план Ин-та. Не знаю, выяснено ли И-том, берет ли АзФАН на себя это издание и, в случае каких-либо затруднений с его стороны, будет ли оно включено в план Ин-та на 1941 г. Меня очень огорчает, что появление работы с 1937/38 г. так затянулось. В связи с этим я поставлен в затруднение в окончательном оформлении моих этнограф. очерков по соседним с Н[агорным] Кар[абахом] районами Зангез[урским] и Мегринским. Убедительнейше прошу о принятии мер о появлении ее в свет, по крайней мере, в ближайшие месяцы 1941 г. ...

9

(№ 12451)

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

5 ноября 1940 г. Сл. № 59/65

Профессору Лисициану

Ереван, ул. Спандарян, 9.

На Ваше письмо от 22/X с. г. Ин-т Этнографии сообщает, что нами пока не получено решение Ученого Совета АзФАН по вопросу об издании Вашей работы «Армяне Нагорного Карабаха». Мы вторично запросили об этом АзФАН и по получении ответа уведомим Вас немедленно...

Директор Института
академик

подпись

(В. В. СТРУВЕ)

(№ 12465, 12466)

Из заявления дочерей Ст. Д. Лисициана в Азербайджанское отделение Всесоюзного управления по охране авторских прав 1966 г.

... 24 марта 1941 г. за № 59/65 И.о. Ученого секретаря Института этнографии Н. И. Насекин сообщил автору: «Только сейчас мы получили сообщение Института истории АзФАН о том, что Ваша работа принята им и предполагается быть включенной в издательский план 1942 года».

16 апреля 1941 г. автор ответил Институту этнографии АН СССР: «В извещении Вашем, адресованном мне 24. III. с. г. за № 59/65. Вы ограничиваетесь лишь указанием, что моя работа принята Институтом истории АзФАН и ее «предполагается» включить в издательский план 1942 г., между тем, как я до с. г. был уверен, что Вы ведете с АзФАН-ом переговоры об издании ее еще в 1940 г. Во всяком случае, прошу поставить меня в известность *на каких условиях рукопись моя передана АзФАН-у* и издание ее только «предполагается» или обязательно будет в 1942 г. С 1936 г. повторяется это «предполагается»⁴...

⁴ Ср. с письмом С. Д. Лисициана к В. В. Струве (см. док. № 8), где еще за полгода до этого автор выразил ту же обеспокоенность (прим. ред.).

СССР

(№ 12452)

Азербайджанский филиал
Институт истории, археологии и этнографии
6 января 1942 г. № 3/9

Многоуважаемый проф. *Лисициан!*

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что работа Ваша «Армяне Нагорного Карабаха», присланная нам Институтом Востоковедения АН СССР⁵ в связи с общей обстановкой в стране в настоящее время в издательский план 1942 г., к сожалению, не может быть включена.

Но данная работа и аналогичные материалы, имеющиеся в нашем научном архиве, будут изданы при первой же возможности, о чем мы Вас известим.

Директор Ин-та истории
АзФАН подпись (И. А. ГУСЕЙНОВ)
Секретарь Ин-та подпись (Н. В. РОМАНОВА)

12

Копия:

(№ 12453)

СССР
Азербайджанский филиал
Институт археологии, истории и этнографии
10. II. 1945 г. № 2/2

Уважаемый *Степан Данилович!*

Получив Ваше письмо от 31/XII—44 г. Институт истории им. А. Бакиханова АзФАН обсудил его содержание и настоящим извещаем, что Ваша работа—

⁵ Институт указан ошибочно: переговоры велись между автором и Институтом этнографии АН СССР (прим. ред.).

«Этнография Нагорного Карабаха»⁶ будет включена в издательский план Института на 1946 г.

Директор Ин-та истории
им. А. Бакиханова Аз ФАН подпись (А. А. АЛИ-ЗАДЕ)
Секретарь Ин-та подпись (К. БАБАЕВА)

13

Копия:

(№ 12454)

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Институт истории им. А. Бакиханова
26. VII. 1946 г. № 3/7

Глубокоуважаемый профессор *С. Д. Лисициан!*

На Ваши письма от 12/V—и 18/VIII—46 г. сообщаем, что Ваша работа «Армяне Нагорного Карабаха» перепечатана.

Кандидат ист наук И. М. Джафарзаде по работе дал положительную рецензию.

В настоящее время Институт истории ведет переговоры с издательством АН о печатании Вашей работы. Если издательство согласится ее печатать, то в сентябре месяце т. г. она, после утверждения на ученом совете Института будет передана в издательство АН, о чем поставим Вас в известность.

Уважающий Вас

Директор Ин-та истории им. Бакиханова
АН Аз.ССР подпись (А. А. АЛИ-ЗАДЕ)

⁶ Небрежно указан заголовок работы (прим. ред.).

Копия:

(№ 12455)

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Институт истории им. А. Бакиханова
11 октября 1946 г. № 3/4

Глубокоуважаемый *Степан Данилович!*

Институт Истории им. Бакиханова АН АзССР сообщает, что в результате переговоров с издательством АН выяснилось, что печатать в 1946 г. Вашу работу «Армяне Нагорного Карабаха» издательство не имеет возможности, поэтому печатание означенной работы будет спроектировано в издательском плане 1947 года.

С уважением,

Директор Института истории им. Бакиханова
АН АзССР подпись (А. А. АЛИ-ЗАДЕ)

Копия:

(№ 12456)

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Институт истории им. А. Бакиханова
2 августа 1948 г. № 3/7

Уважаемый тов. *Лисициан*⁷

В ответ на Вашу телеграмму, Институт истории им. А. Бакиханова АН АзССР сообщает, что работа Вашего отца Ст. Д. Лисициана была включена в план изданий на 1948 г., но после утверждения плана со-

⁷ Степан Данилович Лисициан скончался 4 января 1947 г. Письмо адресовано его старшей дочери, заслуженному деятелю науки АрмССР, доктору исторических наук Србуи Степановне Лисициан (ум. 1979 г.) (прим. ред.).

ответствующими инстанциями, она была перенесена в план 1949 г.

Директор Института истории им. А. Бакиханова
АН АзССР подпись (В. Н. ЛЕВИАТОВ)
Ученый секретарь подпись (Н. В. МИНКЕВИЧ)

Копия:

(№ 12457)

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Институт истории им. А. Бакиханова
Исх. № 8/1

Глубокоуважаемая *С. С. Лисициан!*

Получил Ваше письмо и подтверждаю, что работа Вашего отца находится в архиве нашего Института. Мы сами заинтересованы ускорить ее печатание и ждем подходящего момента.

Поскольку Институт имеет желание печатать данную работу, считаю нецелесообразным возвратить ее.

Будьте уверены, что при первой возможности работа будет передана в Издательство.

С уважением—

Директор Института истории
АН АзССР
им. А. Бакиханова подпись (М. ШАФИФЛИ)

Копия:

(№ 12458)

19 января 1951 г. Ереван пр. Сталина,
д. 87, кв. 1.
тел. 1-08-33

Многоуважаемый тов. *Самедов!*

Еще при жизни отца моего, заслуженного деятеля — науки, проф. Ст. Д. Лисициана Институт истории им. А. Бакиханова АН Аз.ССР ежегодно обещал включить в план Издательства и напечатать его работу «Армяне Нагорного Карабаха». Вот уже 4 года после его смерти так же ежегодно Институт уверяет меня, в ответ на мои обращения, что имеет серьезные намерения напечатать этот труд моего отца. Однако все обещания Вашего Института до сих пор остаются простыми обещаниями, что вполне определенно приводит меня к заключению, что фактически такого намерения нет, ибо более чем за 10 лет при настоящем желании давно можно было бы провести утверждение в план изд-ва «Армяне Нагорного Карабаха» и напечатать этот труд.

В связи со всем этим, прошу вернуть через подавателя моего письма тов. А. Саиняна⁸ эту рукопись Ст. Д. Лисициана со всем ее иллюстрированным материалом.

СРБУИ ЛИСИЦИАН

⁸ Известный армянский архитектор (прим. ред.).

Копия:

(№ 12459)

Многоуважаемая тов. *Лисициан С. С.*

Подтверждаем получение нами Вашего письма от 19/1—1951 г. и считаем необходимым сообщить Вам следующее:

Согласно составленного пятилетнего плана Ин-та на 1951—55 г. нам не представилось возможным включить в Издательский план напечатание труда «Армяне Нагорного Карабаха».

Кроме этого сообщаем, что во время представления указанной работы в Институт покойный Лисициан С. получил соответствующее вознаграждение от Института. Поэтому Институт не может возвратить Вам указанную работу.

Уважающий Вас подпись (М. Х. ШАРИФЛИ)
27/1—51 г.

19

(№ 12460—12461)

В ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. БАКИХАНОВА АН АЗССР

Труд нашего отца Ст. Д. Лисициана «Армяне Нагорного Карабаха» находится у Вас для издания, но, как видно из Вашего последнего письма, Вы не намерены его издать, несмотря на свои обязательства...

Рукопись была переслана Вам согласно Вашего обещания издать ее в 1941/42 гг. Институтом Этнографии АН СССР (г. Ленинград) в 1941 г., договор же был заключен Институтом Этнографии со Ст. Лисицианом 25 марта 1936 г.

Ныне истекло трижды больше предусмотренного авторским правом четырехлетнего срока. Выплата автору законно причитавшегося ему же гонорара Институтом Этнографии, а не Вашим Институтом трактуется Вами как *купля его рукописи на вечные времена*, а истекший в 1941 г. договор между нами Вы превращаете в кабальный для автора...

Просим с получением этого письма *вернуть нам рукопись Ст. Д. Лисициана «Армяне Нагорного Карабаха» со всеми иллюстрациями.*

От печатания этой рукописи в Вашем Институте мы отказываемся и просим больше не задерживать ее. В случае невозврата Вами рукописи, Вы принудите нас обратиться в Народный суд для получения ее в судебном порядке, а также для взыскания с Вас материального ущерба, нанесенного автору затягиванием напечатания его труда в течение 16 лет, то есть срока, четырежды превышающего срок, предусмотренный советским авторским правом для выпуска в свет рукописи, по которой учреждение взяло на себя обязательство на ее напечатание.

Ст. науч. сотрудник

АН СССР   подпись   (НАЗЕЛИ ЛИСИЦИАН)⁹

Ст. науч. сотрудник

АН АрмССР   подпись   (СРБУИ ЛИСИЦИАН)

27/XII. 56 г.

⁹ Младшая дочь автора (ныне здравствующая) (прим. ред.).

В АРМЯНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПО ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

тов. В. Варданяну

Доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки, старшего научного сотрудника Ин-та археологии и этнографии АН АрмССР Лисициан Србуи Степановны (Ереван).

Доктора экономических наук, ст. науч. сотр. Ин-та экономики АН СССР Лисициан Назели Степановны (Москва).

ЗАЯВЛЕНИЕ

Представляя соответствующие фактические данные, просим Вас оказать содействие в *охране авторских прав* покойного отца нашего—заслуженного деятеля науки, профессора ЛИСИЦИАНА Степана Даниловича и нас обеих, как наследниц его трудов...

До конца жизни Ст. Д. Лисициана (январь 1947 г.) труд его «Армяне Нагорного Карабаха» не был издан Институтом истории им. А. Бакиханова (Баку, ул. Зевина, дом № 4, тел. 3-11-73), хотя в 1946 г. тот высылал автору рукопись эту, прося внести в нее дополнения по сведениям о Карабахе за 10 лет, истекших после окончания этого труда, что и было выполнено автором, а рукопись была переслана обратно в этот Институт в Баку.

По смерти отца, мы неоднократно обращались в Институт истории и в Президиум АН АзССР с письменными и устными запросами, прося точно назначить срок издания этого его труда, либо *вернуть рукопись со всеми иллюстрациями.*

Дирекция Института истории им. А. Бакиханова постоянно «обещала» включить издание ее в «данном»

году, а затем извещала, что издание перенесено на следующий год. ... Так и тянется дело издания из года в год, а рукопись не возвращают, мотивируя, что она «куплена».

Согласно Закону об авторском праве *об обязательном возвращении автору рукописи*, если таковая не издана по истечении 4-х лет и льготного срока, просим Вас принять все меры к *возвращению нам рукописи отца «Армяне Нагорного Карабаха» Институту Истории им. А. Бакиханова и возмещению причиненного нам ущерба»*¹⁰.

(НАЗЕЛИ ЛИСИЦИАН)

(СРБУИ ЛИСИЦИАН)

17. V. 1966 г. Ереван

¹⁰ Заявление аналогичного содержания, но несколько более развернутое, в это же время было направлено дочерьми С. Д. Лисициана и в Азербайджанское отделение Всесоюзного управления по охране авторских прав. Однако ни то, ни другое действия не возымели (прим. ред.).

ГЛОССАРИЙ¹

Авкур — куриная слепота

հալկուր

Агалар — местная знать низшей ступени

աղալար

Авапахк — дополнительная доля неженатого сына при разделе отцовского имущества

աղաղախ

Атрушан — зороастрийский очаг для возжигания священного огня

ատրուշան

Айсмавурк — Четы-Минен

Հայսմավուրк

Амарэт — меликский дворец

ամարաթ

Анапат — букв. «пустыня»; небольшая обитель, где когда-то жил отшельник, святыня, а также женский монастырь

անապատ

Аракял — апостол

արաքյալ

Архалук — верхняя мужская и женская одежда

արխալուկ

Ахпюр — родник

աղբյուր

Арч — медведь

արշ

Ачкыд луйс — букв. «да будет свет твоим глазам». Широко распространенная традиционная формула поздравления и благопожелания

աչկէդ լույս

¹ Глоссарий составлен Л. М. Варданян. В него включены наиболее употребительные термины, а также термины, встречающиеся в тексте без объяснения. В случае употребления диалектной формы рядом в скобках приводится литературное правописание (прим. ред.).

Ашкаулук — талисман-бусина от сглаза
աշխուկում

Бадарак (Патарак) — поминки. См. также *жымахац*
բարբաղ (պարբաղ)

Баракят — достаток, благополучие. См. также *довлат*
բարբաղ

Бем — алтарь

բեմ

Брины — калина

բրին

Бухарик — камин

բախарիկ

Вартэвур, Вардавар, Вьртэвор — Преображение Господне

Վարդևուր, Վարդավաթ, Վրդեւոր

Визирь — один из персонажей игры в Хан-Пашу², разыгрываемой
на Масленицу

վեզիր

Врацнак — головной убор тифлиских армянок

վրացնակ

Гярдак — занавес, отгораживающий угол невесты—*пучах* (см.) в
доме жениха

գյարդակ

Гата — армянская традиционная выпечка с начинкой и узорчатым
верхом

գաթ

Гэир — глашатай

գիր

Глхатун — традиционное народное жилище. См. также *карадам*

գլխատուն

Гюлум хай — четверостишие (из семисложных строк) с припевом
после каждого нечетного стиха, распеваемые парнями и
девушками во время Вардавара для загадывания своего
суженого. См. также *джан-гюлум*

գյուլում хай

Дяга — полевой сезонный домик

դյագ

Дахма — зороастрийская башня для выставления трупов

դաхма

Джангюлум — см. *гюлум хай*

ջանգյուլում

Джеджим — шерстяная или шелковая плотно тканая материя типа
карпета для одеял и тюфяков

ջեջիմ

Джызлахты — игра в лахту

ջզլախտի

Довлат — достаток, благополучие. См. также *баракят*

դովլաթ

Дондоронч, Дындоранч — Сретение Господне. См. также *Тан-
дарэдж*

Դոնդրոնչ, Դընդրոնչ

Дул — металлическая трубка для разжигания тоныра

դուլ

Дэр — деревенский священник, поп

դեր

Жажк (еркрашарж) — землетрясение. См. также *шарж*

ժաժկ (երկրաշարժ)

Жымахац — букв. «церковный обед». Поминки, поминальное за-
столье. См. также *бадарак*

ջրմահաց

Зурна — народный язычковый духовой инструмент типа гобойных
qունա

Зурначи — музыкант, играющий на зурне

զունաչի

Зырызартар — Вербное воскресенье. См. также *Цахказард*

Հրրզարդար

Кавэр — посаженный отец; как правило, впоследствии он же и
крестный отец данной супружеской пары. См. также *пэл*.

հավար

Кагриз (канкан, джратар) — искусственный вывод вод из под-
почвенных слоев

հանրիզ (հանքան, ջրատար)

Кал — ток

կալ

Кала (берд, амроц) — крепость

կալա (բերդ, ամրոց)

Калер — отселки (мн. число от *кал*)

կալեր

² Ср. с римскими сатурналиями (прим. ред.).

Կամ — молотильная доска

Կամ

Կանч — букв. «клич». Подношения в пользу новобрачных на следующий день после свадьбы

Կանչ

Каперт (капет) — безворсовый ковер

Կարպետ (կարպետ)

Карадам — местное название традиционного народного жилища. См. также *галхатун*

Կարադամ

Карасунк — сорокодневие

Կարասունկ

Кашк (каджк) — злой дух, черт

Կաշկ (կաշկ)

Кашкадзор — чертово ущелье

Քաշկածոր

Кашкатун — дом, обиталище злых духов

Քաշկատուն

Кенац цар — «древо жизни» жениха. См. также *цар*

Կենաց ծառ

Керц — отвесная скала

Կերծ

Кёса — букв. «безусый». Один из персонажей игры в Хан-Пашу

Կյոսա

Кёхва (танутер) — сельский старшина

Քյոխվա (տանտեր)

Кецак — молния

Կեծակ

Кололак — сильно взбитое мясо в виде больших шаров. См. также *кюфта*

Կոլակ

Коркот, куркут — ритуальная обрядовая пища из пшеничной муки с бараниной или свиной, готовилась на *Навасард* (см.)

Կորկոտ, կորկուտ

Кохвел — быть «задетым, затоптанным, попраным» злым духом

Կովել

Коши — женская обувь на каблучке с загнутым носком и открытым задником

Կոշի

Кркени — выпекаемый на армянское Рождество и Крещение Христово (5 янв.) обрядовый пресный пирог, в который вложены *довлат* (см.) — горошина, фасоль, мелкая серебряная монета

Կրկենի

Ктэторхнэк — освящение подвенечного наряда невесты

Կթորհնէկ

Кундэ — игра молодежи на Масленицу. См. также *чилинги*

Կունդ

Кылхылва (глхалва) — букв. «головомойка». Обрядовое мытье головы невесты через неделю после свадьбы

Կըլխըվա (գլխալվա)

Кынынч-кармюр (канач-кармир) — букв. «зелено-красная». Название радуги, а также *нарот*-а (см.), повязываемого новобрачным во время венчания в церкви

Կընրնչ-կարմյուր (կանաչ-կարմիր)

Кыр — соха

Կըր

Кюлк (курк) — длинная овечья шуба

Կյուկ (կուրկ)

Кюлкап (гелкап) — обряд «связывания» пасти волка

Կյուկապ (գելկապ)

Кюлпа (гулпа) — вязанные шерстяные носки

Կյուպա (գուլպա)

Кюм (гом) — хлеб

Կյում (գոմ)

Кюфта — см. *кололак*

Կյուֆտա

Кякул — чуб на макушке у мужчин

Կյակ

Кяндыр — 1. веревка; 2. мера длины, равная 10 *хуладж*-ам (см.)

Կյանդիր

Лаваш — армянский национальный хлеб в виде очень тонкой лепешки овальной формы

Լավաշ

Лак — мера веса, равная 7,5 пудам

Լակ

Лачак — головной платок

Լաչակ

Луйс — букв. «свет». В свадебных церемониях большое круглое металлическое блюдо с фруктами, сладостями, кувшинчиком вина или водки и зажженными свечами. См. также *мижмахи* и *налбаки*

մայի

Магал (тах) — территориальное или родетвенное подразделение сельской общины

մաճալ (թաղ)

Макар — дружка жениха

մախար

Макарбаши — глава макаров

մախարաշի

Мартакюл (мардагел) — злой дух-кашк в образе человека—волка

մարտախլալ (մարդագիլ)

Матах — жертвоприношение

մատաղ

Мафраш — безворсовый коворый мешок для постели

մափրաշ

Мацун — кислое молоко

մածուց

Миджи — форма взаимопомощи личным трудом в посевных, садовых и домашних работах на протяжении одного дня

միջի

Мелнк — армянский князь

մելիք

Меликство — феодальное владение, княжество

մելիքություն

Мецарк — чествование жениха на следующий день после свадьбы

մեծարգ

Мижмахи — см. *луйс*

միջմախի

Мирза — секретарь. Один из персонажей масленичной игры в Хаң-Пашу

միրզա

Мыштылых (ачкалусек) — поздравление

միշտուրլը (աչկալուսեք)

Навасард — древнеармянский (языческий) Новый год (11 авг. по н. ст.).

նավասարդ

Наж — похоронные носилки, хранившиеся при церкви

նաժ

Налбаки — см. *луйс*

նալբակի

Намус — букв. «честь». Кодекс чести обычного права

նամուս

Нарот — зелено-красный шнур, повязываемый новобрачным во время венчания в церкви. Снимается на след. день вечером тем же священником перед вступлением их на брачное ложе. См. также *кыныч-кармюр*

նարոտ

Нафас (шунч) — дух, дыхание. В данном контексте—дыхание злого духа

նաֆաս (շունչ)

Нахатак (ныхатак) — букв. мученик, погибший за веру; павший в бою без причащения воин; пораженный молнией; в данном контексте также святыня на месте гибели нахатака. См. также *хыртипытюк*

նախատակ, նրկատակ

Оджах — букв. «очаг», в более широком смысле—понятие дома, семьи. Широко распространенное место поклонения, святыня

օջախ

Орпатарур (урбатарур) — стальное огниво, кольцо, оберег от злых чертей-кашкков, изготавливаемый кузнецами в пятницу Страстной недели

օրփարադուր (պարադուր)

Охны (йот) — седмица, седьмой день после смерти

օխներ (յոթ)

Ошнак — горшок; в данном контексте—со свежим маслом, вручаемый невесте на пороге дома жениха

օշնակ

Панджара — оконная решетка

փանջարա

Патив тал — оказание почести гостю. Одна из форм проявления гостеприимства

փատիվ տալ

Похиндз — крупно молотая жареная пшеница, из которой готовят (с медом или виноградным соком) ритуальное обрядовое блюдо и в виде шариков раздают всем членам семьи в день *Сурп Саркиса* (см.).

փոխինձ

Похан (вартык) — нательные штаны

փոխան (վարդիկ)

Проз — вид местного хлеба
 Գրոզ
 Псон — остатки кушаний, собираемые молодежью для своей пи-
 рушки после Масленицы
 փսոն
 Пучах — букв. «угол». Отгороженный занавесью угол в доме же-
 ниха, куда сажали невесту. См. также *гярдак*
 Գրոհախ
 Пэл — местное наименование посаженного отца. См. также *кавор*
 Գել
 Санд — каменная ступка
 սանդ
 Сандэрк — чесалка для шерсти
 սանդերկ
 Сарыф (сараф) — меняла
 սարֆ (սարաֆ)
 Сини (скутех) — круглый поднос. В свадебных церемониях — на-
 полненный жареными или вареными курами, пловом с
 изюмом и пр. сладостями, вином или водкой и т. п. См.
 также *хонча*
 սինի (սկուտեկ)
 Српи хул или ыкнавор — «раб святых» или припадочный
 սրփի հул կամ րկնավոր
 Сурп (сурб) — святой, святыня. См. также *хач*
 սուրփ (սուրբ)
 Сурп Саркис — народный календарный праздник, отмечающийся
 в феврале
 սուրփ Սարգիս
 Сюрмагилы — игра на Масленицу
 սյումագիլի
 Тагавор — букв. «венценосец», «царь»; жених
 Թագավոր
 Таган — треножник
 Թաղան
 Тагуи — букв. «венценощица», «царица»; невеста
 Թաղուհի
 Тайфа — родственная или соседская группа сельской общины,
 связанная также хозяйственными интересами
 Թալֆա

Так — колотушка для мяса
 Թակ
 Тамада — распорядитель застолья. См. также *тойбаши*
 Թամադա
 Тандарэдж — Сретение Господне. См. также *Дондоронч*
 Տանդարեճ
 Тари — букв. «год». Первая годовщина со дня смерти
 տարի
 Тарманукохичынапар — букв. «путь укравшего самаи вора». Млеч-
 ный путь
 Տարմանուկոխինափայտ
 Тах — околоток, квартал, также — свод. См. также *магал*
 Թախ
 Тахтачаш — букв. «обед на тахте», «тронный обед для «царя» и
 «царицы». Свадебное угощение в доме жениха
 Թախտաշ
 Тик — бурдюк
 տիկ
 Тназ — подшучивание, передразнивание, розыгрыш
 տնազ
 Тойбаши — См. *тамада*
 Թոյբաշի
 Тоныр — вырытый в земле глиняный очаг. См. также *турун*
 Թոնիր
 Топ (гндак) — мяч, сшитый из кусков материи и шерсти
 Թոփ (գնդակ)
 Трех — обувь из сыромятной кожи в форме лаптей
 տրեխ
 Тулух — кожаный мешок для переноски воды
 տուլախ
 Турун — местное наименование *тоныр-а* (см.)
 Թուրուն
 Тымбла — барабан
 Թրմբլա
 Тырсыцнэл — перевернуть, делать все наоборот
 Թրցոցնել
 Тэя — у детей пучок волос спереди над лбом
 Թել
 Тэячи — барабанщик
 Թելիչի

Фераш — палач. Один из персонажей игры в Хан-Пашу
ֆերաշ

Хавиц — сладкая каша из муки, поджаренной на масле
խաւիժ

Харар — мешок (из козьей шерсти) для зерна большой емкости, с ручками

խարար

Хардж — в данном контексте доля незамужней дочери при разделе отцовского имущества

խարջ

Харснакуйр — букв. «сестра невесты». Незамужняя сестра или близкая подруга невесты, ее телохранительница на всем протяжении свадьбы

խարսնակույր

Харснар — букв. «взятие невесты из ее родительского дома»
խարսնար

Хач — церк. букв. «крест». В народном представлении — святыня, святое место. См. также *сурп*

խաչ

Хачкар — крест-камень

խաչքար

Хашил — ритуальная обрядовая пища, приготовляемая в день Сурп Саркиса

խашիլ

Хноци — маслбойка

խոնցի

Ходжа — купец

խոջա

Хокебажин — букв. «доля души». Съестные припасы, приносимые на могилу в поминальные дни

хокеբажин

Хонджан — вздежка (шнур), на которой держались традиционные штаны

խոնջան

Хонча (скутех) — См. *сини*

խոնչա (սկութեղ)

Хракаш — суряга, объединение волов, плуга и рабочих рук в сельскохозяйственных работах

хракаш

Хуладж — мера длины: расстояние между концами средних пальцев раскрытых и вытянутых рук или человеческий рост (ок. 2,5 аршина). См. также *кяндыр*

խուլաճ

Хурджи — переметная сумка

խուրճի

Хырытыок — См. *Нахатак*

խырыտիօկ

Цар — свадебное «дерево» (древо) жениха. Изготавливалось из связанных веток и прутьев и обвешивалось яблоками, грататами, конфетами, а также зажженными свечами. См. также *кенац цар*

ծար

Цахказард — См. *Зырызартар*

Շաղկապաղ

Цом (цум) пахел — поститься, соблюдать пост

ծոմ (ծում) պահել

Цынранал — букв. «отяжелеть», забеременеть

ծրնցանալ

Чархат — головная шаль

չարխաթ

Чахарак — прялка

չախարակ

Чвал (чувал) — 1. Мешок (из козьей шерсти) для зерна. 2. Мера веса, равная 10 *лак*-ам (см.)

չվալ

Чван (чаран) — веревка, витая из шерсти

չվան (պարան)

Чваран — плетеная корзина

չվարան

Чилинги — игра молодежи на Масленицу. См. также *кундэ*

չիլինգի

Чинчех ацэл — качели, устраиваемые девушками на Масленицу

չինչեխ ածել

Члорты — качели

չլորտի

Чмошк (чмушк) — женская обувь

չմոշկ (չմուշկ)

Чоли — связанная из палочек и одетая в женское платье ритуальная кукла, изготавливаемая маленькими девочками во время обряда приостановления либо вызывания дождя

Շոփ

Чопчи — знахарь

Շփշփ

Чоха (чуха) — верхняя мужская одежда

Շխա (շփխ)

Чраг — букв. «светильник». В данном контексте — приказчик

Շրազ

Чырчыран — трещотка

Շրաբրան

Чыхчыхан — кастаньеты

Շիշիշիան

Шал — шерстяная ткань

Շալ

Шапик — мужская и женская нательная рубаша

Շափիկ

Шарж — землетрясение. См. также *жажк*

Շարժ

Шен (гюх) — село

Շեն (գյուղ)

Шымпур-шымпури — игра в козла, устраивалась молодежью на Масленицу

Շիմփուր-շիմփուրի

Шлыкоцн (алекоцумн) — вихрь

Շլիկոծն (ալեկոծումն)

Шкнавор — припадочный. См. также *српи хул*

Շնկնավո

Шротум (ворот) — гром

Շրոտում (որոտ)

Япынджи (айценакач) — бурка

Եփնջի (այծենական)

УКАЗАТЕЛЬ¹

географических названий, исторических памятников
и местных святынь

Аветаранок, с. 21, 25, 37, 46, 86, 105, 134, 143, 145, 150, 161, 181, 183

Ավետարանոց, գ.

Агдам, с. 25, 31, 81, 82

Աղամ, գ.

Агдаш, н. п. 29

Աղաշ, ք-ի.

Агулис, с. 70

Ագուլис, գ.

Азербайджан 15, 28, 66

Ադրբեջան

Азербайджан персидский 139

Ադրբեջան պարսկ.

Азох, с. 161

Ազохи, գ.

Св. Акопа монастырь (в с. Колатак) 135

ս. Հակոբի վանք, (Քոլատակ գ-ում)

Алакая, гора 29

Ալաқայա, լեռ

Аламанцкюмер, отселки с. Аветаранок 86,

Ալամանց կյումեր, Ավետարանոց գ. գոմանեղ

Алашкерт, г. 11

Ալաշкерт, գ.

Александрополь, г (бывш. Ленинакан, совр. Кумайри- 7, 76

Ալեքսանդրապոլ, գ. (նախկին Լենինական, այժմ Կումայրի)

Алиджа, р. 70

Ալիջա, գետ

¹ Указатель составлен Л. М. Варданян

Андусаберк, с. 155
 Հանդուցարեբ, գ.
 Ангачи хач, святыня (ок. с. Тах и Ванк) 146
 Անգաճի խաչ, սրբանդ (Թաղ և Վանք գյուղերի մոտ)
 Апостола Египэ монастырь (Мардакертский р-н) 135
 Եղիշե առաքյալի վանք (Մարդակերտի շ-ջ)
 Арав, с. 146
 Հարավ, գ.
 Арав, церковь 135
 Հարավ, եկեղեցի
 Аракс, р. 29—32, 38, 39, 43, 70, 139
 Արաքս, գետ
 Аракюльская волость 25
 Առաքյուլի վիճակ
 Аракюльская долина 32, 36, 37
 Առաքյուլի հովիտ
 Арагатская равнина 41
 Արատայան դաշտ
 Армения 6—9, 11, 32, 39, 48, 54, 89, 102, 123, 135, 136, 151, 174, 178, 182
 Հայաստան (Հայք)
 Армения внутренняя 185
 Հայք ներքին
 Армения Восточная 6
 Հայաստան Արևելյան
 Армения Закавказская 74
 Հայաստան Անդրկովկասյան
 Армения Западная 41
 Հայաստան Արևմտյան
 Армения Советская 8, 10
 Հայաստան խորհրդային
 Армянская ССР 5, 66
 Հայկական ԽՍՀ
 Армянское нагорье 36
 Հայկական բարձրավանդակ
 Арутюнакумер, отселки, с. Вагуас 86
 Հարությունակյումեր, Վաղանա գ-ի գոմանանդ
 Арчи ахпюр, священ. родник (на горе Дизапайт) 144
 Արչի աղբյուր, սուրբ աղբյուր (Դիզափայտ լ-ն վրա)
 Арцатаханк, горн. цепь. См. также Чильгяс 30, 37
 Արծաթանանք լեռնաշղթա, տե՛ս նաև Չիլցյաս

Арцах, См. также Нагорный Карабах 15, 18, 20, 23, 28, 134, 135, 140
 Արցախ, տե՛ս նաև Լեռնային Ղարաբաղ
 Асаницкюмер, отселки с. Аветараноц 86
 Հասանեցկյումեր, Ավետարանոց գ-ի գոմանանդ
 Аскеран, г. 42
 Ասկերան, ք.
 Аскеранский р-он 25
 Ասկերանի շ-ն
 Астхаблур, святыня (ок. с. Атерк) 145
 Աստղաբլուր, սրբանդ (Հաթերի գ-ի մոտ)
 Атерк, с. 25, 145, 151, 157, 161, 169, 170, 188
 Հաթերի գ.
 Аци, с. 101
 Հացի, գ.
 Ашан, с. 141
 Աշան, գ.
 Аштарак, г. 11
 Աշտարակ, ք.
 Арчадзор, с. 84, 149
 Արշածոռ, գ.
 Ахни нахатак, святыня (ок. с. Дрнаваз) 145
 Աղին նահապետ, սրբանդ (Դոնավազ գ-ի մոտ)
 Ахчкаберд, с. См. также Кусаберд 29
 Աղջկաբերդ, գ., տե՛ս նաև Կուսաբերդ,

 Багдад, г. 147
 Բաղդադ, ք.
 Баку, г. 16, 36, 47, 53, 58—60, 65—67, 74—79, 148, 187, 193, 205
 Բաքու, ք.
 Бердадзор, с. 86
 Բերդածոռ, գ.
 Берлин, г. 7
 Բեռլին, ք.
 Бешеглю, гора 30
 Բեշեղլու, լեռ
 Богазкейекский барельеф 185
 Բողազկյուլի բարձրավանդակ
 Богурхан, горн. массив 31, 89
 Բողուխան, լեռն. զանգված
 Богурханская система 31
 Բողուխանի համակարգ

Борчалу, у. См. также Лори 42
 Բորչալու, գավ., տե՛ս նաև Լորի
 Бостон, г. 12
 Բաստան, գ.
 Бричи ныхатак, святыня (ок. с. Дрнаваз) 145
 Բանչի նահապետի, սրբատեղ (Դանավազ գ-ի մոտ)
 Вагаршанат, г. См. также Эчмиадзин 5, 7
 Վաղարշապատ, ք-վ, տե՛ս նաև Էջմիածին
 Вагуас, р. 32, 146
 Վաղուհաս, գետ
 Вагуас, с. 25, 84, 86, 103, 120, 122, 126, 128, 133, 137, 150, 151, 157, 169, 173, 174, 179, 186, 187
 Վաղուհաս, գ.
 Вайкская котловина 134
 Վայքի գագավորություն
 Ванк, с. 25, 37, 52, 68, 145, 146, 168, 187, 188
 Վանք, գ.
 Ванское озеро 137
 Վանա լիճ
 Варазабун, с. 31
 Վաղազարուն, գ.
 Варазабунский отрог 31, 37, 81
 Վաղազարունի լեռնանյուղ
 Варанда, у. 35, 37, 66, 79, 81, 82, 84, 120, 130, 133, 137, 148, 170, 185, 186
 Վաղանդա, գավ.
 Варандинское меликство 28
 Վաղանդայի մելիքություն
 Варандинский р-н 25, 9, 40, 169
 Վաղանդայի շ-ն
 Варараки, с. См. также Степанакерт 24
 Վաղաշակն, գ., տե՛ս նաև Ստեփանակերտ
 Варынкатак, с. 86
 Վանկիարաղ, գ.
 Ватнийское поле 48
 Վաթնյան դաշտ
 Вахи, часовня (ок. с. Вагуас) 137
 Վախի, մատուռ (Վաղուհաս գ-ի մոտ)
 Вачарк, с. 69
 Վանասո, գ.

Воске хач, святыня (ок. с. Гиши) 143
 Ոսկե խաչ, սրբատեղ (Գիշի գ-ի մոտ)
 Вырсыкумер, отселки с. Арчадзор 86
 Վրսրբյումբ-ը, Արշածուր գ-ի գոմանանդ

Гадрут, с. 25, 26, 68, 78, 81, 82, 87, 114, 123, 143, 145, 146, 164, 177, 188
 Հադրութ, գ.
 Гадрутская долина 32, 36, 37
 Հադրութի հովիտ
 Гадрутский р-н 40
 Հադրութի շ-ն
 Гандзак, г. 49, 53
 Գանձակ, գ.
 Гандзакский обломок 29
 Գանձակի լեռնաբեկոր
 Гандзасар, с. 150
 Գանձասար, գ.
 Гандзасарский монастырь (ок. с. Ванк) 25, 37, 50, 63, 135, 187
 Գանձասարի վանք (Վանք գ-ի մոտ)
 Гаргар, р. 31—33, 37, 38, 42, 81
 Գարգար, գետ
 Гаргарская долина 42, 67
 Գարգարի հովիտ
 Сурп (св.) Геворга монастырь (ок. с. Улупап) 135
 Սուրբ Գևորգի վանք (Ուլապապ գ-ի մոտ)
 Геташен, с. 151, 173, 183
 Գետաշեն, գ.
 Гизат, богомолье (ок. с. Хин Кятук) 156
 Դիզատ, ուխտավայր (Հին Քյարուկ գ-ի մոտ)
 Гиши, с. 25, 52, 105, 143
 Դիշի, գ.
 Горис, г. 11, 13, 33, 42
 Դորիս, գ.
 Греция 179
 Հունաստան
 Сурп (св.) Григора монастырь (с. Птхесберк) 149
 Սուրբ Դրիգորի վանք (Պտղեսբերկ գ-ում)
 Григора Нарекаци церковь (с. Нор Драхтик) 135
 Դրիգոր Նարեկացու եկեղեցի (Նոր Դրախտիկ գ-ում)

Григора, просветителя Армении церковь (с. Хрхан) 135
 Հայրապետի լուսավորիչ Գրիգորի եկեղեցի (Խրխան գ-ում)
 Грозный, г. 36, 59, 76
 Գրոզնի, ք.
 Грузия 38, 42, 48, 136, 147
 Վրաստան
 Гтич (Гтчаваик), монастырь (Гадрутский р-н) 50
 Գտիչ (Գտչավանք) (Հադրութի շ-ն)
 Гурджухут, вершина 31
 Գուրջուխութ, բարձունք
 Гюлатах, с. См. также Оратах 52, 86
 Գյուլատաх, գ., տե՛ս նաև Օրատաх
 Гюлистан, у. 139
 Գյուլիստան, գավ.
 Гюлистанское меликство 28
 Գյուլիստանի մելիքություն
 Гянджинский р-н 151
 Գյանձյանի շ-ն
 Дагестан 92
 Դաгեստան
 Дадиванк, монастырь (Мардакертский р-н), См. также Хатраванк 135
 Դավիվանք (Մարտակերտի շ-ն) տե՛ս նաև Խարավանք
 Дамирлу, с. 86
 Դամիրлу, գ.
 Дахрав, с. 145
 Դահրավ, գ.
 Дашушен, с. См. также Шикакар 25, 134
 Դաշушен, գ., տե՛ս նաև Շիկաкар
 Дева Егише мученица, святыня (между с. Сос, Керц и Чартар) 134, 146
 Եղիշե եղևվարի կույս, սրբանեղ (Սոս, Քերծ և Ճաղաղ գյուղերի միջև)
 Джебраил, с. 29, 32, 81
 Զեյրաջիլ, գ.
 Джеванширский р-н 28
 Զվանջիլի շ-ն
 Джеванширский, у. 37, 39, 74
 Զվանջիլի գավ.
 Джаберд, у. 82, 120, 130, 139
 Զաբերդ, գավ.

Джабердская крепость 37, 147
 Զաբերդի ամրաց.
 Джабердское меликство 28
 Զաբերդի մելիքություն
 Джабердский р-н 39, 40, 50, 81, 126, 169
 Զաբերդի շ-ն
 Джуга, г. 70
 Զուլա, գ.
 Дзамдзор, р. 32
 Մամձուր, գետ
 Дзамдзор, с. 25, 122, 123, 130, 133, 155—157, 160, 167, 168, 170, 190
 Մամձուր, գ.
 Дизак, р. 70
 Դիզակ, գետ
 Дизак, у. 35, 37, 79, 82, 84, 120, 141, 183, 185
 Դիզակ, գավ.
 Дизакский р-н 39, 68, 79, 81, 130, 169
 Դիզակի շ-ն
 Дизакское меликство 25
 Դիզակի մելիքություն
 Дизалайт, вершина, гора 29—31, 50, 139—141, 144, 149
 Դիզալայտ, բարձունք, լեռ
 Дизанайтское богомолье 166
 Դիզալայտի ուխտավայր
 Дизанайтская система 31, 32
 Դիզալայտի համակարգ
 Дрнаваз, с. 145, 155
 Դոնավազ, գ.
 Дсех, с. 178
 Դսեղ, գ.
 Дэри герезман (священ. могила), святыня (с. Нынги) 148
 Դերի գերեզման, սուրբ (Ննգի գ-ում)
 Евлах, с. 65
 Եվլաх, գ.
 Европа, 5
 Եվրոպա
 Егише Аракела монастырь 144
 Եղիշե Առաքելի վանք

Елизаветполь, г. 51, 57, 59, 75
 Ելիզավետպոլ, ք.
 Елизаветпольская губ. 26, 28, 39
 Ելիզավետպոլի նահանգ
 Елизаветпольский у. 74
 Ելիզավետպոլի գավ.
 Ереван, 5, 6, 17, 66, 70, 73, 76
 Երևան
 Ереванское ханство 73
 Երևանի խանություն
 Ериц Манкунк, святыня (Мардакертский р-н) 25, 147
 Երից Մանկունք, սրբանդ (Մարտակերտի շ-ն)
 Ехин ахпюр, священ. родник, (ок. с. Кусепат) 143, 149
 Եղին աղբյուր, սրբանդ (Կուսապատ գ-ի մոտ)

Закавказье 6, 7, 9, 11, 49, 50, 53, 60, 62, 63, 65, 71, 72, 78,
 88, 137
 Անդրկովկաս
 Закаспий 58, 60
 Անդրկասպ
 Закаспийская обл. 53
 Անդրկասպյան մարզ
 Зангезур, ист.-этнограф. регион 13, 15, 24, 33, 43
 Զանգեզուր, պատմա-ազգագր. շ-ն
 Зангезурская низина 34
 Զանգեզուրի իջվածք
 Зангезурская обл. 28
 Զանգեզուրի մարզ
 Зангезурский р-н 196
 Զանգեզուրի շ-ն
 Зангезурский у. 74
 Զանգեզուրի գավ.
 Зинавор, святыня (ок. с. Нор Кятук) 145
 Զինավոր, սրբանդ (Նոր Բյարուկ գ-ի մոտ)

Инны мас, святыня (ок. с. Кусепат) 37, 147
 Իննր մաս, սրբանդ (Կուսապատ գ-ի մոտ)
 Иран 54
 Իրան
 Испагань, г. 70
 Սպահան, ք.

Кавказ 5, 62, 71, 72
 Կովկաս
 Кавказ Большой 139
 Կովկաս Մեծ
 Кавказ Малый 139
 Կովկաս Փոքր
 Кавказский хребет 42, 49
 Կովկասյան լեռնաշղթա
 Казах, г. 42
 Ղազախ, ք.
 Казанчи, с. 70
 Ղազանչի, գ.
 Кайраликент, с. 66
 Ղայրալիենդ, գ.
 Каладарасинская волость 86
 Ղալադարասի վիճակ
 Каму хач, святыня (г. Шуши) 145
 Քամու խաչ, սրբանդ (Շուշիում)
 Канач тала, с. 86
 Կանաչ քաղա, գ.
 Капан, р. См. также Охчи 39
 Կապան, գետ, ախ և նաև Օխչի
 Карабах, ист.-этно. область Армении 35, 59, 63, 66, 75, 77, 90,
 134, 135, 139, 148, 191
 Ղարաբաղ, Հայաստանի պատմա-ազգագր. մարզ.
 Карабахское нагорье 80
 Ղարաբաղի բարձրավանդակ
 Карабахская низменность 29, 37, 44, 81
 Ղարաբաղի նախալայր
 Карабахское плоскогорье 34, 42, 44
 Ղարաբաղի սառնաբլուր
 Карабахский обломок 28, 29, 31
 Ղարաբաղի լեռնաճյուղ
 Карабахская провинция 39, 44, 52, 70
 Ղարաբաղի գավ.
 Карабахское ханство 28, 33, 38, 39, 42, 70
 Ղարաբաղի խանություն
 Карабахский хребет 29—31, 33, 34, 38, 42, 70
 Ղարաբաղի լեռնաշղթա
 Караглух, с. См. также Дашушен 25
 Քարաղլուխ, գ., ախ և նաև Դաշուշեն

Карадаг, перс. провинция 43
 Դաղաղալ, պարսկ. Երկրամաս
 Каракенд, с. 29
 Դաղախենդ, գ.
 Карасни, с. 135
 Կաղասնի, գ.
 Карин, г. См. также Эрзерум 70
 Կարին, ք., տե՛ս նաև Էրզրում
 Карицтак, с. См. также Хюнот 21, 26, 75, 158
 Քարիցտակ, գ., տե՛ս նաև Հունոտ
 Каспийское море 32, 54, 139
 Կասպից ծով
 Карягано, с. См. также Физули 29, 32, 81, 82
 Կարյաղին, գ., տե՛ս նաև Ֆիզուլի
 Карягинский у. 28, 39
 Կարյաղինյի գավ.
 Кафан, г. 13
 Կափան, ք.
 Качахакар, вершина 30
 Կաչաղախար, բարձունք
 Качахакаберд, вершина 30
 Կաչաղախաբերդ, բարձունք
 Кельбаджарский р-н 15, 24
 Քալբադжарի շ-ն
 Кендалан, р. 31, 37
 Կենդալան, գետ
 Керт, с. 146
 Քերթ, գ.
 Кизил-чай, р. 31, 37
 Կիզըլչայ, գետ
 Кирс Мец, Кирс Покр, вершины 139, 141
 Քիրս մեծ, Քիրս փոքր, բարձունքներ
 Коба, святыня (ок. с. Пирджамал) 145
 Կարш, սրբատեղ (Փիրշամալ գ-ի մոտ)
 Колатак, с. 135
 Քալատակ, գ.
 Константинополь, г. 6, 7
 Կոստանդնուպոլ, ք.
 Козазерк, с. 86
 Քազազերկ, գ.

Кохак, с. 142, 145
 Կոլակ, գ.
 Кохак, священ. роша (с. Чартар) 142
 Կոլակ, սուրբ բազիլոս (Ճարտար գ.)
 Кочус, р. 31
 Դոշու, գետ
 Кубатлинский р-н 29
 Կուբաթրլուի շ-ն
 Кубатлинский у. 39
 Կուբաթրլուի գավ.
 Кумайри, г. См. также Алекسانдраполь 30, 31, 32, 80
 Կումայրի, ք., տե՛ս նաև Ալեքսանդրապոլ
 Кура, р. 29, 30, 32, 70, 81, 88, 139
 Կուր, գետ
 Курак (Кури-ак), р. 38
 Կուրակ (Կուրի-ակ), գետ
 Куру-чай (Куру-су), р. См. также Цамакгет 37
 Դուրու-չայ (Դուրու-սու), գետ, տե՛ս նաև Ցամախգետ
 Кусаберд, гора 29
 Կուսաբերդ, լեռ
 Кусаберд, с. См. также Ахчакаберд, Кызкала 145
 Կուսաբերդ, գ. տե՛ս նաև Աղչխաբերդ, Կրզխալ
 Кусанат, вершина 30
 Կուսապատ, բարձունք
 Кусанат, с. 25, 26, 86, 143, 145, 147, 149, 150, 154
 Կուսապատ, գ.
 Кутанская губ. 48
 Քուրայիսի նահ.
 Кхарши, церковь 135
 Կղաթի, եկեղեցի
 Кызкала, с. См. также Кусаберд, Ахчакаберд 29, 145
 Կրզխալ, տե՛ս նաև Կուսաբերդ, Աղչխաբերդ
 Лачинский р-н Азербайджана 15, 24, 29
 Լաչինի շ-ն Աղբրեջանի
 Лемци дзор, Лемци дара (Немецкое ущелье) 72
 Լեմցիձոր, Լեմցի դարա (Գերմանական կիրճ)
 Ленинан, г. См. также Алекسانдраполь (Кумайри) 7
 Լենինական ք., տե՛ս նաև Ալեքսանդրապոլ (Կումայրի)
 Ленинград (Санкт-Петербург) 16, 191, 203
 Լենինգրադ (Սանկտ-Պետերբուրգ)

Ленкорань, г. 36

Լենկորան, ք.

Лори, ист.-этнограф. регион 42, 147

Լորի, պատմա-ազգային շրջան

Мавас, монастырь (ок. одноимен. села) 147

Մավաս, վանք (համանուն գ-ի մոտ)

Мавас, с. 147

Մավաս, գ.

Магавус, с. 25

Մաղավաս, գ.

Малая Азия 185

Փոքր Ասիա

Марачи, с. 48

Մարաշի, գ.

Мардакерт, с. 25, 81, 82, 86, 114, 120, 121, 126, 169

Մարդակերտ, գ.

Мардакертский р-н 40

Մարդակերտի շրջան

Майракахак, городище 37

Մայրաքաղաք, քաղաքային

Мартунинский р-н 25, 40

Մարտունի շրջան

Мегри, с. 11, 13, 150

Մեղրի, գ.

Мегринский р-н 39, 196

Մեղրիի շրջան

Меликджанлу, с. 43

Մելիքջանլու, գ.

Мец Кирс, гора 29, 31

Մեծ Բիրս, լեռ

Мещен, с. 25, 145

Մեծշեն, գ.

Мокс, ист.-этнограф. область Зап. Армении 11

Մոկս, Արևմտ. Հայաստանի պատմա-ազգային մարզ

Москва 5, 58, 74

Մոսկվա

Мохратах, с. 86

Մոխրաթաղ, գ.

Мрав, гора 21, 29, 139, 141

Մրավ, լեռ

Мравская цепь 30, 147

Մրավի լեռնաշղթա

Мравский хребет 29, 32, 37, 147

Մրավի լեռնաշղթա

Мргаманцкюмер, отселки с. Аветараноц 86

Մրղամանցկյումեր, Ավետարանոց գ-ի գումանեղ

Муханская низменность 44

Մուղանի հարթավայր

Муханская степь 31, 44, 77, 81

Մուղանի տափաստան

Мухренес, с. 26, 34, 78

Մուխրենես, գ.

Нагорный Карабах, ист.-этнограф. область Армении. См. также

Արцах 13, 15, 19, 24—26, 28—31, 34, 36, 39, 41, 43—45,

47—49, 51, 53, 54, 59, 60—62, 64, 65, 68, 72, 73, 76, 77,

80—82, 88—90, 94, 95, 99, 102, 104, 105, 117, 120, 123, 135,

137—139, 141, 142, 145, 147, 148, 151, 156, 160, 161, 165,

167, 171, 176, 179, 180, 182, 183, 185, 186, 190

Լեռնային Ղարաբաղ, Հայաստանի պատմա-ազգային մարզ, տե՛ս նաև Արցախ

Нагорный Курдистан 15, 24, 44

Լեռնային Բերդստան

Нахатак, святыня (ок. с. Оратах) 145

Նահատակ, սրբանդ (Հոռաթաղ գ-ի մոտ)

Нахатак Антон Тифлисский, святыня (г. Шуши) 145

Անտոն Թիֆլիսեցու ճանատակ, սրբանդ (Շուշիի մոտ)

Нахатак Большой и Малый, святыня (ок. с. Кызкала) 145

Նահատակ Մեծ և Փոքր, սրբանդ (Ղրզղալա գ-ի մոտ)

Нахичеван, г. 70, 73

Նախիջևան, ք.

Нахичеваник, с. 145

Նախիջևանիկ, գ.

Нахичеванская АССР 70

Նախիջևանի ԲՍՍՀ

Нахичеванское ханство 73

Նախիջևանի խանություն

Низменный Карабах 39, 77, 78

Դաշտային Ղարաբաղ

Нинги, с. 25, 78, 89, 148, 150, 151, 170

Ննգի, գ.

Новгородская губ. 156

Նովգորոդի նահանգ

Новое Қаладараси, с. 86
 Նոր Դալարասի, գ.
 Нөршен, с. 78, 156
 Նորշեն, գ.
 Нор Джуга (Джульфа), г. 70
 Նոր Զուղա (Զուլֆа), ֆ.
 Нор Драхтык, с. 135
 Նոր Դրախտիկ, գ.
 Нор Кятук, с. 145
 Նոր Գյարուկ, գ.
 Нухи, г. 22, 42, 52, 143
 Նուխի, ֆ.
 Овананист, р. 81
 Հովանանիստ, գետ
 Оратах, с. См. также Гюлатах 52, 86, 145.
 Հոգարադ, գ., տե՛ս նաև Գյուլարադ
 Оратахская волость 86
 Հոգարադի վիճակ
 Охчи, р. См. также Капан 39
 Օխչի, գետ, տե՛ս նաև Կապան
 Персия 38, 39, 54, 137
 Պարսկաստան
 Персидский залив 70
 Պարսկական ծոց
 Петербург 71
 Պետերբուրգ
 Пехи Ахпур, священ. родник (ок. с. Каринтак) 75
 Պեխի ախպուր, սրբուհի (Քարինտակ գ-ի մոտ)
 Пирджамал, с. 145
 Փիրջամալ, գ.
 Плкнанцкюмер, отселки с. Аветараноц 86
 Պլկանանցկյամեր, Ավետարանոց գ-ի գամանակ
 Прикаспийская степь 32, 34
 Մերձկասպյան տափաստան
 Погосакюмер отселки с. Арчадзор 30
 Պողոսակյումեր, Արչաձոր գ-ի գամանակ
 Покр Кирс, вершина 31, 37
 Քիրս փոքր, բարձունք

Предгорный Карабах 35
 Ղարաբաղ նախալեռնային
 Птреник, с. 145
 Պարենցիկ, գ.
 Птхесберк, монастырь (в одноименном селе) 149, 156
 Պողեսբերկ, վանք (համանուն գ-ում)
 Птхесберк, с. 149
 Պողեսբերկ, գ.
 Рипсима, церковь (с. Каринтак) 135
 Հոփսիմե, եկեղեցի (Քարինտակ գ-ում)
 Россия 36, 38, 39, 42, 49, 54, 60, 70, 73, 88
 Ռուսաստան
 Савалан, хребет 139
 Սավալան, լեռնաշղթա
 Саргашен, с. 145, 155, 190
 Սարգաշեն, գ.
 Сардарашен, с.
 Սարդարաշեն, գ.
 Сурп (св.) Сарибека святыня (ок. с. Дашушен) 75, 14, 143, 156
 Սուրբ Սարիբեկի սրբանիղ (Դաշուշեն գ-ի մոտ)
 Саксаган, вершина 30
 Սաֆաղան, բարձունք
 Сарушен, с. 150
 Սարաշեն, գ.
 Сары-баба, гора 29
 Սարիբաբա, լեռ
 Севанское оз. 134
 Սևանա լիճ
 Сенгер, вершина 30
 Սենգեր, բարձունք
 Сефевидское государство 61
 Սեֆեյան պետություն
 Сибирь 54
 Սիրիբ
 Сиснан, г. 8, 11, 13
 Սիսնան, ֆ.
 Сос, с. 25, 78, 95, 103, 105, 134, 146, 161, 163, 168, 169, 172, 175, 176, 184, 188, 189
 Սոս, գ.

Спитак хол, святыня (ок. с. Нор Кятук) 145
 Սպիտակ դղ., սրբանդ (Նոր Քյարով գ-ի մոտ)
 Средиземноморье 138, 179
 Միջերկրածով
 Степанакерт, г. См. также Ханкенды 24, 25, 69, 80, 82, 104
 Ստեփանակերտ, ք., տե՛ս նաև Խանկենդի
 Степанакертский р-н 40
 Ստեփանակերտի շ-ն
 Схторашен, с. 143
 Սխտորաշեն, գ.
 Сюник, ист.-этнограф. регион Армении 135
 Սյունիք, Հայաստանի պատմա-ազգագր. շ-ն

Таварахач, святыня (ок. с. Кусапат) 154
 Տավարախաչ, սրբանդ (Կուսապատ գ-ի մոտ)
 Тавриз, г. 42, 54, 55, 70, 71
 Թավրիզ, ք.
 Тартар, н.-п. 29, 75, 81
 Թարթար, ք.-վ
 Тартар, р. (Тырту) 20, 30, 32, 33, 37, 81, 134, 137, 144, 147, 185
 Թարթար, գետ (Տրտու)
 Тартарская депрессия 28, 29, 30
 Թարթարի ցածրանաբարձրյուն
 Тахавард, с. 25, 85, 108
 Թաղավարդ, գ.
 Верин Тахавард, с. 146
 Վերին Թաղավարդ, գ.
 Тахлар, с. См. также Ццахач 25, 78, 82, 95, 105, 126, 161, 163, 164
 Թաղար, գ., տե՛ս նաև Յցախաչ
 Тахасер, с. 85
 Թաղասեր, գ.
 Тахут, с. 85
 Թաղուտ, գ.
 Тах, с. 146
 Թաх, գ.
 Теша—Қара—Сара, вершина 30
 Թեշաղաղասար, բարձունք
 Тифлис, г. 5—7, 9, 47, 84
 Թիֆլիս, ք.

Тифлисская губ. 48
 Թիֆլիսի նահանգ
 Тох, с. 20, 25, 26, 105
 Տաղ, գ.
 Тохский замок 37
 Տաղի ամրոց
 Тохская долина 32
 Տաղի հովիտ
 Трапизон, г. 70
 Տրապիզոն, ք.
 Трги, р. 147
 Տրդի, գետ
 Ттуджур, перевал 70, 75
 Թրոյուր, լեռանցք
 Туми, с. 34, 78
 Տումի, գ.
 Турция 33
 Թուրքիա

Улупан, с. 135
 Ուլուպան, գ.
 Ухтапахик, священ. родник (ок. с. Чартар) 143
 Ուխտածաղիկ, սուրբ աղբյուր (Ճարտար գ-ի մոտ)

Физули, н. п. См. также Карягино 31
 Ֆիզուլի ք-վ., տե՛ս նաև Կարյագինո

Хазаз, отрог 31
 Խազազ, լեռանյուղ
 Хакаган, вершина 30
 Խակաղան, լեռնագագաթ
 Ханларский р-н 150
 Խանլարի շ-ն
 Хариби хач, святыня (ок. с. Кусапат) 145
 Դարիբի խաչ, սրբանդ (Կուսապատ գ-ի մոտ)
 Ханкенды, с. См. также Степанакерт 24, 66, 69
 Խանկենդի, գ., տե՛ս նաև Ստեփանակերտ
 Хатраванк, Хата, монастырь. См. также Дадиванк 135
 Խարավանք, Խարա, վանք, տե՛ս նաև Դաղիվանք
 Хачен, у. 35, 37, 79, 84
 Խաչեն, գավ.

Хачен, р. 32, 33, 37, 67, 81, 134, 185

Խաչեն, գետ

Хаченское меликство 28

Խաչենի մելիքություն

Хаченский р-н 39, 169

Խաչենի շեն

Хачинхут, вершина 30

Խաչինխութ, բարձունք

Хачмач, с. 144, 146

Խաչմաչ, գ.

Херхер, с. 150

Հերհեր, գ.

Хин Кятук, с. 156

Հին Գյարուկ, գ.

Ходжахурд (юрт), гора 30, 137

Խոջախուրդ (յուրթ), լեռ

Ходжалинская долина 42

Խոջախուրդի հովիտ

Хон (Хонашен), р. 31, 37, 81, 82, 89

Խոն (Խոնաշեն), գետ

Хондык, святыня (между с. Аветараноц, Саргасшен и Верин
Тахавард) 134, 146

Ղոնդիկ, սրբատեղ (Ավետարանոց, Սարգսաշեն և Վերին Քաղախուրդ
գյուղերի միջև)

Хор Ахпюр, родник со священ. чинаром (ок. Гадрут) 143

Խոր Աхքյուր, աղբյուր սուրբ խոնիով (Հադրութի մոտ)

Хрхан, с. 86, 135, 141

Խրխան, գ.

Хыкэхан, святыня (ок. с. Ванк) 145

Հիքեղան, սրբատեղ (Վանք գ-ի մոտ)

Хюнот, с. См. также Каринтак 143

Հյունոտ, գ., տե՛ս նաև Քարինտակ

Цакурн, с. 43

Շակուրի, գ.

Цамакгет, р. См. также Куру-чай 31

Յամաքգետ, գետ, տե՛ս նաև Ղուրուչայ

Цоватех, с. 20, 150

Շովատեղ, գ.

Цорская крепость 146

Շորի ամրոց

Цахач, с. См. также Тахлар 25

Յցախաչ, գ., տե՛ս նաև Քաղլար

Цэра нахатак, святыня (ок. с. Птреник) 145

Մերա նահատակ (Պտրեցիկ գ-ի մոտ)

Чанкатах, с. 85

Ճանկաքաղ, գ.

Чартар, с. 25, 52, 78, 85, 101, 105, 109, 120, 126, 133, 134, 142,
143, 146, 150, 156, 161, 163, 175, 176, 189

Ճարտար, գ.

Чахмахский отрог 31, 32, 37

Չախմախի լեռնանյութ

Чахмахская система 31

Չախմախի համակարգ

Чгаворци, святыня (ок. с. Нахичеваник) 145

Ճգնավորցի, սրբատեղ (Նախիջևանիկ գ-ի մոտ)

Чирагуз (Чракус), с. 25

Չրակուզ, գ.

Чильгяс, вершина, См. также Арцатаханк 30

Չիլգյաս, բարձունք, տե՛ս նաև Արժարախանք

Чобан-гоне, с. 86

Չոբանգոն, գ.

Чола (Чали-Даг), вершина 30

Ճոլա (Ճալի դաղ), բարձունք

Шамахи, г. 22, 42, 53, 54, 55, 70, 143

Շամախի, ք.

Шамхор, и. п. 65

Շամխուր, բ-վ.

Шамшадин, с. 42

Շամշադին, գ.

Шамшадинская дистанция 62

Շամշադինի դիստանցիա

Шатах, г. 10, 11

Շատախ, ք.

Шахах, святыня (между с. Дзамдзор и Саргасшен) 190

Շահաչ, սրբատեղ (Զամձոր և Սարգսաշեն գյուղերի միջև)

Шахбулагский родник 30

Շահբուլաղի աղբյուր

- Шикакар, с. См. также Дашушен 25, 134
 Շիրակաւ, գ. տե՛ս նաև Դաշուշեն
 Ширакская равнина 41
 Շիրակի հարթավայր
 Шмонек, святыня 156
 Շմոնեկ, սրբանկ
 Шош, с. 21, 105
 Շոշ, գ.
 Шошк, монастырь (Аскеранский р-н) 155
 Շոշի, վանք (Ասկերանի շ-ն)
 Шуши, г. 22, 26, 33, 37, 42, 43, 51—55, 57, 63—76, 80, 81, 143,
 145, 148, 171, 186
 Շուշի ք.
 Шушинский р-н 40
 Շուշու շ-ն
 Шушинский у. 28, 39, 74
 Շուշու գավ.
 Эрзерум, г. См. также Карин 70
 Էրզրում, ք., տե՛ս նաև Կարին
 св. Эчмиадзин. См. также Вагаршапат 5, 7
 սր. Էջմիածին, տե՛ս Վաղարշապատ
 Վաղանդա—ն. Լալայան, Վաղանդա, Ազգագրական հանգես; հ. 2, Թիֆ-
 ֆիս, 1898.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Научный кабинет-архив—Научный кабинет-архив им. Степана и
 Србуи Лисицын при Институте археологии и этнографии
 АН Армении, Ереван.
 ОРВК—Обозрение российских владений за Кавказом СПб.
 СМОМПК—Сборник материалов для описания местностей и пле-
 мен Кавказа. Тифлис.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
От автора	24
Географический очерк	28
Глава первая. Население	41
Глава вторая. Город и село	68
Глава третья. Семья	95
Глава четвертая. Верования	134
Приложение	191
Переписка по поводу издания рукописи	191
Глоссарий	207
Указатель географических названий, исторических памятни- ков и местных святынь	219
Список сокращений	238

СТЕПАН ЛИСИЦЯН
АРМЯНЕ НАГОРНОГО КАРАБАХА
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Редактор издательства Л. С. Азатян
Тех. редактор А. П. Шагинян
Корректор С. М. Степанянц

ИБ № 1781

Сдано в набор 18.05.1992 г. Подписано к печати 19.08.1992 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Шрифт «литературный»

высокая печать. Печ. л. 15,0+1 вкл. Усл. печ л. 12,7.

Учетно-изд. л. 10,92.

Тираж 1500. Зак. № 69. Изд. № 7997. Цена договорная.

Издательство АН Армении, 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24 г.

Типография Издательства АН Армении, 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна 24.